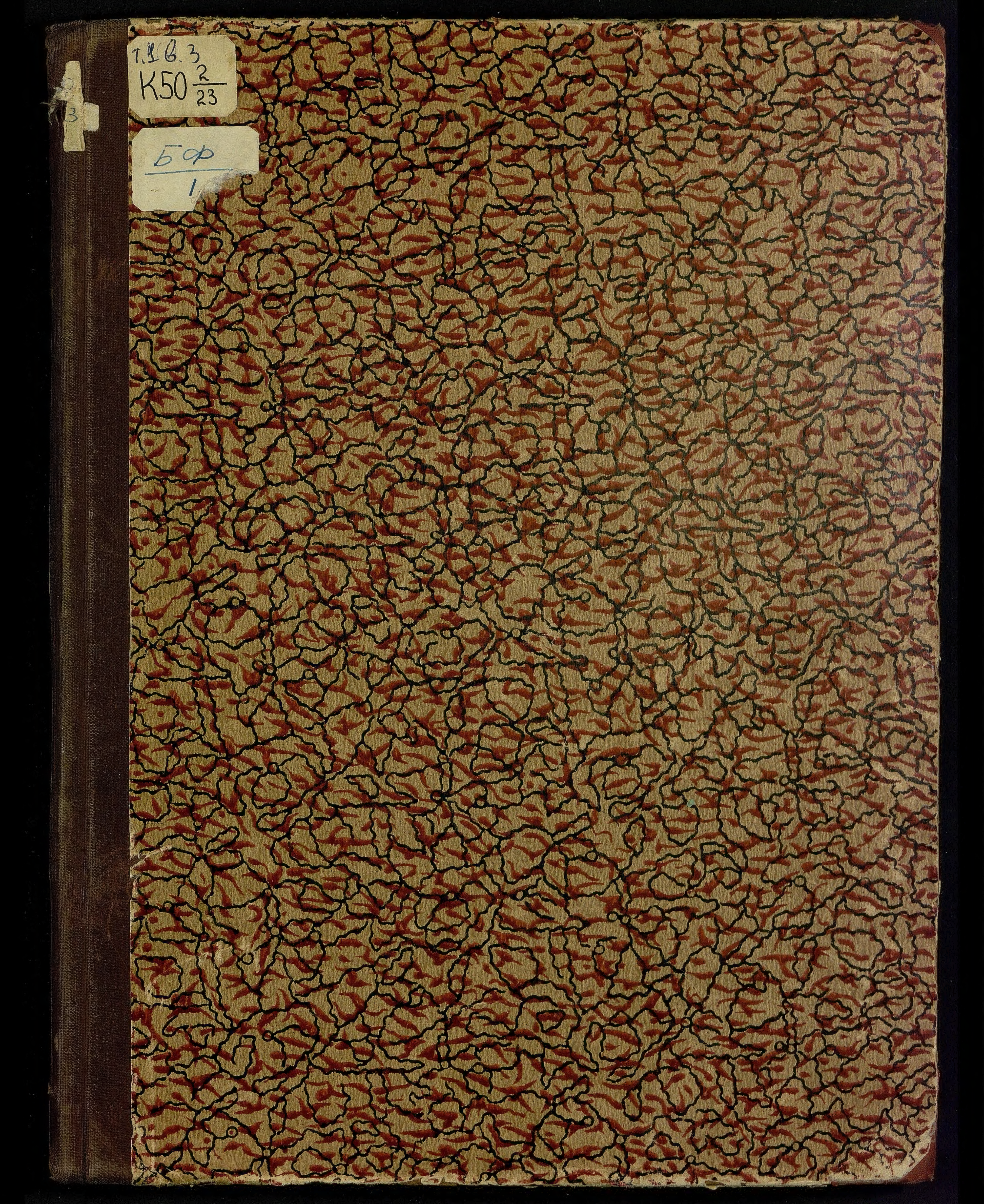
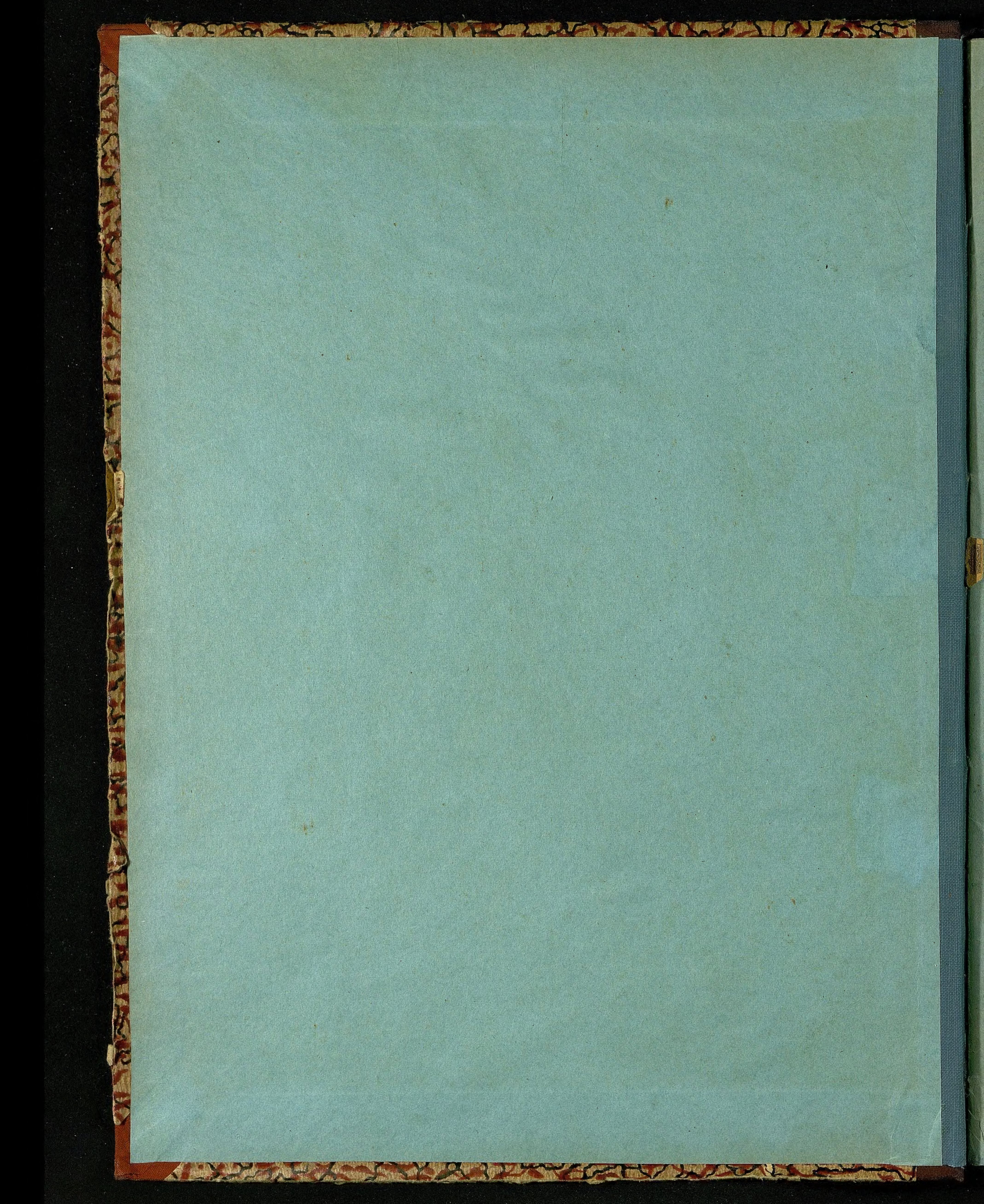
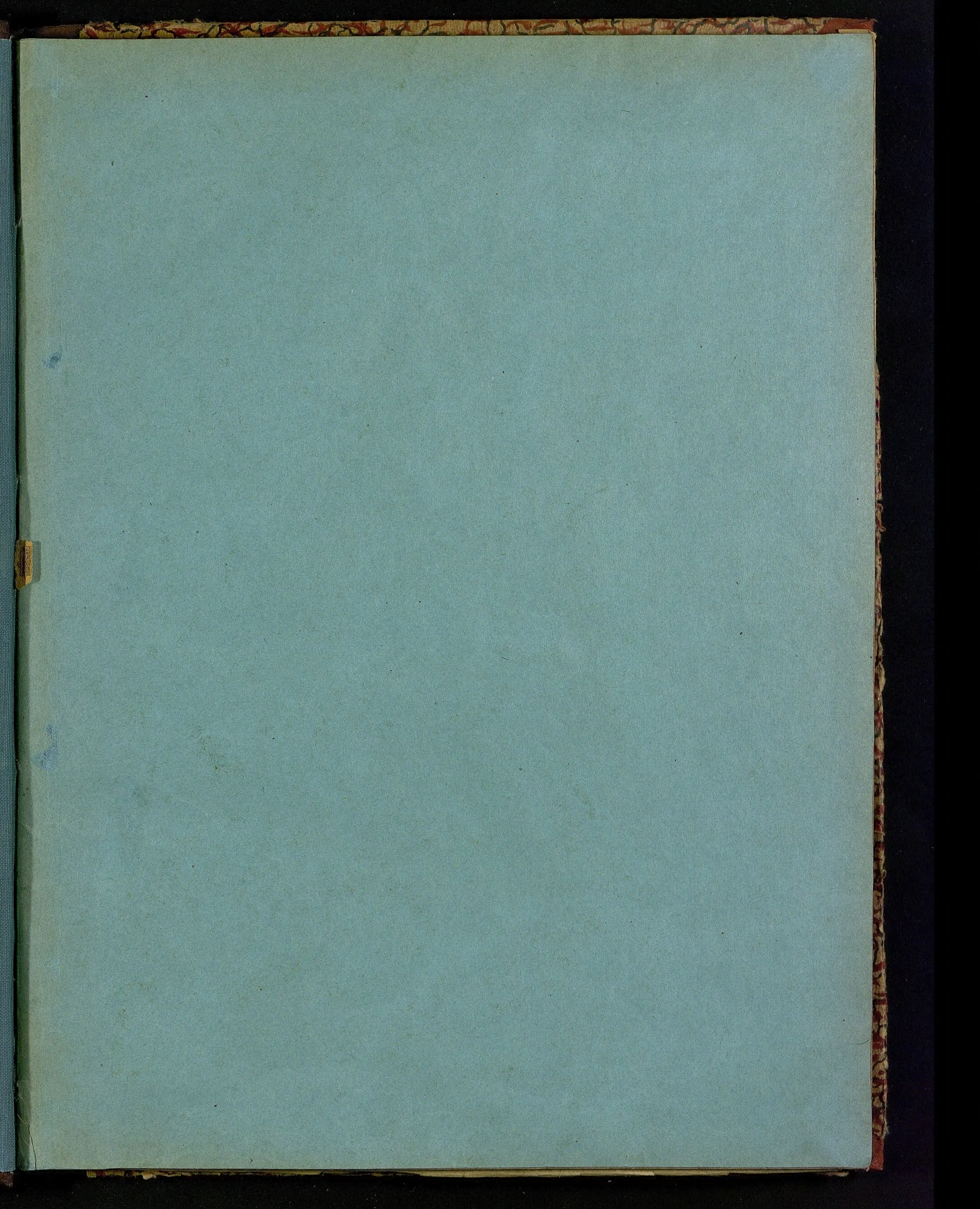
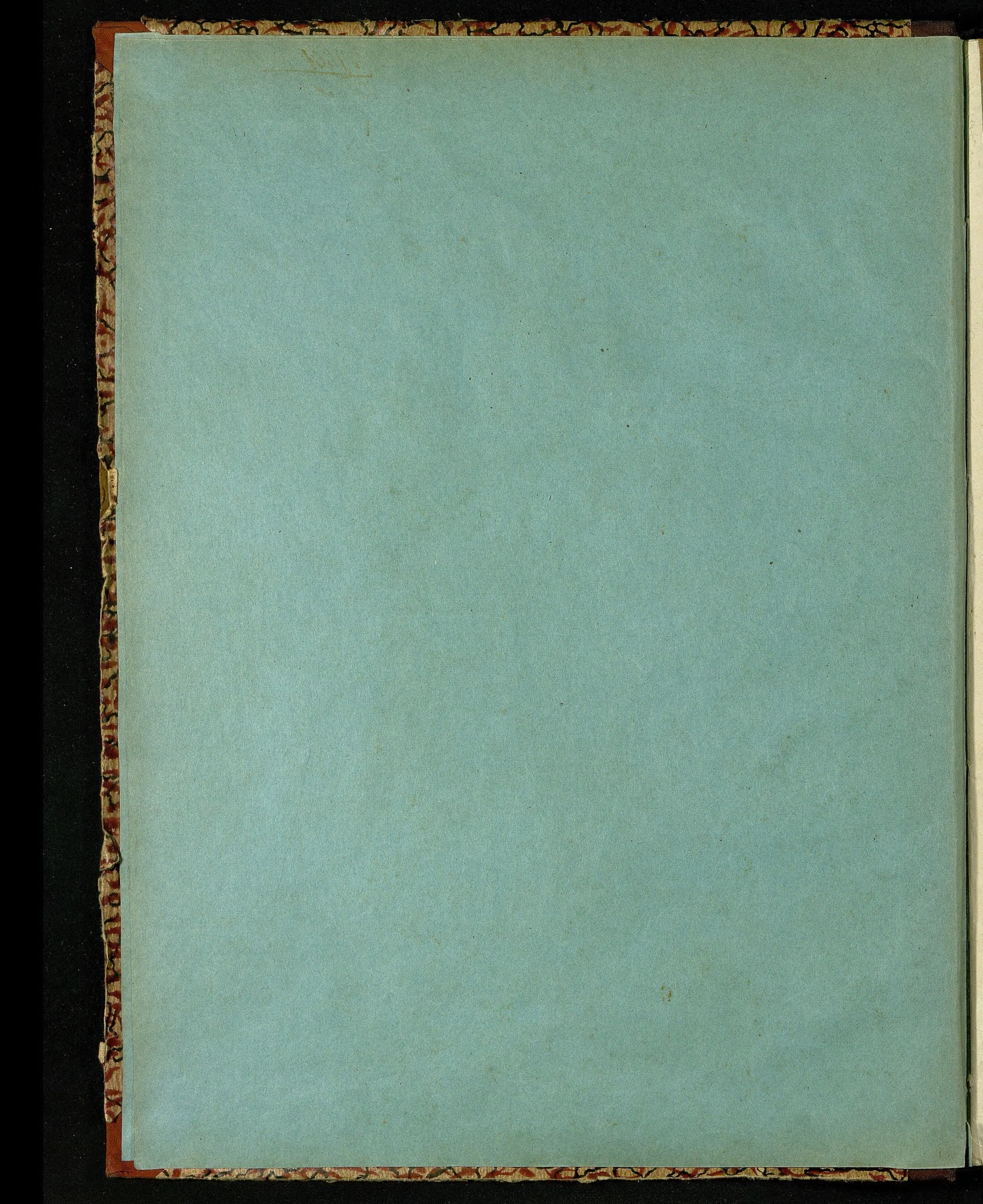

РОССІЯ и ЕЯ СОЮЗНИКИ

ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЦИВИЛИЗАЦІЮ

ИЗДАНІЕ Д. Я. МАКОВСКАГО
МОСКВА

В. 3

Содержаніе 3-го выпуска.

Въ текстѣ, на отдѣльныхъ листахъ и наклейками помѣщено 49 рисунковъ, изъ нихъ 6 въ краскахъ.

своей семьи. Однако Наполеонъ, будучи идеологомъ и мечтателемъ, способнымъ на безкорыстіе, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и реальнымъ политикомъ, раздѣлявшимъ политическія традиціи Франціи, которымъ онъ стремился дать грандіозный размахъ въ духѣ великаго Наполеона. Во Франціи же, какъ мы знаемъ, опасались созданія единой сильной Италіи. Для Франціи была выгоднѣе слабая федерація маленькихъ итальянскихъ государствъ и преобладаніе въ этой федераціи, т.-е. положеніе, обратное тому, какое стремилась установить на полуостровѣ Австрія. Кромѣ того, ни французы ни Наполеонъ не забыли стремленія Франціи къ естественнымъ границамъ, т.-е. со стороны Италіи—Альпъ, что предполагало аннексію колыбели сардинской династіи, Савои.

Наполеонъ оставилъ Италію въ 1831 г. и конкретизировалъ свои планы въ связи создавшихся у него тогда представленій о ней. Поэтому ему казалась желательною для итальянцевъ и наиболѣе выгодною для Франціи форма объединенія заальпійскихъ земель въ видѣ федераціи итальянскихъ государствъ съ сильнымъ Пьемонтомъ, занявшимъ земли Австріи на сѣверѣ, и съ папою во главѣ, что должно бы было удовлетворить клерикаловъ. Преобладаніе Франціи можно было обезпечить—создавъ Тосканское королевство для двоюроднаго брата Наполеона Жерома (главнымъ образомъ въ этихъ расчетахъ и былъ устроенъ бракъ Жерома съ дочерью Виктора-Эммануила II) или возвращеніемъ Мюратовъ въ Неаполь. Вознагражденіемъ Франціи за безкорыстную помощь должны были служить Савоя и Ницца.

Викторъ-Эммануилъ II.

Такимъ образомъ, совпаденія между идеями Кавура и Наполеона не было, и ихъ союзъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и дипломатическимъ поединкомъ, гдѣ на сторонѣ Кавура находились какъ сильныя стороны идеологіи самого Наполеона, не позволявшія ему рѣзко и опредѣленно, нарушая интересы и желанія итальянцевъ, провести свою мысль, такъ и неусчитываемыя заранѣе реальности — отношеніе Англіи и сила революціоннаго движенія въ самой Италіи.

Еще до образованія въ 1852 г. своего великаго министерства Кавуру удалось наладить дружественныя сношенія съ Франціей и Англіей, а во время своего пребыванія въ Парижѣ и Лондонѣ заручиться довѣріемъ и поддержкою тамошнихъ министерствъ. Кавуръ уже могъ мечтать о далекомъ будущемъ, когда Италія, ставъ великою державой, раздѣлитъ съ Франціей и Англіей владычество въ Средиземномъ морѣ. И эта мечта была внѣшнимъ оправданіемъ вмѣшательства Пьемонта въ войну съ Россіей: „Россія не можетъ стать владычицей Константинополя и при своемъ семидесятимилліонномъ населеніи превратить величайшее изъ внутреннихъ морей въ мірѣ въ свой арсеналъ, которому не въ силахъ будутъ противостать всѣ морскія державы вмѣстѣ". Участіе же въ войнѣ съ Россіей, — и это въ данный моментъ для Кавура было самымъ важнымъ,—ввело Пьемонтъ въ число европейскихъ державъ и открыло ея представителю, тому же Кавуру, двери Парижскаго конгресса.

Въ 1855 г. во время поѣздки Кавура съ Викторомъ-Эммануиломъ въ Парижъ и Лондонъ уже сказались первые плоды, казалось бы, излишней для Пьемонта активности. Наполеонъ, „оцѣнившій величіе рѣшеній Виктора-Эммануила не по величинѣ его земель", намѣтилъ свои планы. — Что можно сдѣлать для Италіи? Присоединить къ Пьемонту ломбардо-венеціанскую

область, вымѣнявъ ее у Австріи за дунайскія земли, и отдѣлить Романью отъ папской области? Отдать Романью Тосканѣ или Моденѣ и вознаградить Пьемонтъ за счетъ ихъ областей, уладивъ его отношенія съ Австріей и настоявъ на уменьшеніи административнаго гнета въ ломбардо-венеціанской области, и потребовать реформъ въ Неаполѣ? Но на Парижскомъ конгрессѣ этихъ вопросовъ коснуться не удалось. Допущенный на него почти изъ милости, Кавуръ долженъ былъ дѣйствовать осторожно и сдержанно,—онъ вернулся въ Туринъ, „не привезя въ своихъ карманахъ даже маленькаго герцогства“. И, тѣмъ не менѣе, онъ былъ въ выигрышѣ.

Наряду съ засѣданіями конгресса, Кавуръ велъ тайные переговоры съ Наполеономъ и лордомъ Кларендономъ, при чемъ и Кларендонъ высказывался за прекращеніе австрійской оккупаціи нѣкоторыхъ папскихъ земель и введеніе реформъ въ Неаполѣ и папской области. Подымался вопросъ и о войнѣ Пьемонта съ Австріей, и выяснилось, что Кавуръ могъ разсчитывать на поддержку Англіи и Франціи. Благодаря поддержкѣ представителя Франціи и Кларендона, Кавуру удалось высказаться на конгрессѣ по итальянскому вопросу, обнаруживъ передъ Европою положеніе дѣлъ на полуостровѣ. Пьемонтъ являлся передъ ней какъ бы въ качествѣ представителя Италіи; по мысли Кавура онъ былъ мстителемъ Италіи и поручителемъ европейскаго мира. Въ своихъ нотахъ отъ 16-го апрѣля 1856 г. онъ рѣзко развилъ эту точку зрѣнія, предлагая французскому министру иностранныхъ дѣлъ Валевскому и Кларендону настоять на введеніи особеннаго свѣтскаго викаріата для сѣверныхъ папскихъ провинцій и на ограниченіи Австріи въ Италіи: иначе, подчинивъ Пьемонтъ, она станетъ опасной для Англіи и Франціи.

Правда, въ Англіи мирное теченіе оказалось болѣе сильнымъ, чѣмъ сначала предполагалъ Кавуръ, полагаясь на заявленія Кларендона. Зато опредѣленнѣе стали отношенія съ Наполеономъ, которому Кавуръ, можетъ-быть, уже обѣщалъ Савою и Ниццу. Наполеонъ соглашался на созданіе викаріата въ сѣверныхъ провинціяхъ папской области и думалъ принудить Австрію къ оставленію оккупированныхъ ею земель выведеніемъ французскихъ войскъ изъ Рима. Онъ предлагалъ сдѣлать викаріемъ Виктора Эммануила, желая взамѣнъ этого вознаградить Францію возстановленіемъ Мюратовъ въ Неаполѣ. Но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ еще надѣялся рѣшить проблему путемъ дипломатіи. Кавуръ старался форсировать событія и обезпечить себѣ сочувствіе Европы,—предоставленіе Россіи угольной станціи въ Виллафранка было однимъ изъ такихъ актовъ (1857).

Наконецъ былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ. На свиданіи съ Кавуромъ въ Пломбіерѣ (іюль 1858 г.) Наполеонъ выразилъ готовность поддержать своимъ войскомъ Пьемонтъ въ войнѣ съ Австріей, при томъ однако условіи, чтобы война была оправдана передъ дипломатическимъ и общественнымъ мнѣніемъ Европы и не носила революціоннаго характера. Ея предлогомъ могла бы быть оккупація Австріей папскихъ земель (Наполеонъ забывалъ объ оккупаціи французами Рима) или волненія въ Моденѣ, которыя вызвать не трудно. Ея цѣлью должно быть изгнаніе Австріи за Альпы и Изонцо. Пьемонтъ могъ бы получить Ломбардію, венеціанскую область, Модену, Парму и часть папскихъ земель. Желательно, чтобы не раздражить французскихъ клерикаловъ, по возможности щадить папу, оставивъ ему, по крайней мѣрѣ, „Римъ съ садомъ“, и Неаполь, чтобы не раздражить Россіи, которая обѣщала Наполеону свой нейтралитетъ, хотя и можно замѣнить Бурбоновъ Мюратами. Тоскану же слѣдуетъ превратить въ средне-итальянское государство и сдѣлать ея королемъ Жерома. Союзъ Неаполя, Тосканы и Пьемонта подъ предсѣдательствомъ папы и будетъ формою объединенія Италіи, моментъ для котораго благопріятенъ, такъ какъ Пруссія, видимо, останется нейтральной, какъ и Россія, въ Англіи правительство сочувствуетъ Италіи, и, слѣдовательно, Франція можетъ развить энергичную военную дѣятельность. За это, конечно, она получитъ Савою и Ниццу. На этихъ приблизительно условіяхъ и былъ заключенъ французско-пьемонтскій союзъ въ декабрѣ 1858 г.

Война началась, но принесла съ собой разочарованія и Кавуру и Наполеону. Несмотря на рѣшительные успѣхи при Маджентѣ и Сольферино, Наполеонъ учитывалъ возможность пораженія: его войска таяли, а организація всего военнаго дѣла во Франціи обнаружила существенные и опасные недостатки. Продолжать войну можно было поднявъ и привлекши на свою сторону революціонное движеніе въ Италіи и Венгріи. Но еще вопросъ, останется ли тогда спокойною Европа. За Англію можно не безпокоиться: она будетъ на сторонѣ революціи и въ Италіи и въ Венгріи, но Россія не пойдетъ по этому пути съ Франціей. Въ Германіи же положеніе становится опаснымъ. Пруссія, можетъ-быть, склоняется къ войнѣ, а если она подымется, то увлечетъ за собой и германскій союзъ. Пока она предлагаетъ посредничество и Наполеонъ, побуждаемый къ тому извѣстіями отъ военнаго министра и императрицы Евгеніи идетъ ей навстрѣчу. Онъ предлагаетъ Англіи базу для будущаго европейскаго конгресса — усиленіе Пьемонта Ломбардіей, Пармой и викаріатомъ въ Романьѣ, созданіе изъ Венеціи

Наполеонъ III въ битвѣ при Сольферино. *Съ картины Мейссонье.*

съ Моденой государства для австрійскаго эрцгерцога и сохраненіе Тосканскаго герцогства и Неаполя, но Англія настаиваетъ на объединеніи всей сѣверной и средней Италіи подъ властью ардинскаго короля, отказываясь, впрочемъ, довольно скоро отъ мысли о присоединеніи къ Пьемонту Венеціи. Наполеонъ начинаетъ переговоры съ Францемъ-Іосифомъ и заключаетъ съ нимъ миръ на условіяхъ передачи Пьемонту Ломбардіи, сохраненія Венеціи за Австріей и возстановленія сметенныхъ революціей герцоговъ въ Тосканѣ и Моденѣ.

Виллафранкскій миръ, навязанный Наполеономъ Пьемонту, не принесъ выгодъ Франціи, оставилъ открытымъ вопросъ объ итальянской федераціи и раздражилъ почувствовавшій себя обманутымъ Пьемонтъ. Еще ранѣе закрѣпленія этого мира въ Цюрихѣ (10 ноября 1859 г.) революціонное движеніе въ Италіи пошло своей дорогой, и стало очевиднымъ присоединеніе къ Пьемонту всей сѣверной и средней Италіи за исключеніемъ Венеціанской области. Положеніе Наполеона, видѣвшаго нарушеніе только-что заключеннаго имъ мира и несклоннаго съ точки зрѣнія интересовъ Франціи допускать превращеніе Пьемонта въ сильное государство, становилось все затруднительнѣй. „Moniteur“ предостерегалъ отъ присоединенія Тосканы.—„Италія не должна обманываться: въ Европѣ только одна держава ведетъ войны за идею. Это—Франція,

и она выполнила свою задачу". Но именно идейная сторона дѣла и мѣшала Наполеону пойти далѣе предостереженій, нарушеніе же Пьемонтомъ цюрихскаго мира позволяло поднять вопросъ о компенсаціяхъ и получить Ниццу и Савою. Попытки Наполеона удержать Пьемонтъ отъ захвата средней Италіи и сохранить въ неприкосновенности папскую область вмѣстѣ съ присоединеніемъ Савои и Ниццы лишь раздражали общественное мнѣніе Италіи и подрывали популярность Франціи, въ то время какъ Англія, которой усиленіе Пьемонта было выгоднымъ, удерживала Австрію отъ вмѣшательства въ итальянскія дѣла.

Шагъ за шагомъ, отступая передъ поднятымъ имъ же движеніемъ и этимъ усиливая его, Наполеонъ быстро терялъ выгоды своего положенія. Онъ вытѣснилъ съ полуострова Австрію и исправилъ французскую границу, но онъ не только не создалъ Франціи преобладающаго

Торжественный въѣздъ папы Пія IX.

значенія на полуостровѣ, а, напротивъ, допустилъ усиленіе Пьемонта и растерялъ пріобрѣтенныя было симпатіи итальянскихъ патріотовъ, вызвавъ недовольство французскихъ клерикаловъ и французскихъ политиковъ, недовольныхъ безплоднымъ кровопролитіемъ. Наконецъ, походъ Гарибальди на югъ Италіи разстроилъ планы Наполеона по неаполитанскому вопросу, еще болѣе усиливъ Пьемонтъ.

А между тѣмъ выростала новая проблема, роковая для Наполеона,—римскій вопросъ, къ которому онъ въ силу чисто-французскихъ отношеній не могъ отнестись съ пассивностью, раздражавшею итальянцевъ, но еще терпимою для нихъ. Наполеонъ могъ еще, хотя и съ неохотою, согласиться на захватъ Тріента, Истріи и Венеціи, о которыхъ въ бреду говорилъ умирающій Кавуръ, но уступить Италіи Римъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ выяснилась непримиримость папы, было совершенно немыслимо. Это значило бы поставить на карту свой тронъ въ борьбѣ съ французскими клерикалами. А съ другой стороны, Италія безъ Рима была національной безсмыслицей, и ни одинъ итальянецъ не могъ примириться съ мыслью о безнадежной его утратѣ. Приходилось терпѣливо ждать измѣненія политической конъюнктуры, потому что, какъ

ни препятствовалъ Наполеонъ осуществленію національныхъ задачъ молодого королевства, онъ вмѣстѣ съ Англіей былъ единственной надежною опорою Италіи. Его политика была личною, и паденіе его могло оказаться роковымъ. Кто знаетъ, можетъ быть, тогда сдерживаемое императоромъ недовольство французовъ появленіемъ новой соперницы принудитъ ее бороться съ ними за свое существованіе и клерикалы, ставъ у власти, вступятся за попранныя права папы?

Двѣ проблемы — Венеція и Римъ господствуютъ надъ всею политикой Италіи вплоть до 71 года—до ихъ разрѣшенія. Сперва все казалось для нихъ неблагопріятнымъ. Въ 1860 г. Англія предостерегаетъ Италію отъ „опасныхъ заблужденій", будто она можетъ второй разъ разсчитывать на Францію въ своемъ стремленіи къ Венеціи. Несмотря на всю дружбу къ Италіи, Англія при новомъ выступленіи Наполеона будетъ руководиться собственными своими интересами. А Наполеонъ, при всемъ своемъ искреннемъ желаніи исполнить данное обѣщаніе и освободить Италію до Адріатики, и не думалъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ или поддержкѣ революціи, надѣясь доставить Венецію Италіи въ обмѣнъ за уступку Австріи Босніи и Герцеговины или путемъ аналогичной комбинаціи. Англія предлагала ограничить оккупацію французовъ къ папской области лишь Ватиканомъ и Чивиттавеккіа, предоставивъ все остальное итальянцамъ, но Наполеонъ даже по вопросу о присоединеніи Романьи склоненъ былъ настаивать на признаніи въ ней Виктора Эммануила не самостоятельнымъ государемъ, а викаріемъ папы и не только не соглашался на выводъ изъ папской области раздражавшихъ итальянцевъ своимъ присутствіемъ войскъ, а требовалъ отъ Италіи формальнаго отказа отъ притязанія на Римъ и обязательства передъ Франціей уважать неприкосновенность папской области. Въ 1864 г. найдена была форма для соглашенія Франціи съ Италіей по римскому вопросу, но она не могла удовлетворить ни Наполеона, ни итальянцевъ и казалась временной и непрочной. Римъ въ 1866 г. былъ эвакуированъ французами, оставившими, однако, въ немъ обученное ими войско.

Съ конца 1862 г. открылась возможность новыхъ политическихъ комбинацій, позволяющихъ приблизиться къ цѣлямъ итальянскаго освободительнаго движенія, — сталъ намѣчаться союзъ Италіи съ Пруссіей. Наполеонъ относился къ нему скорѣе благожелательно: „Скоро пробьетъ для итальянцевъ часъ освобожденія Венеціи", но желая въ то же время предотвратить прусско-австрійскую войну, грозившую усиленіемъ Пруссіи, онъ старался обезпечить Италіи Венецію путемъ мирныхъ переговоровъ съ Австріей. Наполеонъ то, „какъ другъ", совѣтовалъ Италіи вступить въ союзъ съ Пруссіей, то, выговоривъ Венецію у Австріи, пытался обезпечить ея нейтралитетъ. Благодаря этому и создалось то странное положеніе, что Италія получила Венецію изъ рукъ Наполеона, причемъ эта передача сопровождалась, кажется, обязательствомъ самого Наполеона сохранить въ неприкосновенности свѣтскую власть папы.

Въ римскомъ вопросѣ положенія Наполеона было непримиримымъ и въ глазахъ итальянскихъ патріотовъ обезцѣнивало сочувственное отношеніе Франціи, заставляя ихъ забывать объ оказанной уже значительной помощи. Какъ и слѣдовало ожидать, сентябрьское соглашеніе 1864 г. вопроса не разрѣшило, а перенесеніе столицы во Флоренцію разсматривалось итальянцами, какъ временная мѣра, какъ шагъ къ Риму. Движеніе Гарибальди на Римъ и римское октябрьское возстаніе 1867 г. привели къ тому, что Наполеонъ счелъ нужнымъ „принять на себя заботу объ охраненіи сентябрьскаго соглашенія". Французскій министръ заявилъ въ палатѣ депутатовъ: „Италія никогда не получитъ Рима, никогда!", а французскія войска заняли Римъ, что не помѣшало французскому правительству протестовать противъ занятія нѣкоторыхъ пунктовъ папской области итальянцами. Отношенія не только между обѣими націями, но и между правительствами ихъ, казалось, разстроилось, и отраженіе французами при Ментанѣ войскъ Гарибальди смыло кровью доброе воспоминаніе о помощи французовъ при Маджентѣ и Сольферино.

ГАРИБАЛЬДИ.

Съ этого момента сближенie Италiи съ Пруссiей становилось все болѣе неизбѣжнымъ, и римскiй вопросъ приблизилъ, можетъ быть, часъ паденiя императора. Непримиримость Наполеона разстроила планъ франко-итальянско-австрiйскаго союза. Даже послѣ объявленiя войны maximum уступокъ Наполеона заключался въ возвращенiи къ соглашенiю 1864 г., а когда онъ согласился на занятiе Рима итальянцами, было уже поздно. Они заняли его послѣ паденiя имперiи.

Перенесенiе столицы итальянскаго королевства въ Римѣ заключаетъ первый перiодъ исторiи Италiи въ XIX вѣкѣ—перiодъ болѣзненнаго созиданiя единаго нацiональнаго государства. За это время яснѣе, чѣмъ когда-либо, сказалось значенiе для Италiи Англiи и Францiи. Проблемы, стоявшiя передъ Италiей на зарѣ XIX вѣка—освобожденiе отъ гнета восторжествовавшихъ послѣ паденiя Наполеона I реакцiонныхъ силъ, какъ и развитiе идеи нацiональности внутренно роднитъ Италiю съ Францiей и Англiей. Естественно, Италiя ожидаетъ сочувствiя и помощи и встрѣчаетъ ихъ какъ со стороны европейскаго либерализма, такъ и со стороны англiйскаго и французскаго правительствъ. Но не только безкорыстными идеями и даже не ими главнымъ образомъ опредѣлялась политика двухъ союзныхъ Италiи державъ. Завѣщанная прошлымъ забота объ европейскомъ равновѣсiи и стремленiе ихъ обѣихъ въ Средиземное море ставили вопросъ о вытѣсненiи Австрiи съ полуострова, и они же противопоставляли Англiю Францiи. Въ интересахъ послѣдней было возвращенiе къ эпохѣ Наполеона I, т.-е. въ виду измѣнившихся условiй, сдѣлавшихъ невозможнымъ полное осуществленiе наполеоновской идеи, замѣна преобладанiя на полуостровѣ Австрiи преобладанiемъ Францiи, или, по крайней мѣрѣ, созданiе ряда слабыхъ государствъ, въ худшемъ случаѣ объединенныхъ въ федерацiю. Напротивъ, преобладанiе Францiи не было выгоднымъ для Англiи, и она, противясь ему, нашла бы поддержку и въ Австрiи и въ Россiи. Федеративное же устройство не дало бы Англiи достаточно прочныхъ гарантiй противъ возвращенiя къ прежнему положенiю, тогда какъ единая сильная Италiя помогла бы въ случаѣ борьбы съ Францiей за Средиземное море. Сверхъ всего политика Францiи осложнялась еще стремленiемъ французскихъ политиковъ къ естественнымъ границамъ и сильною клерикальною партiей, готовой защищать всѣ интересы папства, быстро разошедшагося съ нацiональнымъ движенiемъ и тѣмъ самымъ усилившаго международное значенiе итальянскаго вопроса.

Внутреннiя противорѣчiя итальянской политики Францiи—противорѣчiя между „принципами революцiи", эгоистически нацiональными и клерикальнымъ интересами—яснѣе всего выразились въ колеблющейся политикѣ Наполеона III. Но противорѣчивы были и отношенiя итальянцевъ къ Францiи. Дѣти революцiи, республиканцы то были съ нею и возлагали на нее свои неосуществляющiяся надежды, то подымались противъ нее, оскорбленныя недостаткомъ безкорыстiя. Патрiоты разсчитывали на помощь благородной латинской сестры и требовали отъ нея большаго, чѣмъ она могла дать, забывая о пролитой за Италiю французской крови и врѣзая въ памяти лишь зловѣщее имя Ментаны.

Италiя достигла своей цѣли, и передъ нею открылось ея загадочное будущее, полное новыхъ противорѣчiй. Предстояло еще выполнить завѣщанiе Кавура—присоединить стонавшую подъ чужеземнымъ игомъ Италiю — Italia irredenta — Трентино и Трiестъ. Это было необходимымъ и со стратегической и съ нацiональной точки зрѣнiя. А тамъ далѣе рисовалось блестящее будущее—занять наслѣдiе Рима на африканскомъ побережьи, собрать разбросанное по Средиземному морю и разошедшееся по разнымъ рукамъ наслѣдiе Венецiи и прежде всего укрѣпиться на обоихъ берегахъ Адрiатики. А это выдвигало балканскую проблему и отдаленно—вопросъ о проливахъ. Эта мечта была мечтою о господствѣ на Средиземномъ морѣ, неосуществимою въ полномъ размѣрѣ. Приходилось ее упростить и ограничить въ смыслѣ средиземноморскаго равновѣсiя—равновѣсiя трехъ державъ: Италiи, Англiи и Францiи. Самымъ прямымъ путемъ къ осуществленiю такой задачи, казалось бы, было продолженiе традицiонной итальянской

политики борьбы съ Австріей въ союзѣ съ Россіей на Балканахъ. Но къ исходному пункту этой прямой дороги Италіи пришла окольными путями лишь въ 1915 году. Предстояло еще много сдѣлать и прежде всего обезпечить только-что добытое и занять соотвѣтствующее великому прошлому и грандіознымъ мечтамъ мѣсто въ ряду великихъ европейскихъ державъ.

Дружественное отношеніе Англіи сомнѣній не вызывало, но ея поддержка могла быть цѣнною лишь въ случаѣ столкновенія ея интересовъ съ французскими въ Средиземномъ морѣ; ея сдержанность не располагала къ чрезмѣрнымъ надеждамъ, Франція переживала революцію, результаты которой не могли быть ясными. Можетъ быть, повторится завоевательный періодъ первой республики, можетъ быть, возродится монархія Бонапартовъ, а можетъ быть престолъ займутъ Орлеаны или Бурбоны, принеся съ собою торжество клерикальной партіи — вѣчной угрозы столицѣ молодой Италіи. Въ данный моментъ Франція была безсильна и даже при полномъ сочувствіи Италіи не могла бы ее защитить отъ Австріи, не говоря уже о помощи для дальнѣйшей борьбы.

Можно ли было надѣяться на возрождающуюся республиканскую Францію? Во главѣ ея стоялъ Тьеръ, давно уже указывавшій на то, что „единство Италіи мать единства Германіи". Еще въ 1866 г. онъ говорилъ палатѣ: „Увидятъ новую германскую имперію, имперію Карла V. Прежде центръ ея былъ въ Вѣнѣ, теперь будетъ въ Берлинѣ, слишкомъ близко къ нашей границѣ, которую она будетъ тѣснить и сжимать. И для полноты аналогіи эта имперія вмѣсто того, чтобы опираться, какъ въ XV и XVI вѣкахъ, на Испанію, найдетъ опору въ Италіи". Особеннаго довѣрія этотъ прозорливецъ внушать Италіи не могъ. Но онъ былъ реальнымъ политикомъ. Считаясь съ невозможностью для Франціи мечтать объ агрессивной политикѣ и боясь раздражить французскихъ клерикаловъ, онъ пытался соблюсти должную мѣру и равновѣсіе въ отношеніяхъ къ Ватикану и Квириналу. Исходя изъ пониманія особеннаго положенія Франціи, которая должна „имѣть своего представителя въ Римѣ при итальянскомъ королѣ, признанномъ всею Европой и съ которымъ она хочетъ сохранить добрыя отношенія, и другого представителя при святомъ престолѣ, представляющаго вѣроисповѣданіе большинства французовъ", Тьеръ хотѣлъ жить въ мирѣ съ обѣими сторонами и не могъ удовлетворить ни одной. А онъ представлялъ собою еще умѣренное направленіе, его политика вызывала рѣзкія нападки клерикаловъ, и положеніе его моментами бывало критическимъ. Съ уходомъ Тьера и съ появленіемъ на посту президента Макъ-Магона враждебныя Италіи силы, казалось, были близки къ побѣдѣ. Приблизилась опасность реставраціи, которая была бы началомъ энергичной защиты святого Престола. Едва ли итальянцевъ могло окончательно успокоить заявленіе претендента графа Шамбора (апр. 1873 г.), что „онъ не помышляетъ о возстановленіи свѣтской власти папъ въ Италіи и измѣненіи status quo въ Европѣ, протестуя противъ приписыванія ему подобныхъ проектовъ со стороны одной изъ партій въ палатѣ депутатовъ", тѣмъ болѣе, что эта партія была достаточно сильна, а французскіе епископы энергично протестовали противъ проведеннаго итальянскимъ правительствомъ въ 1873 г. закона о религіозныхъ корпораціяхъ.

При такихъ условіяхъ изъ чувства самосохраненія Италія должна была стремиться къ улучшенію своихъ отношеній съ другими европейскими державами. И естественно, что итальянское правительство охотно пошло на предложенное Берлиномъ посѣщеніе Викторомъ-Эммануиломъ императора Вильгельма. Но этотъ визитъ (1873 г.) съ проѣздомъ черезъ Вѣну, обезпечивъ Италіи территоріальную неприкосновенность обѣщанной Германіей съ согласія Австріи и Россіи помощью, разстроилъ еще болѣе отношенія съ Франціей и, кажется, не безъ основаній, потому что есть извѣстія, что уже тогда Бисмаркъ предлагалъ Италіи въ предвидѣніи конфликта съ Франціей Ниццу и Савою. Сближеніе съ Германіей, предчувствуемое уже Кавуромъ, обосновываемое родственными судьбами обоихъ государствъ, давало Италіи гарантію отъ возможныхъ посягательствъ Франціи. Но, приближая Италію къ Австріи, оно тѣмъ самымъ включало въ себя отказъ отъ стремленія къ Italia irredenta, отъ послѣд-

Встрѣча Гарибальди съ королемъ Викторомъ Эммануиломъ II при Кайяпелло.
Фреска П. Альди въ Сіенской ратушѣ.

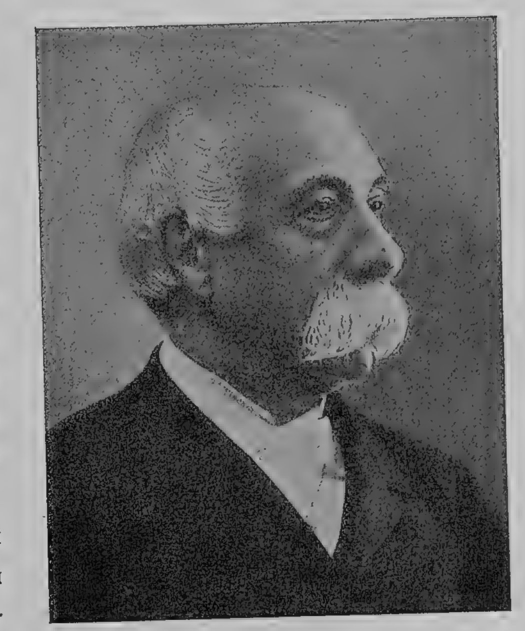
Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію“

ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА. Москва.

ней національной задачи Италіи, потому что чисто французская Савоя не могла замѣнить собою исконныхъ итальянскихъ областей. Зато черезъ восточный вопросъ, въ которомъ заинтересованность Италіи была несомнѣнна, она приходила въ соприкосновеніе съ Россіей, и уже въ 1877 г. завязались сношенія между Россіей и Италіей по поводу итало-русскаго соглашенія по балканскимъ дѣламъ. Однако, эта политическая комбинація, какъ направленная противъ Австріи, какъ, во всякомъ случаѣ, затрагивавшая ея интересы, могла быть полезной для Италіи лишь въ случаѣ разрыва Берлина съ Вѣной. И если отвѣтный визитъ Франца-Іосифа въ Венецію на нѣкоторое время ослабилъ остроту ирредентизма, то въ Вѣнѣ, съ другой стороны, не могли смотрѣть спокойно на обращеніе Сербіи во время войны съ турками къ посредничеству Италіи и боялись дипломатическаго вмѣшательства Квиринала въ черногорскія дѣла и военнаго въ Албаніи.

Итальянская политика должна была при такихъ условіяхъ оріентироваться къ Германіи, по возможности предупреждая ея союзъ съ Австріей, и къ Россіи. Это поняла лѣвая, ставшая у власти. Въ министерство Депретиса старый гарибальдіецъ и крупнѣйшій послѣ Кавура политическій дѣятель современной Италіи Франческо Криспи отправился въ качествѣ президента итальянской палаты депутатовъ и по порученію короля въ дипломатическую поѣздку по Европѣ (1877 г.). Требовалось создать Италіи болѣе благопріятное положеніе въ Европѣ, выйти изъ періода пассивности и одиночества ея внѣшней политики, добиться, чтобы слово ея обладало „una maggiore importanza presso i Gabinetti“. Далѣе казалось необходимымъ принять мѣры на случай столкновенія съ Франціей и по возможности предотвратить увеличеніе Австріи аннексіей Босніи и Герцеговины.

Криспи.

Въ Парижѣ за любезными словами руководителя внѣшней политики Франціи Деказа, за пожеланіями полнаго соглашенія — „un accordo completo“ — съ Италіей Криспи усмотрѣлъ опасные симптомы. — Франція переживаетъ „una terribile crisi, di cui è difficile prevedere il fine“. Можетъ быть разразится междуусобная война и восторжествуютъ клерикалы: уже и теперь „Figaro“ поноситъ Италію и ея короля. Французы опасаются нападенія Италіи, но, можетъ быть, опаснѣе обратное. „Pensiamo dunque ai casi nostri e teniamoci pronti a tutte le eventualità“.

Изъ Парижа дорога вела въ Берлинъ. Въ бесѣдѣ Криспи съ Бисмаркомъ опредѣлилось, на что можетъ разсчитывать Италія. Несомнѣнною стала поддержка Германіи въ случаѣ столкновенія съ Франціей. Бисмаркъ соглашался на оборонительный союзъ, предлагая Италіи Ниццу, Савою и даже Тунисъ. Но онъ рѣшительно отклонилъ всякое соглашеніе, направленное противъ Австріи — у Германіи интересовъ на Балканахъ нѣтъ и она не хочетъ ссориться съ Австріей изъ-за Босніи и Герцеговины, тѣмъ болѣе изъ-за Italia irredenta. Если Италія боится за равновѣсіе въ Средиземномъ морѣ, пусть возьметъ себѣ Албанію, какъ компенсацію за аннексію Босніи и Герцеговины Австріей. Бисмаркъ надѣется, что личные переговоры съ Вѣной могутъ привести къ благопріятному для Италіи исходу. А въ Лондонѣ Криспи убѣдился въ томъ, что и Англія, согласная, впрочемъ, и на компенсаціи въ Альпахъ, не станетъ чинить Италіи препятствій въ албанскомъ вопросѣ.

Министерство Депретиса вело большую игру, сразу же обострившую отношенія съ Франціей, но оно пало раньше, чѣмъ могли привести къ какому-нибудь реальному результату

начатые имъ переговоры. Новое министерство Кайроли, франкофильское по своей политикѣ и настроеніямъ, не могло или не умѣло использовать благопріятную ситуацію. Англія уже думала о томъ, чтобы противопоставить въ Средиземномъ морѣ вліяніе Италіи вліянію Франціи. Она предлагала Италіи сотрудничество въ Египтѣ, предлагала и Тунисъ. Но министерство, раздражившее Австрію попустительствомъ ирредентизму и неувѣренное въ поддержкѣ Германіи, боясь ссоры съ Франціей—„Vous y tenez donc à nous brouiller avec la France" сказалъ итальянскій представитель на Берлинскомъ конгрессѣ Корти въ отвѣтъ на предложеніе Туниса — отклонило предложеніе Англіи. Тогда Англія предложила Тунисъ французамъ, что было ей и выгоднѣе, такъ какъ Италія въ будущемъ была лишена возможности перерѣзать на двѣ половины Средиземное море, владѣя Сициліей и Тунисомъ. Такимъ образомъ, политика Италіи понесла рѣшительное пораженіе, потерявъ и Тунисъ, къ которому стремился итальянскій имперіализмъ, и возможность компенсацій на Балканахъ или въ Альпахъ за аннексію Австріей Босніи и Герцеговины и въ Триполи за Тунисъ, на что соглашались и Франція и Англія. Тѣмъ необходимѣе было возвращеніе къ политикѣ Депретиса, т.-е. къ союзу съ Германіей.

Необходимость союза съ Германіей чувствовало уже министерство Кайроли, въ 1880 г. возобновившее переговоры съ Берлиномъ и павшее въ маѣ 1881 г. по тунисскому вопросу. Но теперь обстоятельства измѣнились и не къ выгодѣ Италіи въ виду существованія австро-германскаго союза. Путь въ Берлинъ лежалъ черезъ Вѣну, и основой соглашенія должны были быть на ряду съ теряющей понемногу свое значеніе защитой отъ Франціи обезпеченіе Италіи отъ расширенія Австріи въ сторону за Альпы и отказъ ея отъ расширенія во вредъ Италіи на Балканахъ, т.-е. отъ пути въ Салоники и Албанію. Это немного — Италія получала лишь свободу дѣйствій въ Средиземномъ морѣ, но для успѣха ей было необходимо еще содѣйствіе Англіи. Правда, подписанный первый разъ 20-го мая 1882 г. тройственный союзъ обезпечивалъ Италіи нѣкоторыя выгоды и здѣсь, введя ее въ число безспорно великихъ державъ и придавъ большее, чѣмъ прежде, значеніе ея голосу.

Отношенія съ Англіей оставались дружелюбными. Она не препятствовала Италіи въ Красномъ морѣ, вновь въ 1882 г. искала ея поддержки и помощи въ египетскомъ вопросѣ и вновь неудачно. Италія упустила благопріятный моментъ развить традиціонную англо-итальянскую дружбу и занять въ отношеніи къ Англіи мѣсто Франціи, временно ослабленной кризисомъ министерства Фрейсинэ. „Il governo del piccolo Piemonte", съ горечью замѣчаетъ Криспи, „ebbe quel coraggio che oggi manca al governo d'Italia". Не надо было, впрочемъ, и большого мужества, чтобы „заставить Англію (obbligarla) быть съ нами во всѣхъ вопросахъ въ Средиземномъ морѣ".—Бисмаркъ, все время только и думавшій, что объ изоляціи Франціи, настаивалъ на этомъ.

Однако, когда иностранную политику Италіи взялъ въ свои руки Криспи, благопріятный моментъ былъ уже упущенъ. и ему не удалось много извлечь изъ международныхъ комбинацій. Въ Средиземномъ морѣ благодаря мизогалльству Криспи, неоднократно подводившему Италію къ опасности войны съ Франціей и въ значительной степени способствовавшему ряду дипломатическихъ инцидентовъ и чрезвычайно невыгодной для Италіи таможенной войнѣ съ Франціей, Италіи удалось обезпечить себѣ уже въ 1890 г. дипломатическую поддержку Англіи по вопросу объ оккупаціи Триполи, которая своимъ стратегическимъ значеніемъ до извѣстной степени компенсировала утвержденіе Франціи въ Тунисѣ и позже въ Марокко. Но осуществленіе проекта пришлось отложить на долгое время. На Балканахъ Криспи вмѣстѣ съ другими центральными европейскими державами явился рѣшительнымъ противникомъ болгарской политики Россіи. Онъ поддерживалъ Фердинанда Кобургскаго, настаивая въ Лондонѣ и Вѣнѣ на заключеніи соглашенія на случай войны съ Россіей и защищая мысль о созданіи на Балканахъ ряда независимыхъ государствъ и сохраненіи status quo великихъ державъ. Это было приспо-

собленіемъ къ обстоятельствамъ мысли Мадзини объ Италіи, какъ центрѣ союза маленькихъ европейскихъ государствъ.

Тройственный союзъ мало-по-малу терялъ для Италіи свое значеніе. Въ свое время онъ поднялъ ея авторитетъ въ Европѣ и обезпечилъ ее отъ казавшейся ей нѣкоторое время опасной Франціи. Взамѣнъ этого пришлось отказаться отъ Italia irredenta и расширенія на Балканахъ, удовольствовавшись здѣсь status quo. Что же касается до средиземноморской политики, то тройственнаго союза для Италіи было недостаточно. Оказалось необходимымъ дальнѣйшее сближеніе съ Англіей и, какъ результатъ стремленія къ равновѣсію въ Средиземномъ морѣ, съ Франціей; точно такъ же, какъ противовѣсомъ Австріи на Балканахъ могла быть лишь Россія. Однако, и внутри тройственнаго союза въ связи съ гегемоніей Германіи выступили моменты, неблагопріятные для Италіи. Для Австріи status quo на Балканахъ былъ моментомъ переходнымъ. Германія же подошла къ Средиземному морю черезъ Турцію, гдѣ и укрѣплялась все прочнѣе, и уже готова была обнаружить свои притязанія въ Марокко.

Съ начала XX вѣка международное положеніе Италіи начинаетъ измѣняться въ сторону возвращенія къ старымъ политическимъ комбинаціямъ. Незначительные по видимости факты являются симптомами совершающейся перемѣны. Въ 1902 году Викторъ Эммануилъ посѣщаетъ

Викторъ-Эммануилъ III, въ Петроградѣ.

Петроградъ, въ 1903 г. — Парижъ; и въ томъ же году король Эдуардъ появляется въ Римѣ. Въ 1904 г. отвѣтный визитъ президента Лубэ въ Римъ даетъ поводъ къ сочувственнымъ для Франціи манифестаціямъ. Франко-итальянская лига развиваетъ широкую дѣятельность, и на открытіи музея Гарибальди въ Ментанѣ французскій сенаторъ Риве, объясняя свое присутствіе на итальянскомъ празднествѣ, заявляетъ, что онъ явился „для того, чтобы отъ имени Франціи искупить на святомъ алтарѣ воспоминаній преступленіе Имперіи“ (1907).

Примѣрно съ 1900 года франко-русское соглашеніе и тройственный союзъ взаимно переплетаются или пересѣкаются новыми соглашеніями, среди которыхъ находятся французско-итальянское и итало-англійское. Благодаря этому Италія, какъ бы связывая обѣ враждебныя группировки державъ, становится существеннымъ элементомъ сохраненія европейскаго мира и въ то же время развязываетъ себѣ руки для болѣе активной и самостоятельной внѣшней политики. Укрѣпляя свое положеніе въ Средиземномъ морѣ, завязывая сношенія съ Греціей и успѣшно заступая религіозное значеніе Франціи, какъ покровительницы католиковъ, на Востокѣ Италія уже расходится въ существенныхъ вопросахъ съ тройственнымъ союзомъ. И если Австрія вмѣстѣ въ Россіей обходятъ Италію въ Мюрцштегскомъ соглашеніи, то и Италія въ марокскомъ вопросѣ оказывается на сторонѣ Франціи, сначала посредничая между нею и Германіей, потомъ поддерживая Францію на Алжезирасской конференціи и, наконецъ, заявляя о своей незаинтересованности въ Марокко взамѣнъ признанія своихъ правъ на Триполитанію.

На Балканахъ Италія пользуется своимъ моральнымъ вліяніемъ въ Черногоріи и Сербіи. Задѣтая проектомъ австрійской желѣзной дороги въ Новобазарскомъ санджакѣ (линія Митровица), она присоединяется къ русскому проекту желѣзнодорожной линіи Дунай—Адріатика, „который удивительнымъ образомъ выражаетъ идеи итальянскаго правительства". Балканскій кризисъ 1908 г., вызванный аннексіей Босніи и Герцеговины Австріей, опять-таки заставляетъ Италію, при всей осторожности и сдержанности ея политики, по ряду вопросовъ идти рядомъ съ державами согласія.

Параллельно со всѣмъ этимъ учащаются проявленія неудовольствія другъ другомъ со стороны Италіи, съ одной стороны, Германіи и Австріи, съ другой. Иногда оно выражается какимъ-нибудь актомъ не умѣющаго сдерживать проявленіе своихъ чувствъ Вильгельма, какъ посылка имъ послѣ Алжезирасской конференціи графу Голуховскому телеграммы съ благодарностью за помощь „вѣрнаго союзника"; иногда въ оживленной газетной полемикѣ, какъ по поводу аннексіи Босніи, Триполитанской войны и позже ультиматума Австріи Сербіи, или въ патріотическихъ манифестаціяхъ по поводу отношенія австрійскаго правительства къ итальянскому вопросу въ самой Австріи. За послѣдніе годы Австрія усиленно укрѣпляла свою итальянскую границу, а въ итальянскомъ парламентѣ громаднымъ большинствомъ принимались все увеличиваемые военные кредиты. „Единственная страна, заявилъ въ итальянскомъ парламентѣ по поводу аннексіи Босніи Фортисъ, войны съ которой слѣдуетъ бояться — Австрія, наша союзница. Ея вооруженія направлены противъ насъ. Если Австрія не измѣнитъ своего поведенія, правительство должно потребовать отъ страны новыхъ жертвъ, чтобы поставить на должную высоту военныя силы страны".

Итакъ, передъ началомъ войны новая международная оріентація Италіи уже опредѣлялась. Тройственный союзъ, возобновляемый въ соотвѣтствующіе сроки, существовалъ попрежнему и прочность его демонстрировалась свиданіями и заявленіями монарховъ и министровъ. Но онъ уже не приносилъ Италіи прежнихъ выгодъ. Международное ея положеніе было бы не менѣе прочнымъ и авторитетнымъ и въ союзѣ съ державами тройственнаго согласія, переходомъ къ которому являлись частныя соглашенія съ Англіей и Франціей и установившіяся въ послѣднее время добрыя отношенія съ Россіей. Въ балканскомъ вопросѣ Австрія и Германія не казались союзницами. Скорѣе обнаруживалась опасность нарушенія status quo въ пользу Австріи и Германіи, утверждавшейся въ Турціи и, можетъ быть, готовой утвердить свое преобладаніе въ Константинополѣ. А кромѣ того взоры итальянцевъ попрежнему были устремлены на Italia irredenta. На Балканскомъ полуостровѣ единственной возможной союзницей противъ Австріи была Россія, и только вопросъ о проливахъ раздѣлялъ обѣ державы, вопросъ въ концѣ-концовъ не столь уже важный для Италіи въ виду невѣроятности даже въ далекомъ будущемъ преобладанія Россіи въ Средиземномъ морѣ. Вопросъ о соблюденіи въ немъ необходимаго для Италіи равновѣсія давно уже сблизилъ ее съ Англіей и все болѣе сближалъ съ Франціей, особенно когда положеніе стало усложняться стремленіемъ Германіи въ Средиземноморье и движеніемъ Австріи на Балканахъ, въ концѣ-концовъ грозившимъ потерей для Италіи Адріатики. Только съ помощью Франціи и Англіи Италія могла достигнуть своихъ цѣлей, а сближеніе съ ними опять-таки сближало ее и съ Россіей.

Л. Карсавинъ.

НЕЙТРАЛИТЕТЪ БЕЛЬГІИ.

Статья проф. В. А. БУТЕНКО.

I.

ОБРАЗОВАНІЕ въ 1830 году независимаго и постоянно нейтральнаго бельгійскаго государства было въ тѣсной связи съ той политической обстановкой, которая побудила въ 1814—1815 гг. четыре союзныя державы создать на сѣверо-восточной границѣ Франціи въ видѣ королевства Нидерландовъ особое „государство равновѣсія" (état d'équilibre), какъ его любили называть дипломаты этого времени. Нидерландское королевство, составленное изъ Голландіи и Бельгіи, должно было служить однимъ изъ вѣрныхъ оплотовъ Европы противъ новаго нашествія французовъ.

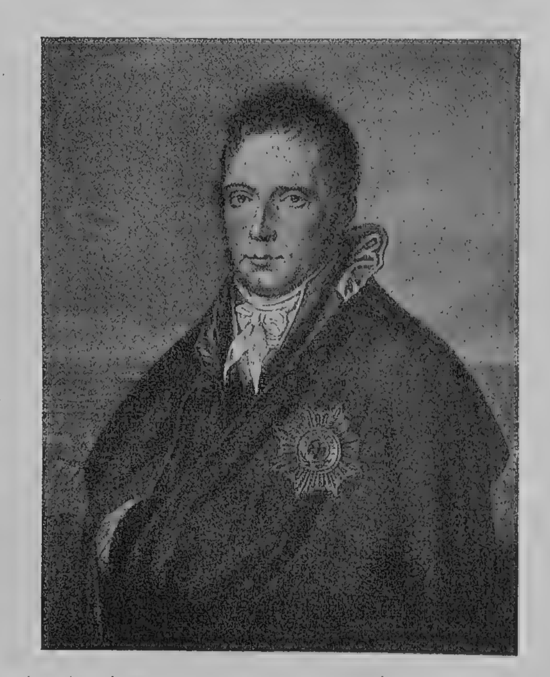
Изъ всѣхъ великихъ державъ Европы въ обезпеченіи устьевъ Рейна, Мааса и Шельды отъ французскихъ покушеній наиболѣе была заинтересована Англія. Принадлежность этой территоріи великой державѣ, располагающей сильнымъ военнымъ флотомъ (а въ началѣ XIX вѣка такимъ государствомъ могла быть только Франція), представляла непосредственную опасность для самой Англіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Антверпенъ сталъ, благодаря заботамъ Наполеона, первоклассной крѣпостью, онъ сдѣлался, по собственному выраженію Наполеона, „заряженнымъ пистолетомъ, направленнымъ въ сердце Англіи", и для Англіи было жизненнымъ вопросомъ, чтобы этотъ „пистолетъ" очутился въ такихъ рукахъ, которыя не могли бы изъ него выстрѣлить. Поэтому идея образованія изъ Голландіи и Бельгіи особаго государства возникла именно въ англійскихъ правящихъ кругахъ. Впервые ее высказалъ еще Питтъ, и въ текстѣ союзнаго договора между Англіей, Россіей и Австріей, подписаннаго 11 апрѣля 1805 года, уже говорилось о томъ, что договаривающіяся державы обязуются возстановить независимость Голландіи и увеличить ея территорію за счетъ „бывшихъ Австрійскихъ Нидерландовъ". Когда нѣсколько лѣтъ спустя паденіе имперіи Наполеона сдѣлалось неизбѣжнымъ, въ Англіи снова заговорили объ особомъ „королевствѣ Австразіи" на сѣверной границѣ Франціи. Послѣ освобожденія Германіи союзники въ франкфуртской нотѣ 9 ноября 1813 г. предложили Наполеону миръ на условіи ограниченія его владѣній „естественными предѣлами" Франціи, что могло подразумѣвать сохраненіе за Франціей лѣваго берега Рейна и Бельгіи.

* * *

Король АЛЬБЕРТЪ I.

Получивъ извѣстіе объ этомъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кэстльри, поспѣшилъ протестовать противъ такого предложенія. Въ письмѣ отъ 13 ноября 1813 года къ графу Эбердину, бывшему англійскимъ посломъ въ Австріи, онъ категорически требовалъ возвращенія Франціи къ ея дореволюціоннымъ границамъ и отобранія у Франціи Антверпена. „Разрушеніе этого арсенала, писалъ Кэстльри, необходимо для нашей безопасности. Оставить Антверпенъ въ рукахъ Франціи, это значитъ, въ сущности говоря, поставить насъ въ постоянное военное положеніе. Послѣ всего того, что мы сдѣлали для континента, наши союзники должны и для насъ, и для самихъ себя позаботиться объ уничтоженіи этого источника, изобилующаго опасностями какъ для нихъ, такъ и для насъ". Старанія Кэстльри увѣнчались успѣхомъ, и шомонскій трактатъ, подписанный четырьмя державами 1 марта 1814 г. въ одной изъ своихъ секретныхъ статей обѣщалъ Голландіи „увеличеніе территоріи и созданіе подходящей (convenable) границы". Смыслъ этого нѣсколько неопредѣленнаго выраженія былъ раскрытъ въ текстѣ парижскаго мирнаго трактата 30 мая, и вѣнскій конгрессъ въ заключительномъ актѣ 9 іюня 1815 года окончательно санкціонировалъ созданіе новаго королевства Нидерландовъ.

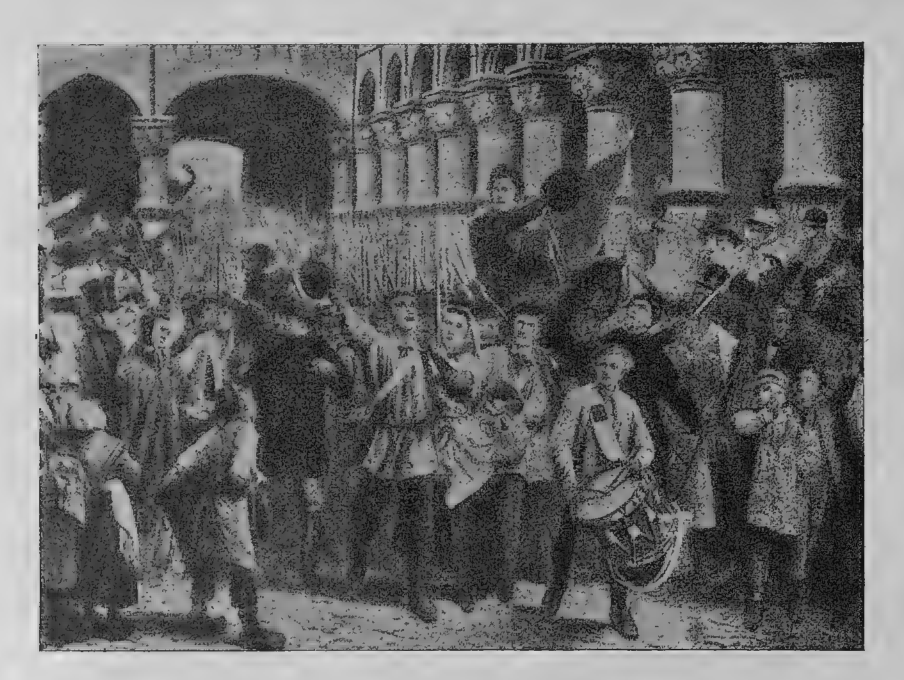
Вильгельмъ I, король Нидерландскій.

Въ сущности присоединеніе Бельгіи къ Голландіи было повтореніемъ къ новой формѣ „барьерныхъ" трактатовъ 1714 г., заключенныхъ между Англіей, Голландіей и Австріей послѣ войны за испанское наслѣдство. Тогда съ согласія Англіи Голландія получила въ свое распоряженіе рядъ крѣпостей въ Бельгіи, которыя должны были служить „барьерами" Франціи. Теперь, такъ какъ Австрія отказывалась отъ всякихъ притязаній на Бельгію, такимъ „барьеромъ" должно было служить все „государство равновѣсія". Для того, чтобы Нидерланды могли выполнить возложенную на нихъ политическую функцію, часть контрибуціи, которую должна была выплатить Франція согласно второму парижскому мирному договору 20 ноября 1815 г., въ размѣрѣ 60 милліоновъ франковъ, предназначалась для сооруженія на французской границѣ Нидерландовъ ряда сильныхъ крѣпостей. Сооруженіе ихъ производилось по плану, разработанному побѣдителемъ при Ватерлоо, Веллингтономъ. Три года спустя послѣ второго парижскаго мира, на ахенскомъ конгрессѣ, между нидерландскимъ правительствомъ и четырьмя великими державами было сверхъ того заключено спеціальное соглашеніе, предусматривавшее взаимное поведеніе договаривавшихся державъ въ случаѣ новой войны съ Франціей. Нидерландскій король долженъ былъ предоставить Англіи и Пруссіи, какъ наиболѣе близкимъ по своему географическому положенію державамъ, право занять эти крѣпости своими гарнизонами. Такимъ образомъ, несмотря на офиціально-дружественный характеръ отношеній четырехъ державъ къ Франціи и ея принятіе въ европейскій концертъ, ея бывшими противниками были приняты всѣ возможныя мѣры для того, чтобы, по выраженію генерала Ламарка, обратить Бельгію въ „обширный тетъ-де-понъ, который открывалъ для будущей коалиціи свободную дорогу на Парижъ".

Бельгійская революція, вспыхнувшая 25 августа 1830 г. въ Брюсселѣ и быстро охватившая всю страну, однимъ ударомъ разрушила комбинаціи дипломатовъ Священнаго союза. 18 ноября 1830 года собравшійся въ Брюсселѣ національный конгрессъ провозгласилъ Бельгію независимой, а четыре дня спустя офиціально низложилъ Нассау-Оранскій домъ съ бельгій-

скаго престола. Система „état d'équilibre“ была разрушена, и дальнѣйшая судьба Бельгіи всецѣло зависѣла отъ отношенія къ ней европейскаго концерта, той всемогущей европейской пентархіи, которая установилась со времени ахенскаго конгресса.

Іюльская революція во Франціи, нарушившая торжество легитимнаго принципа и возведшая на тронъ Франціи „короля баррикадъ“ Людовика Филиппа, пробила широкую брешь въ твердынѣ Священнаго союза и сдѣлала невозможной прежнюю солидарность всѣхъ великихъ державъ въ вопросахъ международной политики. Отношеніе трехъ восточныхъ державъ къ бельгійскому вопросу опредѣлялось ихъ предшествовавшей политикой. Бельгійская революція была въ ихъ глазахъ такимъ же нарушеніемъ установленнаго порядка, какъ раньше революціи въ Италіи и Испаніи. Поэтому революціонное движеніе, по ихъ мнѣнію, надо было подавить вооруженной силой, и Бельгія должна была быть насильственно возвращена подъ власть своего легитимнаго государя, нидерландскаго короля Вильгельма I. Итальянскую революцію подавила въ 1821 г. Австрія, испанскую въ 1823 г.—Франція. Теперь роль исполнительницы велѣній европейскаго концерта естественно выпадала на Пруссію, какъ на ближайшую сосѣдку Нидерландовъ. Подобное вооруженное вмѣшательство съ реставраціонными цѣлями было, однако, недопустимо для Франціи, которая низверженіемъ династіи Бурбоновъ только что разорвала съ принципами Священнаго союза. Вмѣстѣ съ тѣмъ радикальная партія во Франціи, со стремленіями которой, несмотря на все свое миролюбіе, долженъ былъ считаться Людовикъ Филиппъ, требовала активной политики въ духѣ великой французской революціи и говорила о „позорѣ трактатовъ 1814 и 1815 гг.“ и о возвращеніи Франціи ея „естественныхъ границъ“. Поэтому французское правительство выставило своимъ лозунгомъ въ бельгійскомъ вопросѣ принципъ невмѣшательства другихъ государствъ, и французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Моле прямо сказалъ прусскому послу, что „всякая прусская армія, которая сдѣлаетъ попытку вступить въ Бельгію, встрѣтитъ на своемъ пути французскую армію“.

Повстанцы Льежа идутъ къ Брюсселю.

Но правительство Людовика Филиппа вовсе не желало доводить дѣло до войны. Предотвратить ее можно было только, заручившись содѣйствіемъ со стороны Англіи, и за осуществленіе этой задачи взялся Таллейранъ. Въ Англіи въ моментъ, когда разразилась бельгійская революція, у власти было министерство Веллингтона, творца системы нидерландскихъ вооруженій. „Государство равновѣсія“ на устьяхъ Рейна, Мааса и Шельды было по преимуществу англійскимъ твореніемъ, и англійскіе государственные дѣятели не могли отнестись равнодушно къ его крушенію. Но съ другой стороны Англія уже раньше на лайбахскомъ и веронскомъ конгрессахъ провозгласила принципъ невмѣшательства, и насильственное подавленіе бельгійской революціи противорѣчило бы всѣмъ традиціямъ англійской политики. Поэтому Таллейранъ безъ особаго труда склонилъ англійское правительство на свою сторону.

Онъ убѣдилъ англичанъ въ полномъ безкорыстіи французской политики и добился отъ нихъ обѣщанія поддерживать вмѣстѣ съ Франціей принципъ невмѣшательства. „Измѣна“ Веллингтона, какъ не замедлили окрестить поведеніе англійскаго премьера въ Вѣнѣ, спасла Бельгію. Россія была лишена возможности вмѣшаться въ бельгійскій вопросъ вслѣдствіе вспыхнувшаго въ ноябрѣ 1830 года возстанія въ Польшѣ. Австрія считала, что судьбы Голландіи и Бельгіи не входятъ въ кругъ ея непосредственныхъ интересовъ, и хотѣла имѣть свою армію свободной на случай волненій въ Италіи. Пруссія, напуганная заявленіемъ Моле и покинутая Англіей, не рѣшалась дѣйствовать одна. Принципъ невмѣшательства восторжествовалъ, и рѣшеніе бельгійскаго вопроса было передано конференціи уполномоченныхъ пяти великихъ державъ въ Лондонѣ.

Лондонская конференція добилась прекращенія военныхъ дѣйствій между Голландіей и Бельгіей, но скоро убѣдилась въ невозможности сохранить между ними какую бы то ни было

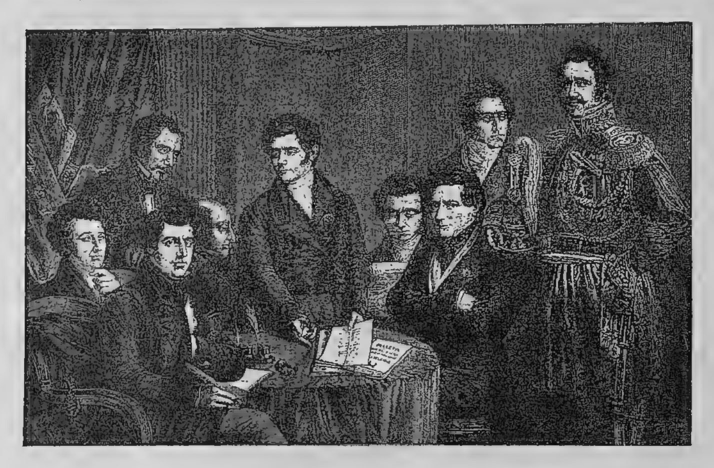

Схватка возставшихъ бельгійцевъ съ голландскими солдатами (1830 г.)

связь и въ необходимости образовать изъ Бельгіи самостоятельное и независимое государство. При этомъ представители отдѣльныхъ державъ рѣзко расходились во взглядахъ на международное положеніе будущей независимой Бельгіи. Три восточныя державы, а отчасти и Англія, всѣми силами противились торжеству въ Бельгіи французскаго вліянія и стремились хоть до нѣкоторой степени обратить Бельгію въ оплотъ противъ воинственныхъ замысловъ Франціи, какимъ служило до сихъ поръ королевство Нидерланды. Франція, наоборотъ, несмотря на возвѣщенное безкорыстіе, хотѣла извлечь изъ бельгійской революціи непосредственную выгоду для себя. Таллейранъ то заговаривалъ о переводѣ саксонскаго короля на бельгійскій престолъ, передачѣ Пруссіи всей Саксоніи и уступкѣ Франціи прирейнскихъ провинцій Пруссіи; то онъ готовъ былъ удовлетвориться для Франціи присоединеніемъ Люксембурга и части валлонскихъ провинцій Бельгіи; то, наконецъ, прямо заговаривалъ о возможности раздѣла Бельгіи, причемъ Англія должна бы была получить Антверпенъ, Пруссія—Лимбургъ, Льежъ и Люксембургъ, Голландія—Фландрію, а Франція—Намюръ, Эно (Hainaut) и Брабантъ. Не чужда была двойственности и политика самого короля Людовика Филиппа, который неоднократно заявлялъ о своемъ безкорыстіи, а въ то же время поощрялъ или по крайней мѣрѣ не противился

агитаціи въ пользу избранія бельгійскимъ королемъ своего второго сына, герцога Немурскаго, разсчитывая поставить Европу предъ совершившимся фактомъ.

При общемъ желаніи всѣхъ державъ избѣжать войны изъ-за бельгійскаго вопроса ни Франція, ни четыре другія державы не могли, очевидно, добиться полнаго осуществленія своихъ намѣреній. Необходимъ былъ компромиссъ на почвѣ взаимныхъ уступокъ, и такимъ компромиссомъ явилось провозглашеніе Бельгіи постоянно нейтральнымъ государствомъ по образцу, принятому уже въ 1815 г. для Швейцаріи. Идея образованія изъ Бельгіи постоянно нейтральнаго государства въ сущности была высказана уже кардиналомъ Ришелье. Во время тридцатилѣтней войны онъ предложилъ Голландіи образовать изъ принадлежавшихъ въ это время Испаніи бельгійскихъ провинцій „независимую католическую республику“, которая явилась бы „заборомъ“ (barre) между Франціей и Голландіей, и международное положеніе которой опредѣлялось бы постояннымъ „союзомъ“ съ двумя своими сосѣдками. Людовикъ XIV отказался отъ плана Ришелье, и со времени его царствованія Франція упорно стремилась къ обладанію Бельгіей. Людовикъ Филиппъ теперь вернулся къ идеѣ Ришелье. Нейтралитетъ Бельгіи несомнѣнно былъ выгоденъ для Франціи. Онъ дѣлалъ безсмысленнымъ существованіе пояса бельгійскихъ крѣпостей, сооруженныхъ послѣ 1815 г., освобождалъ Францію отъ постоянной угрозы, которая надъ ней висѣла, и избавлялъ ее отъ необходимости заботиться объ укрѣпленіи своей бельгійской границы. Бельгійскій нейтралитетъ былъ выгоденъ и для остальныхъ державъ, такъ какъ онъ гарантировалъ Бельгію отъ французскаго завоеванія и ставилъ нѣкоторую преграду замысламъ французовъ вернуть себѣ утраченную въ 1815 году „естественную границу“. Нейтральная Бельгія до нѣкоторой степени могла бы выполнять функціи прежняго „государства равновѣсія“. Такимъ образомъ рѣшеніе бельгійскаго вопроса въ смыслѣ признанія Бельгіи нейтральнымъ государствомъ напрашивалось само собой. Почти въ одинъ и тотъ же моментъ стали высказываться въ этомъ смыслѣ и Таллейранъ, и уполномоченный Россіи Матушевичъ, и уполномоченный Пруссіи Бюловъ. Формула постояннаго нейтралитета встрѣтила общее одобреніе и нашла свое выраженіе въ одиннадцатомъ протоколѣ лондонской конференціи 20 января 1831 г.

Бельгійское временное правительство 1830 года.

Не успѣли великія державы провозгласить принципъ постояннаго нейтралитета Бельгіи, какъ понадобились самыя рѣшительныя мѣры для охраны этого нейтралитета.

Протоколъ 26 іюня 1831 г. кромѣ признанія бельгійскаго нейтралитета опредѣлилъ границы будущей территоріи бельгійскаго королевства и условія отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Послѣ долгихъ блужданій былъ найденъ и подходящій кандидатъ на бельгійскій престолъ въ лицѣ принца саксенъ-кобургскаго Леопольда. 21 іюля 1831 г. принцъ Леопольдъ принялъ присягу конституціи, выработанной бельгійскимъ конгрессомъ, и сдѣлался королемъ Бельгіи. Но въ эту минуту король нидерландскій Вильгельмъ отказался признать условія договора, выработаннаго конференціей, и, разсчитывая на тайное сочувствіе трехъ восточныхъ державъ, 2 августа открылъ военныя дѣйствія противъ Бельгіи. Малочисленная и плохо организованная бельгійская армія не въ силахъ была задержать наступленіе голландцевъ, и король Леопольдъ обратился за помощью къ Франціи, какъ единственной изъ пяти участницъ лондонской конференціи, которая была въ состояніи оказать ему немедленно поддержку. Чтобы обращеніе

его къ Франціи согласовалось съ только что установленнымъ положеніемъ Бельгіи. какъ постоянно нейтральнаго государства, Леопольдъ одновременно обратился чрезъ посредство Англіи и къ другимъ державамъ, гарантировавшимъ нейтралитетъ.

Французское правительство не заставило себя ждать и двинуло въ предѣлы Бельгіи армію, которая принудила голландцевъ къ отступленію. Быстрота дѣйствія и рѣшительность Франціи спасли Бельгію отъ разгрома и реально защитили нейтралитетъ Бельгіи, но въ то же время возбудили подозрѣнія со стороны другихъ державъ. Поэтому конференція согласилась оправдать поведеніе Франціи, выступившей безъ предварительнаго уговора съ другими державами, только исключительностью момента и потребовала, чтобы французская армія очистила Бельгію, какъ только будетъ возстановлено положеніе, существовавшее до начала военныхъ дѣйствій. Во Франціи на дѣло смотрѣли иначе, и тамъ громко раздавались голоса, что оккупаціей Бельгіи надо воспользоваться для исправленія французской границы или покрайней мѣрѣ для срытія бельгійскихъ крѣпостей. Угрозы со стороны Англіи и Пруссіи заставили Францію уступить. Французская армія была выведена изъ предѣловъ Бельгіи, и протоколъ конференціи съ „удовлетвореніемъ“ констатировалъ полную лояльность поведенія французскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы удовлетворить Францію, между четырмя державами и Бельгіей былъ подписанъ договоръ о срытіи 5 крѣпостей на французской границѣ. Правда, изъ прежняго недовѣрія къ Франціи четыре державы сдѣлали попытку обратить состоявшійся договоръ противъ Франціи и предложили въ добавленіе къ нему тайную статью, по которой Бельгія брала на себя обязанности, предусмотрѣнныя относительно Нидерландовъ ахенскимъ договоромъ 1818 года, т. е. въ случаѣ войны должна была согласиться на занятіе своихъ крѣпостей англійской и прусской арміями. Бельгійское правительство увидѣло однако въ этой статьѣ возможность нарушенія обязанностей нейтральнаго государства и настояло на присоединеніи къ тексту тайной статьи оговорки: „поскольку это не исключаетъ обязанностей, которыя возлагаетъ постоянный нейтралитетъ Бельгіи на Е. В. Короля Бельгійцевъ и на остальныя четыре державы“. А при такой оговоркѣ тайная статья совершенно потеряла свой аггрессивный характеръ.

Король Леопольдъ I.

Вслѣдствіе упорнаго сопротивленія Голландіи рѣшеніямъ лондонской конференціи, конференція согласилась переработать проектъ отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи въ болѣе благопріятномъ для голландскихъ интересовъ направленіи. Но Голландія продолжала упорствовать въ своемъ отказѣ и удерживать въ своихъ рукахъ Антверпенъ, который въ силу соглашенія долженъ былъ отойти къ Бельгіи. Неприкосновенность бельгійской территоріи, гарантированной пятью державами, оказывалась такимъ образомъ опять нарушенной, и Бельгія снова обратилась къ нимъ за содѣйствіемъ. Три восточныя державы предпочли уклониться отъ вооруженнаго вмѣшательства, но не могли оказать противодѣйствія вмѣшательству Англіи и Франціи. Англійскій флотъ блокировалъ берега Голландіи, а французская армія принудила гарнизонъ Антверпена къ капитуляціи и передала Антверпенъ въ руки бельгійскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, сначала даже и это не сломило упорства Голландіи, и всѣ дипломатическіе переговоры оказались безрезультатными. Только 6 лѣтъ спустя нидерландское правительство убѣдилось, наконецъ, въ безсмысленности дальнѣйшаго сопротивленія, и 19 апрѣля 1839 г. всѣми заинтересованными сторонами былъ подписанъ текстъ окончательнаго соглашенія. Это окончательное соглашеніе состояло изъ трехъ

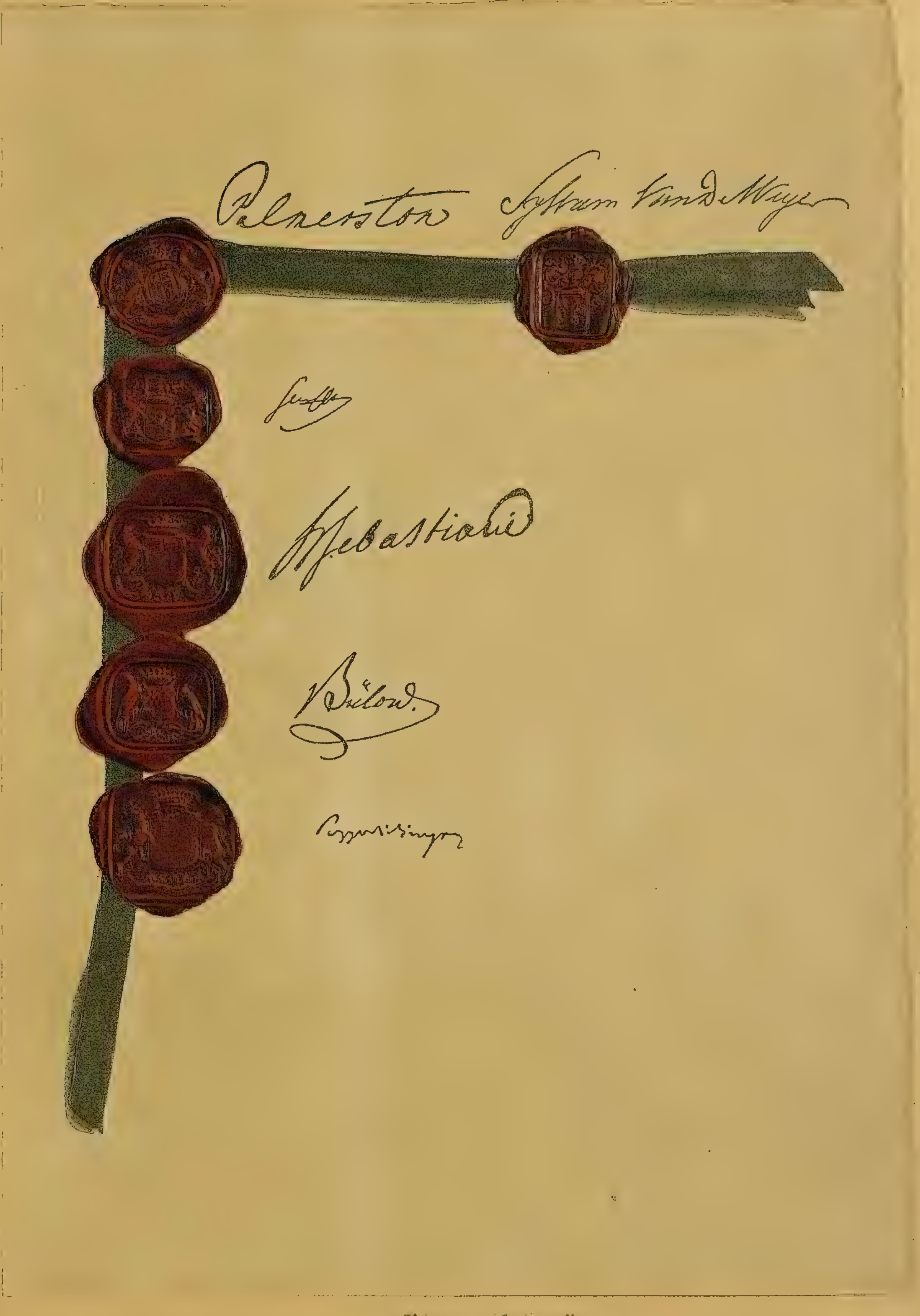
отдѣльныхъ договоровъ. Первый изъ нихъ былъ заключенъ между пятью державами и Голландіей, второй—между Голландіей и Бельгіей, а третій—между пятью державами и Бельгіей. Первый договоръ говорилъ о расторженіи уніи между Голландіей и Бельгіей. Второй — въ 24 параграфахъ перечислялъ условія этого отдѣленія. § 7 этого договора гласилъ: „Бельгія, въ предѣлахъ, обозначенныхъ въ §§ 1, 2 и 4, образуетъ независимое и постоянно нейтральное государство. Она обязуется соблюдать этотъ нейтралитетъ по отношенію къ другимъ государствамъ". Наконецъ, третій договоръ въ § 1 объявлялъ: „Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій, Е. В. Король Французовъ, Е. В. Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Е. В. Король Прусскій и Е. В. Императоръ Всероссійскій объявляютъ, что прилагаемыя статьи, которыя составляютъ содержаніе договора, заключеннаго въ тотъ же день между Е. В. Королемъ Бельгійцевъ и Е. В. Королемъ Нидерландскимъ, великимъ герцогомъ Люксембургскимъ, разсматриваются имѣющими тѣ же силу и значеніе, какъ если бы онѣ были текстуально помѣщены въ настоящемъ актѣ, и что такимъ образомъ онѣ помѣщены подъ гарантію упомянутыхъ Ихъ Величествъ".

II.

Договоръ 19 апрѣля 1839 г. завершилъ собой почти девятилѣтній споръ о международномъ положеніи Бельгіи. Только теперь, поэтому, можно было, основываясь отчасти на текстѣ протоколовъ лондонской конференціи, отчасти на прецедентахъ вооруженной защиты Бельгіи отъ посягательствъ Голландіи, выяснить, въ чемъ же на будущее время должна состоять охрана бельгійскаго нейтралитета, и какія мѣры надо принимать для ея осуществленія. Этотъ вопросъ долженъ былъ быть поставленъ, какъ относительно самой Бельгіи, такъ и относительно пяти державъ, взявшихъ подъ свою гарантію ея существованіе.

Какъ государство постоянно нейтральное, Бельгія должна была строго соблюдать свой нейтралитетъ по отношенію къ другимъ державамъ. Тѣмъ самымъ она была лишена права, не только вести войну съ аггрессивными цѣлями, но и заключать съ другими державами какого бы то ни было рода союзные договоры, если они не преслѣдуютъ цѣли охраны ея нейтралитета. Но это вовсе не обозначало, что ей воспрещаются войны и союзы съ оборонительными цѣлями для защиты своей территоріи. Положеніе постоянно нейтральнаго государства, наоборотъ, обязывало Бельгію имѣть необходимыя военныя силы для защиты своего нейтралитета, а, слѣдовательно, и допускало возможность участія ея въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такое толкованіе имѣло, вдобавокъ, за себя и прецедентъ въ видѣ военнаго столкновенія 1831 г. между Голландіей и Бельгіей. Въ 1832 г. Бельгія, правда, не приняла участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но это было сдѣлано только изъ особой деликатности по отношенію къ легитимистскимъ чувствамъ прусскаго правительства, которое возмущалось при мысли, что противъ нидерландскаго короля будутъ сражаться его бывшіе подданные.

Поэтому бельгійское правительство со времени признанія бельгійскаго нейтралитета стало обращать постоянное вниманіе на созданіе военныхъ силъ, достаточныхъ для охраны своего нейтралитета, причемъ заботы его находились въ тѣсной связи съ тѣмъ, какой характеръ носило международное положеніе въ Европѣ, и съ какой стороны поэтому Бельгіи грозила опасность. Въ планахъ защиты своего нейтралитета и заботахъ о созданіи необходимыхъ вооруженныхъ силъ Бельгія пользовалась полной свободой и строила или уничтожала крѣпости исключительно по соображеніямъ, высказывавшимся только бельгійскими военными авторитетами. Военный вопросъ началъ пріобрѣтать особенное значеніе для бельгійскаго правительства съ средины XIX вѣка, и съ этого времени стали возводиться укрѣпленія Антверпена, а затѣмъ Льежа и Намюра. Кромѣ того, по мѣрѣ увеличенія вооруженныхъ силъ, великихъ державъ Европы, въ предвидѣніи возможной войны, бельгійское правительство въ свою очередь должно было заботиться объ увеличеніи численности бельгійской арміи. Но,

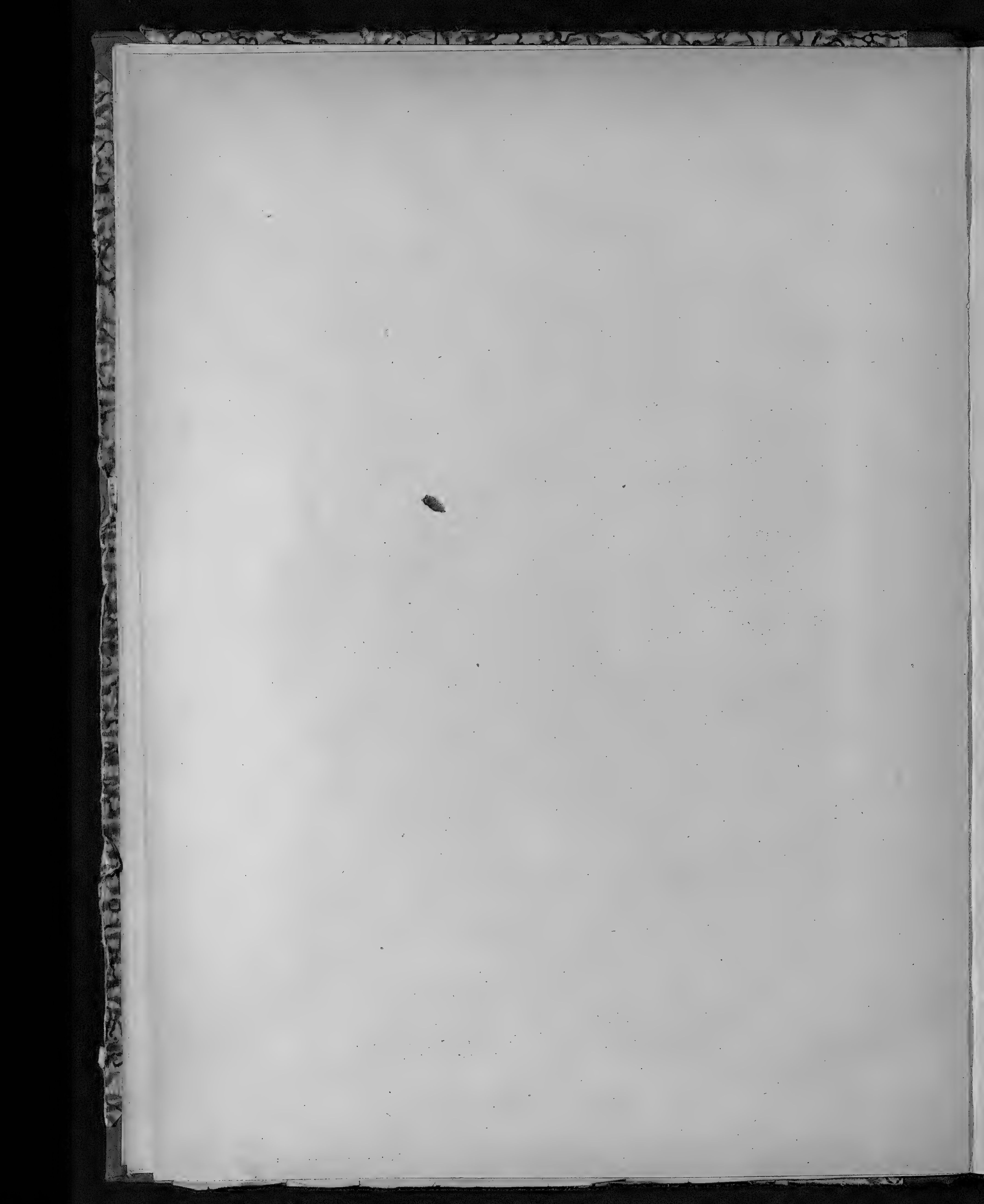

„Клочокъ бумаги“.

Подписи уполномоченныхъ державъ, гарантировавшихъ нейтралитетъ Бельгiи въ договорѣ 19 апрѣля 1839 года. (Sylvan van de Weyer—Бельгiя, Palmerston—Англiя, Senfft—Австрiя, H. Sebastiani—Францiя, Bülow—Пруссiя, Pozzo di Borgo—Россiя).

Изданiе Д. Я. МАКОВСКАГО
Россiя и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацiю.

Т-во ТИПОГРАФIИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

какъ бы ни была хорошо подготовлена Бельгія на случай военной опасности, она ни въ коемъ случаѣ не могла разсчитывать на то, чтобы отразить однѣми своими силами нападеніе могущественнаго противника. Она могла надѣяться только на то, чтобы задержать своихъ противниковъ до момента, когда ей подоспѣетъ со стороны достаточно сильная помощь. Поэтому вопросъ объ охранѣ бельгійскаго нейтралитета сводился не столько къ тому, какими военными силами будетъ располагать сама Бельгія, сколько къ тому, въ какой мѣрѣ выполнятъ свои обязанности великія державы, взявшія подъ свою защиту Бельгію въ торжественномъ договорѣ 19 апрѣля 1839 г.

Съ того времени, какъ Голландія прекратила свое сопротивленіе постановленіямъ лондонской конференціи и признала Бельгію независимымъ, постоянно нейтральнымъ государствомъ, для Бельгіи исчезла опасность съ этой стороны. Исчезла ли вмѣстѣ съ тѣмъ для нея и

Англійская, бельгійская и французская королевскія четы въ Парижѣ въ 1843 году. (Принцъ Альбертъ, королева Викторія, король Луи-Филиппъ, королева Луиза, королева Марія Амелія, король Леопольдъ).

всякая опасность вообще? Великія державы торжественно гарантировали ей нейтралитетъ. Можно ли было однако безусловно положиться на эту гарантію? При обсужденіи вопроса о международномъ положеніи Бельгіи въ англійскомъ парламентѣ 8 іюня 1855 года лордъ Памерстонъ такъ выразился по этому поводу: „Дѣйствительно, трактаты освятили нейтралитетъ Бельгіи... Но я не склоненъ придавать большое значеніе подобнымъ обязательствамъ. Всемірная исторія показываетъ, что, когда возникаетъ распря, и воинственная нація находитъ для себя полезнымъ провести свою армію чрезъ нейтральную территорію, то къ декларaціямъ о нейтралитетѣ не относятся съ благоговѣйнымъ уваженіемъ“. Исторія бельгійскаго нейтралитета неоднократно подтверждала истинность этихъ словъ Памерстона.

Съ чьей же стороны нейтралитету Бельгіи послѣ 1839 г. могла грозить опасность, и у кого онъ могъ найти себѣ защиту?

Очевидно, что пять великихъ державъ, гарантировавшихъ Бельгіи нейтралитетъ, далеко

не въ одинаковой степени были заинтересованы въ бельгійскомъ вопросѣ. Для Россіи и Австріи судьба Бельгіи была вопросомъ далекимъ, который ихъ мало касался, и само географическое положеніе этихъ державъ исключало возможность покушенія съ ихъ стороны на Бельгію. Поэтому фактически судьба бельгійскаго нейтралитета зависѣла отъ отношенія къ нему Англіи, Франціи и Пруссіи, въ 1871 году превратившейся въ Германію. Дѣйствительная опасность для Бельгіи могла появиться только со стороны Франціи и Пруссіи (Германіи). Разъ у этихъ двухъ державъ существовали агрессивные замыслы въ смыслѣ измѣненія своей искусственной границы и расширенія своей территоріи, то объектомъ ихъ стремленій всегда могла сдѣлаться Бельгія. Англія, наоборотъ, съ самаго начала оказывалась въ положеніи защитницы Бельгіи по преимуществу. Какъ морская держава, не располагавшая достаточно сильной сухопутной арміей, она не могла сама завладѣть Бельгіей, и въ то же время была болѣе другихъ заинтересована въ томъ, чтобы Бельгія не досталась ни Франціи, ни Германіи, такъ какъ это создавало бы непосредственную угрозу для самой Англіи. Поэтому Англіи всегда принадлежала иниціатива въ вопросѣ о мѣрахъ для охраны бельгійскаго нейтралитета, и она вступала въ соотвѣтственныя соглашенія съ Пруссіей, если завоевательные планы исходили изъ Франціи, и съ Франціей, если опасность надвигалась со стороны Пруссіи (Германіи).

Французское правительство торжественно признало бельгійскій нейтралитетъ и дважды, какъ мы видѣли, выступало въ его защиту съ вооруженными силами. Самъ король Людовикъ Филиппъ вообще держался миролюбивой политики и вдобавокъ могъ быть удовлетворенъ рѣшеніемъ бельгійскаго вопроса съ точки зрѣнія династической, такъ какъ бракъ короля Леопольда съ его дочерью открывалъ достаточный просторъ личному вліянію Людовика Филиппа на политику бельгійскаго правительства. Но во французскихъ политическихъ и общественныхъ кругахъ отнюдь не умерла идея „естественныхъ границъ", и далеко не всегда бельгійскій вопросъ разсматривался, какъ окончательно рѣшенный. Французы не могли забыть, что на рубежѣ XVIII и XIX вв. Бельгія свыше двадцати лѣтъ входила въ составъ Франціи, да и въ самой Бельгіи, особенно въ первое время послѣ революціи 1830 г., существовала партія, стоявшая за присоединеніе Бельгіи къ Франціи. Отказаться совсѣмъ отъ всякихъ притязаній на Бельгію значило бы для Франціи отказаться отъ вѣковой традиціи своей внѣшней политики, и идея „естественныхъ границъ" постоянно всплывала, если не въ формѣ проектовъ непосредственнаго присоединенія Бельгіи къ Франціи, то по крайней мѣрѣ въ формѣ плановъ экономическаго сближенія между обоими государствами.

Первыя тучи надъ горизонтомъ Бельгіи стали собираться почти немедленно послѣ окончательнаго провозглашенія ея нейтралитета, въ связи съ европейскимъ кризисомъ 1840 г., возникшимъ на почвѣ восточнаго вопроса. Война между Турціей и мятежнымъ вассаломъ турецкаго султана, египетскимъ пашой, который находился подъ покровительствомъ Франціи, привела къ крайнему обостренію отношеній между Франціей и остальными четырьмя державами, и съ обѣихъ сторонъ шли энергичныя приготовленія къ войнѣ. Нейтралитетъ Бельгіи въ случаѣ войны могъ подвергнуться серьезному испытанію. Поэтому бельгійское правительство поспѣшило заявить всѣмъ державамъ о своемъ твердомъ желаніи держаться политики безусловнаго нейтралитета и напомнило о ихъ гарантіи, данной договоромъ 19 апрѣля 1839 года. Одновременно король Леопольдъ постарался воспользоваться своими личными связями при французскомъ и англійскомъ дворахъ для того, чтобы не допустить войны. Миролюбіе Людовика Филиппа и его министра иностранныхъ дѣлъ Гизо помогло хлопотамъ Леопольда увѣнчаться успѣхомъ. Франція уступила требованіямъ остальныхъ державъ, европейскій концертъ былъ возстановленъ, и опасность для Бельгіи на время миновала.

Дипломатическое пораженіе Франціи сильно задѣло французское національное самолюбіе. Тогда Гизо, чтобы успокоить общественное мнѣніе, въ качествѣ компенсаціи за уступчивость Франціи въ восточномъ вопросѣ, выдвинулъ вопросъ о таможенномъ союзѣ между Франціей

и Бельгіей. Первая мысль о такомъ союзѣ возникла во Франціи въ 1836 году подъ впечатлѣніемъ отъ образованія въ Германіи знаменитаго Zollverein'а. Вопросъ снова поднимался въ 1839 и 1840 гг., но только въ 1841—1842 гг. Гизо поставилъ его на очередь съ полной опредѣленностью. Съ экономической точки зрѣнія таможенный союзъ былъ болѣе выгоденъ для Бельгіи, чѣмъ для Франціи, такъ какъ высоко развитая бельгійская промышленность могла найти себѣ во Франціи удобный рынокъ для сбыта. Поэтому французское правительство взамѣнъ требовало соотвѣтственныхъ компенсацій политическаго характера и въ частности, напримѣръ, настаивало на передачѣ бельгійскихъ таможенъ въ завѣдованіе французскихъ чиновниковъ, что фактически было бы равносильно признанію надъ Бельгіей французскаго сюзеренитета. Притязанія Франціи возбудили сильное недовольство въ Бельгіи и вызвали энергичный протестъ со стороны другихъ великихъ державъ, увидавшихъ въ подобнаго рода таможенномъ союзѣ нарушеніе принципа постояннаго нейтралитета. Иниціативу протеста взяла на себя Англія. Лордъ Эбердинъ заявилъ французскому послу, что Англія „не можетъ благосклонно смотрѣть на присутствіе французскихъ чиновниковъ въ Антверпенѣ", и что такой таможенный союзъ „является покушеніемъ на независимость Бельгіи". Англія была увѣрена въ поддержкѣ Пруссіи. Правда, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV въ началѣ 1842 года самъ дѣлалъ попытку привлечь Бельгію въ германскій Zollverein и потерпѣлъ неудачу. Но при извѣстіи о планѣ Гизо онъ поспѣшилъ занять по отношенію къ Франціи позицію вѣрнаго рыцаря безусловнаго нейтралитета, и въ Берлинѣ, по свидѣтельству французскаго посла, открыто говорили, что таможенный союзъ между Франціей и Бельгіей можетъ послужить casus belli. Вполнѣ опредѣленно высказывались противъ французскихъ плановъ также Россія и Австрія. По иниціативѣ Англіи рѣшено было сдѣлать Франціи соотвѣтственное коллективное представленіе отъ лица четырехъ державъ. Тогда французское правительство опять предпочло уступить и прекратило переговоры о таможенномъ союзѣ. Неприкосновенность бельгійскаго нейтралитета была спасена, а взамѣнъ проектированнаго таможеннаго союза между Франціей и Бельгіей была заключена обыкновенная торговая конвенція.

Королевскій дворецъ въ Брюсселѣ.

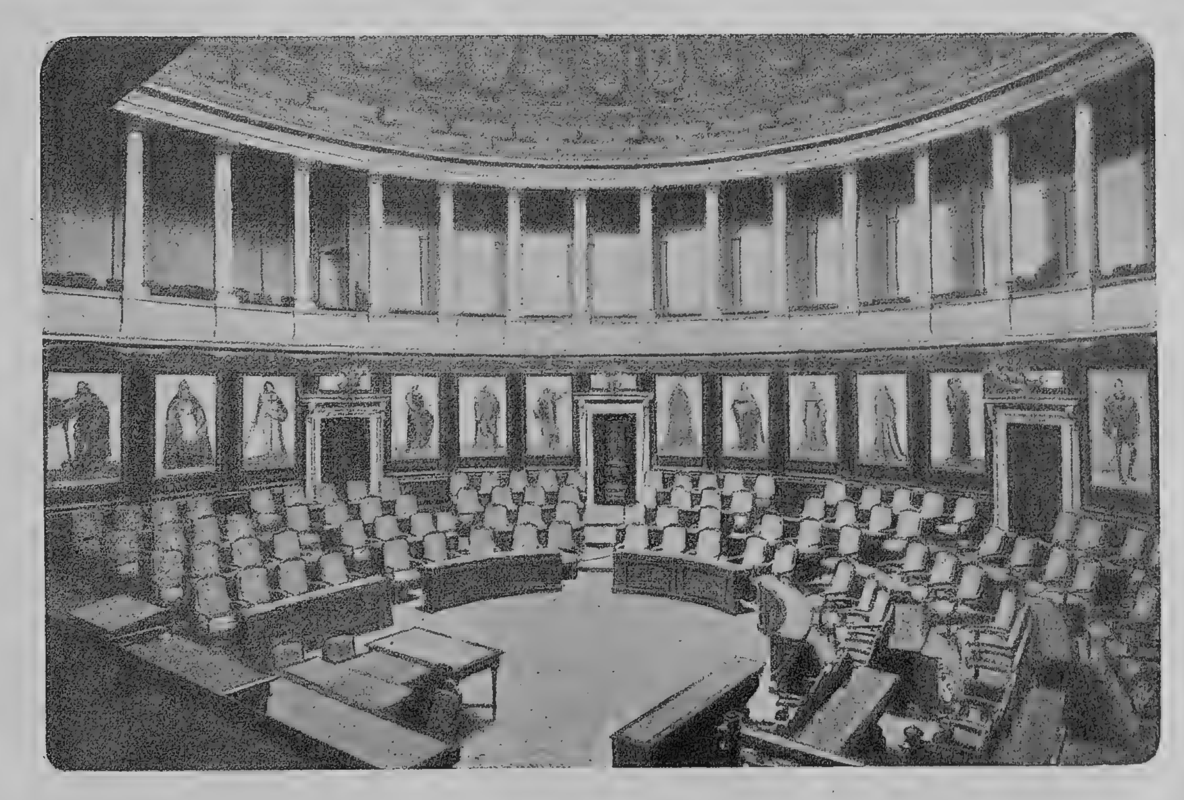
При всѣхъ возможныхъ колебаніяхъ политики французскаго правительства 30-хъ и 40-хъ гг. миролюбіе самого Людовика Филиппа являлось для Бельгіи извѣстной гарантіей. Съ его паденіемъ, положеніе дѣлъ измѣнилось для Бельгіи къ худшему. Временное правительство второй республики въ лицѣ Ламартина поспѣшило офиціально признать нейтралитетъ и безопасность Бельгіи, но положеніе самого временнаго правительства было слишкомъ непрочно для того, чтобы его обѣщаніе могло служить достаточной гарантіей. Въ рядахъ демократической партіи, свергнувшей буржуазную монархію, жили воспоминанія первой республики, и

въ новой формѣ пропагандировалась идея „естественныхъ границъ". Въ пограничной съ Франціей полосѣ Бельгіи появились французскіе эмиссары, начавшіе среди бельгійскихъ рабочихъ агитацію за присоединеніе къ Франціи, а въ послѣднихъ числахъ марта отрядъ французскихъ революціонеровъ, при тайной поддержкѣ французскаго правительственнаго коммиссара въ Лиллѣ Делеклюза, сдѣлалъ попытку вторженія въ Бельгію. Англія, повидимому, уже немедленно послѣ паденія Людовика Филиппа поспѣшила заключить съ Пруссіей соглашеніе о совмѣстной защитѣ Бельгіи отъ возможныхъ покушеній со стороны Франціи, и обѣ державы готовы были принять необходимыя мѣры. Но въ данномъ случаѣ дѣло не дошло до иностраннаго вмѣшательства, такъ какъ бельгійское правительство сумѣло своими силами подавить въ зародышѣ сумасбродную попытку французскихъ революціонеровъ. Переходъ власти во Франціи къ генералу Кавеньяку временно успокоилъ бельгійское правительство, но избраніе 10 декабря 1848 года въ президенты французской республики Людовика-Наполеона Бонапарта, coup d'état 1851 года и возстановленіе имперіи снова вызвали всѣ прежнія опасенія. Если французская республика была опасна для независимой Бельгіи, то тѣмъ болѣе опасна должна была быть имперія наслѣдника Наполеона I, которая не могла, очевидно, отказаться отъ мечты смыть „позоръ трактатовъ 1814 и 1815 гг." и заставить Европу забыть о Ватерлоо. Другія державы, по крайней мѣрѣ, были увѣрены, что Бельгія сдѣлается первой жертвой замысловъ Наполеона III. Уже сейчасъ послѣ переворота 1851 г. императоръ Николай I предлагалъ Англіи вооруженную помощь Россіи въ случаѣ французскаго вторженія въ Бельгію. А послѣ провозглашенія во Франціи имперіи Фридрихъ Вильгельмъ IV писалъ своему послу въ Лондонъ: „Бельгія—ближайшій предметъ стремленій хищной птицы, которая только что возложила на себя корону!".

При постоянныхъ противорѣчіяхъ и колебаніяхъ политики „тюильрійскаго сфинкса", трудно дать исчерпывающую характеристику его отношенія къ Бельгіи. Офиціально онъ неоднократно увѣрялъ въ своемъ желаніи поддерживать и охранять нейтралитетъ Бельгіи, и въ то же время у него часто мелькала мысль о ея присоединеніи къ Франціи. Постоянно возникали планы прямого или, по крайней мѣрѣ, замаскированнаго захвата Бельгіи и въ кругу его ближайшихъ сотрудниковъ, а офиціальная и шовинистская пресса во Франціи неустанно твердила о „естественныхъ границахъ" и о „законномъ" стремленіи крупныхъ государствъ къ расширенію. Поэтому въ теченіе всего періода второй имперіи Бельгіи надо было каждую минуту быть готовой къ отраженію покушеній на нее со стороны французскаго правительства.

Первыя недоразумѣнія между Франціей и Бельгіей начались по вопросу о возобновленіи торговой конвенціи, срокъ которой истекалъ въ 1852 г., и во время переговоровъ о которой правительство Наполеона III проявляло крайнюю несговорчивость и придирчивость. Недоразумѣнія эти осложнялись еще тѣмъ, что Наполеонъ III былъ очень недоволенъ пребываніемъ въ Бельгіи многихъ изгнанниковъ 1851 г. и не безъ основанія жаловался на крайне враждебный по отношенію къ нему тонъ бельгійской либеральной прессы, которая безпощадно громила деспотическіе порядки во Франціи. Въ 1854 году Франція и Англія приняли участіе въ русско-турецкой войнѣ. Устойчивое международное положеніе, созданное вѣнскимъ конгрессомъ, потерпѣло полное крушеніе, и повсюду заговорили о передѣлкѣ карты Европы, созданной трактатами 1814 и 1815 гг. Французскій уполномоченный поэтому прямо заявлялъ въ Бельгіи, что, если существующіе трактаты потеряли силу на Востокѣ, то они могутъ ее потерять и на Западѣ. А вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ III сдѣлалъ даже опредѣленную попытку привлечь Бельгію къ участію въ войнѣ съ Россіей. Планъ его не осуществился вслѣдствіе отказа Бельгіи и болѣе, чѣмъ холоднаго отношенія къ его замыслу со стороны Англіи. Наполеонъ III отомстилъ за это Бельгіи на парижскомъ конгрессѣ грозной филиппикой по ея адресу, которую произнесъ французскій уполномоченный Валевскій, обвиняя бельгійское правительство въ систематическомъ потворствѣ духу революціи. Напуганное бельгійское правительство дѣятельно стало

готовиться къ защитѣ противъ возможнаго нападенія Франціи, увеличило армію и усилило укрѣпленія Антверпена. Между тѣмъ война 1859 г. съ Австріей дала Франціи „естественную границу“ на юго-востокѣ, и съ начала 60-хъ гг. во французскихъ правящихъ кругахъ съ новой силой стали обсуждать вопросъ о „естественной границѣ“ на сѣверо-востокѣ. Съ другой стороны Пруссія стала энергично готовиться къ борьбѣ съ Австріей для того, чтобы выступить въ роли объединительницы Германіи. Естественно напрашивалась мысль о возможности союза съ этой цѣлью между Пруссіей и Франціей, и цѣною этого союза легко могла сдѣлаться Бельгія. Уже въ 1861 г. супругъ королевы Викторіи, принцъ Альбертъ, писалъ лорду Кларендону: „Что можно представить себѣ для Пруссіи болѣе легкаго, чѣмъ сдѣлка съ Франціей, въ силу которой эта послѣдняя помогла бы Пруссіи завоевать второстепенныя государства Германіи, а въ награду себѣ получила бы Бельгію? Это превзошло бы даже политику Кавура, такъ какъ уплата была бы сдѣлана изъ кармана сосѣда вмѣсто того, чтобы

Залъ засѣданій сената.

платить изъ своего собственнаго кармана. И Англіи пришлось бы въ такомъ случаѣ бороться за Бельгію одной!“. Предвидѣнія принца Альберта стали сбываться, какъ только во главѣ прусскаго правительства сталъ Бисмаркъ, и политика Пруссіи начала принимать опредѣленно воинственный характеръ.

Повидимому, Бисмаркъ первый въ переговорахъ съ Франціей высказалъ мысль о возможности для Франціи искать территоріальнаго расширенія „всюду, гдѣ говорятъ по французски“, т. е. прежде всего въ Бельгіи. Въ первое время однако французское правительство оставалось глухо къ его инсинуаціямъ. Объяснялось это тѣмъ, что Наполеонъ III самъ смотрѣлъ на предстоящую борьбу между Австріей и Пруссіей, какъ на вѣрное средство присоединить къ Франціи Бельгію и лѣвый берегъ Рейна, но не хотѣлъ покупать территоріальнаго расширенія Франціи цѣной союза съ Пруссіей противъ Австріи. Онъ былъ увѣренъ, что борьба между обѣими германскими державами затянется надолго, и что онъ успѣетъ въ рѣшительный моментъ выступить въ роли вооруженнаго посредника и обезпечить за Франціей ея „естественную границу“ на сѣверо-востокѣ безъ пролитія крови. Вопреки расчетамъ Наполеона III война оказалась

непродолжительной и окончилась раньше, чѣмъ французское правительство успѣло принять необходимыя военныя мѣры. Получивъ отъ Франца Іосифа предложеніе выступить посредникомъ при заключеніи мира, Наполеонъ III поспѣшилъ тогда заговорить о компенсаціяхъ за свой нейтралитетъ во время войны. Но послѣ побѣды надъ Австріей Бисмарку уже не нуженъ былъ союзъ съ Франціей, и онъ энергично протестовалъ противъ какихъ бы то ни было покушеній на нѣмецкія земли. Теперь онъ вообще не хотѣлъ уже дѣлать никакихъ уступокъ Франціи, но, будучи связанъ предшествовавшими переговорами, онъ не могъ возражать принципіально противъ перехода къ Франціи Бельгіи и Люксембурга. Поэтому въ августѣ 1866 г. онъ согласился составить вмѣстѣ съ французскимъ посломъ при прусскомъ дворѣ Бенедетти проектъ договора между Франціей и Пруссіей. Въ 5-ти параграфахъ этого договора Франція признавала сдѣланныя Пруссіей территоріальныя пріобрѣтенія (§ 1) и соглашалась на объединеніе подъ гегемоніей Пруссіи всей Германіи, за исключеніемъ Австріи (§ 3). Съ своей стороны Пруссія обѣщала содѣйствовать Франціи въ пріобрѣтеніи Люксембурга (§ 2) и оказать Франціи вооруженную помощь „въ томъ случаѣ, если бы Е. В. Императоръ Французовъ былъ принужденъ (serait amené) силою обстоятельствъ ввести свои войска въ Бельгію или ее завоевать" (§ 4). Для осуществленія всѣхъ этихъ плановъ обѣ державы заключали наступательный и оборонительный союзъ (§ 5). Оставивъ у себя текстъ этого договора, написанный рукой Бенедетти, Бисмаркъ умышленно тянулъ переговоры. Онъ дожидался только заключенія мира съ Австріей, чтобы развязать себѣ руки и получить возможность отвѣтить Наполеону III окончательнымъ отказомъ. Своей цѣли онъ достигъ безъ особаго труда, и въ началѣ 1867 г. французское правительство принуждено было само взять назадъ предложеніе о Бельгіи.

Франко-прусскіе ереговоры происходили въ строгой тайнѣ, но слухи о нихъ проникали въ дипломатическіе круги, и бельгійское правительство переживало въ 1866 году тяжелыя минуты. Никогда еще до сихъ поръ Бельгіи не грозила такая серьезная опасность. Бельгійскій кабинетъ обратился за помощью къ своей естественной защитницѣ Англіи, но не могъ не сознавать, что Англія оказалась бы не въ силахъ спасти Бельгію, если бы противъ нея состоялось соглашеніе Франціи и Пруссіи. Къ счастью для Бельгіи, Наполеонъ III не принялъ предложенія Бисмарка тогда, когда этотъ послѣдній готовъ былъ ему помочь завладѣть Бельгіей, а, когда объ этомъ заговорилъ Наполеонъ III, то Бисмаркъ уже получилъ возможность не соглашаться ни на какія компенсаціи.

Правительство Наполеона III однако вовсе не было намѣрено примириться съ своей неудачей. Если въ данный моментъ не удалось осуществить простого присоединенія Бельгіи, то можетъ-быть возможно было достигнуть той же цѣли обходнымъ путемъ, посредствомъ тѣснаго экономическаго сближенія между обѣими странами. И въ этомъ направленіи новый французскій посланникъ въ Бельгіи, Лагеронньеръ, не замедлилъ развить самую дѣятельную агитацію. Онъ открыто распространялся на ту тему, что вообще не понимаетъ постояннаго нейтралитета, и что въ дѣйствительности ни одно государство не можетъ быть безусловно нейтральнымъ. Всякое государство естественно будетъ склоняться на сторону той или другой державы, сообразно своимъ интересамъ и симпатіямъ, и Лагеронньеръ доказывалъ, что бельгійскій нейтралитетъ „долженъ имѣть уклонъ (être en pente) въ сторону Франціи". Изъ архива былъ извлеченъ забытый со времени Людовика Филиппа проектъ таможенной уніи между Франціей и Бельгіей, и французская пресса начала пропагандировать эту идею. Въ сентябрѣ 1868 года французское правительство сдѣлало Бельгіи соотвѣтственное формальное предложеніе. Но французскій проектъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сочувствія со стороны Англіи, а бельгійское правительство отвѣтило на него категорическимъ отказомъ. Тогда во Франціи былъ выдвинутъ новый планъ. Французское правительство стало добиваться уступки Франціи части бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ. При его содѣйствіи одна изъ крупнѣйшихъ француз-

скихъ желѣзнодорожныхъ компаній, Compagnie de l'Est, заключила съ бельгійскими Grande Compagnie de Luxembourg и Société des chemins de fer Liégeois-Limbourgeois договоръ о передачѣ въ руки Compagnie de l'Est желѣзнодорожныхъ линій, соединявшихъ французскую границу съ Брюсселемъ и Льежемъ, на очень выгодныхъ для бельгійскихъ компаній условіяхъ.

При первомъ извѣстіи о заключеніи договора, бельгійское правительство забило тревогу. Не могло быть сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ у Франціи на первомъ планѣ не экономическія, а политическія и военныя соображенія. Уступаемыя линіи имѣли громадное стратегическое значеніе въ случаѣ войны между Франціей и Пруссіей, и французское правительство, конечно, не замедлило бы ими воспользоваться въ военныхъ цѣляхъ, чѣмъ фактически обратило бы Бельгію въ свою провинцію. Что бельгійское правительство не ошибалось въ своемъ толкованіи тайныхъ умысловъ Франціи, доказываетъ опубликованное въ мемуарахъ Олливье письмо Наполеона III къ маршалу Ніелю, гдѣ императоръ прямо говорилъ о предстоящемъ завоеваніи Бельгіи. Поэтому бельгійскій кабинетъ, въ которомъ первенствующую роль игралъ крупный политическій дѣятель Фреръ-Орбанъ, поспѣшно провелъ черезъ палаты законъ, требовавшій для всякой передачи желѣзнодорожныхъ линій разрѣшеніе правительства. Этотъ поступокъ разрушилъ планъ французскаго правительства и вызвалъ конфликтъ между Франціей и Бельгіей. Для веденія переговоровъ отправился въ Парижъ самъ Фреръ-Орбанъ. Французское правительство настаивало на уступкѣ линій, но Фреръ-Орбанъ упорно сопротивлялся и допускалъ только возможность чисто экономическаго соглашенія объ условіяхъ транзита чрезъ Бельгію. Въ послѣднюю минуту, когда, повидимому, дѣло должно было окончиться разрывомъ, Франція неожиданно уступила. Причиной уступчивости было опредѣленное давленіе со стороны Англіи, точку зрѣнія которой лордъ Кларендонъ опредѣлилъ такъ въ своемъ разговорѣ съ бельгійскимъ уполномоченнымъ Болье: „Поставленный вопросъ есть вопросъ общеевропейскій. Вы живете въ домѣ, который принадлежитъ всей Европѣ, и который она вамъ предоставила подъ условіемъ, что вы туда не впустите никакого непріятеля. На этой почвѣ вы сильны, и вамъ окажутъ поддержку". Выступленіе Англіи рѣшило вопросъ, и Франція взамѣнъ передачи желѣзнодорожныхъ линій должна была ограничиться улучшеніемъ условій транспорта.

ФРЕРЪ-ОРБАНЪ.

Ровно годъ спустя вспыхнула давно ожидавшаяся франко-прусская война, и вопросъ объ охранѣ нейтралитета и независимости Бельгіи былъ поставленъ на очередь дня острѣе, чѣмъ когда-либо раньше. Сейчасъ же послѣ объявленія войны обѣ воюющія стороны извѣстили офиціально Бельгію о своемъ намѣреніи уважать ея нейтралитетъ подъ условіемъ, что онъ не будетъ нарушенъ и другой воюющей стороной. Бисмаркъ дополнилъ эту декларацію частнымъ письмомъ къ бельгійскому уполномоченному Нотомбу, гдѣ не безъ ироніи говорилъ между прочимъ: „Меня удивляетъ, что такой проницательный человѣкъ, какъ вы, можете считать Бисмарка достаточно наивнымъ, чтобы бросить Бельгію въ объятія Франціи". Однако, послѣ всѣхъ прежнихъ покушеній Наполеона III на Бельгію можно было очень и очень сомнѣваться, чтобы онъ сталъ держать свои обѣщанія по адресу Бельгіи въ томъ случаѣ, если бы военный успѣхъ оказался на его сторонѣ. Вдобавокъ Бисмаркъ, чтобы дискредитировать его окончательно въ глазахъ всей Европы, опубликовалъ 25 іюля 1870 г. въ „Times" текстъ договора 1866 г. о захватѣ Бельгіи, написанный рукой Бенедетти. Англійское общество было глубоко возмущено коварствомъ Наполеона III, и замыслы Франціи послужили темой страстныхъ дебатовъ въ англійскомъ парламентѣ. Тогда англійское правительство, чтобы удовле-

творить взволнованное общественное мнѣніе, вышло изъ роли пассивнаго защитника нейтралитета Бельгіи и заявило о своей готовности въ случаѣ опасности прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. На этомъ основаніи Англія подписала съ обѣими воюющими державами тождественные договоры (9 августа съ Пруссіей и 11 августа съ Франціей), по которымъ Англія обязывалась въ случаѣ нарушенія бельгійскаго нейтралитета одной изъ воюющихъ державъ послать въ защиту Бельгіи свои сухопутныя и морскія силы и дѣйствовать противъ правонарушительницы совмѣстно съ другой воюющей державой. Съ своей стороны Бельгія мобилизовала свою армію и въ продолженіе войны держала ее на своей границѣ для охраны неприкосновенности своей территоріи. Эти мѣры оказались дѣйствительными, и бельгійскій нейтралитетъ не подвергся никакому нарушенію.

Король Альбертъ и королева Елизавета въ Антверпенѣ.

III.

Война 1870—1871 гг. передала европейскую гегемонію въ руки вновь возникшей Германской имперіи и совершенно измѣнила взаимоотношенія великихъ державъ. Паденіе имперіи Наполеона III и пораженіе Франціи положили конецъ аггрессивной политикѣ французскаго правительства. Третья республика во Франціи должна была прежде „естественныхъ границъ" стремиться къ „реваншу" и къ возвращенію Эльзаса и Лотарингіи, а поэтому всякая опасность для Бельгіи со стороны Франціи исчезла. Но аггрессивную роль, которая до сихъ поръ принадлежала Франціи Наполеона III, взяла теперь на себя побѣдоносная Пруссія, превратившаяся въ Германію, и опасность для Бельгіи перемѣстилась съ запада на востокъ. Эта опасность, которая оказалась на дѣлѣ гораздо болѣе грозной, далеко не сразу выяснилась съ полной очевидностью. Послѣ 1871 г. мирныя отношенія между великими державами Европы не нарушались сорокъ слишкомъ лѣтъ. Поэтому до самаго начала XX столѣтія Бельгія чувство-

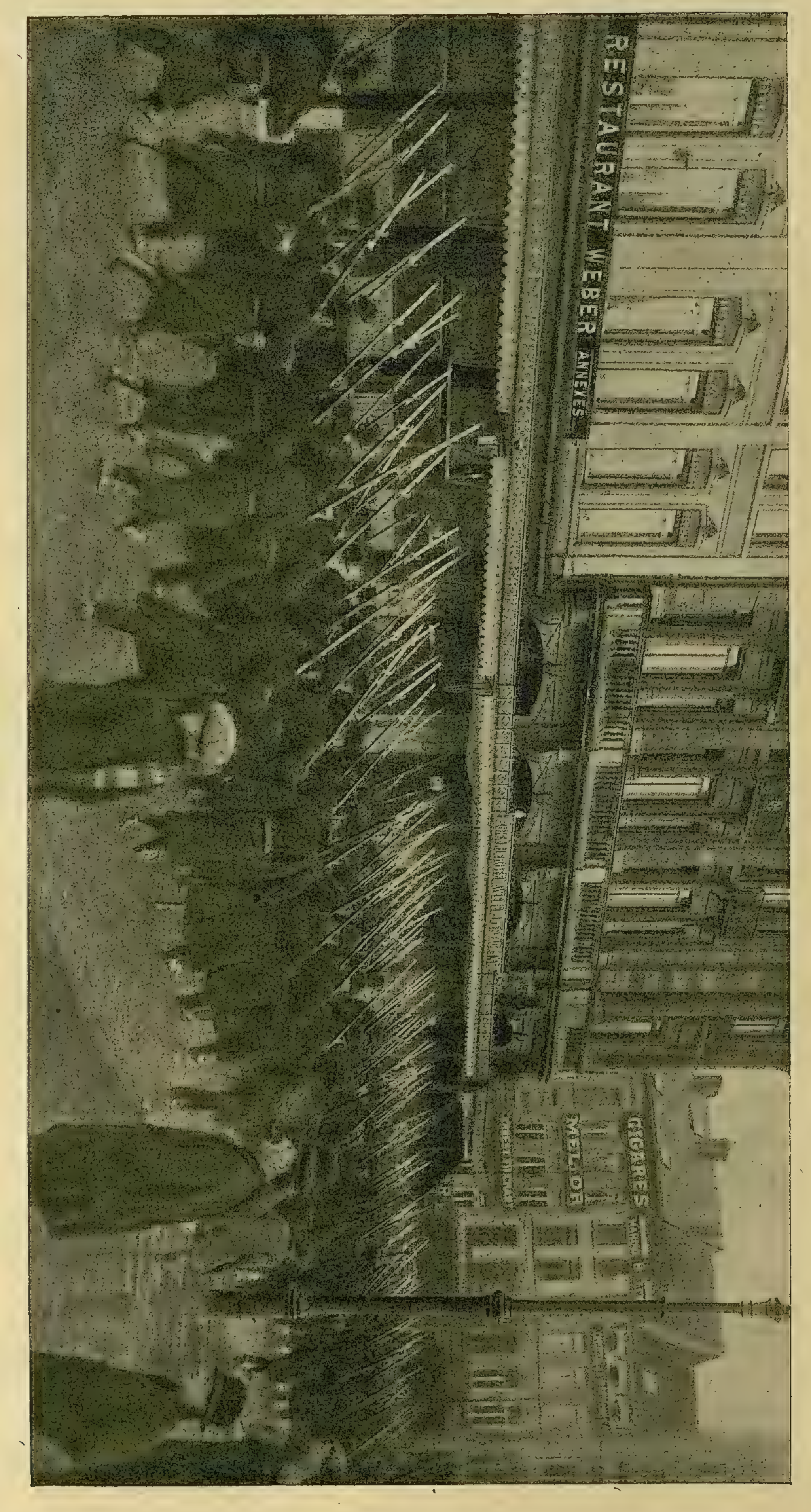
вала себя гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ періодъ съ 1830 по 1870 г., когда ей все время приходилось быть на сторожѣ по поводу возможныхъ покушеній со стороны Франціи.

Для изученія дипломатической исторіи Европы послѣ 1871 г. мы располагаемъ пока слишкомъ скуднымъ количествомъ опубликованныхъ первоисточниковъ, и возможно, что въ будущемъ, когда дипломатическіе архивы откроютъ хотя бы часть своихъ тайнъ, будетъ пролитъ новый свѣтъ и на международное положеніе Бельгіи за послѣднія сорокъ лѣтъ. Пока можно только сказать, что болѣе или менѣе серьезныя опасенія за судьбы Бельгіи появлялись лишь въ тѣ моменты, когда между великими державами отношенія становились обостренными, и въ Европѣ ждали близкой войны. Такъ, повидимому, было, напримѣръ, въ 1874—1875 гг., когда ждали новой войны между Франціей и Германіей. Бисмаркъ офиціально объявилъ Германію „насыщенной", но шовинистская пресса Германіи бряцала оружіемъ и твердила о необходимости новаго разгрома Франціи. Въ дипломатическихъ кругахъ говорили о намѣреніи

Представители городского самоуправленія привѣтствуютъ короля Альберта.

Бисмарка захватить Голландію и Бельгію, отнять у Франціи Пикардію, Нормандію, Бургундію и Франшконте и изъ всѣхъ этихъ областей образовать особое, входящее въ Германскую имперію королевство для одного изъ героевъ войны 1870—1871 гг., принца Фридриха-Карла. Во всѣхъ этихъ слухахъ несомнѣнно была нѣкоторая доля истины. Во всякомъ случаѣ, по поводу разоблачившейся попытки покушенія на Бисмарка, которое было задумано однимъ полуненормальнымъ бельгійцемъ, Бисмаркъ не замедлилъ принять по адресу Бельгіи вызывающій тонъ, который прежде позволяло себѣ правительство Наполеона III, и послать бельгійскому правительству угрожающую ноту. Нѣсколько времени спустя онъ офиціально запросилъ бельгійское правительство о томъ, какія мѣры оно думаетъ принять для „обезпеченія уваженія къ своему нейтралитету", которому яко бы грозила опасность со стороны Франціи. Но раньше, чѣмъ намѣренія Бисмарка успѣли принять вполнѣ опредѣленную форму, произошло дипломатическое вмѣшательство Россіи. Разговоры о войнѣ сразу прекратились, и миръ былъ обезпеченъ, а, слѣдовательно, миновала опасность и для Бельгіи.

Бельгійская армія.

Второй разъ въ Европѣ говорили о близости войны въ 1887—1888 гг., когда обострились отношенія Германіи и къ Франціи, и къ Россіи. Послѣ 1888 г. наступилъ довольно продолжительный періодъ успокоенія, такъ какъ возникновеніе франко-русскаго союза создало необходимый противовѣсъ тройственному союзу, и въ Европѣ восторжествовала система вооруженнаго мира. Международное положеніе измѣнилось только въ началѣ XX вѣка послѣ русско-японской войны, новаго обостренія восточнаго вопроса и „возвращенія“ Россіи изъ Азіи въ Европу. Показателемъ этой перемѣны явился марокккскій кризисъ 1905 г., во время котораго выяснилась и непрочность системы вооруженнаго мира, и вѣроятная близость общеевропейской войны. Годы „насыщенія“ Германіи прошли, и она не скрывала своего стремленія къ территоріальному расширенію.

Офиціально Германія до самаго послѣдняго времени поддерживала принципъ бельгій-

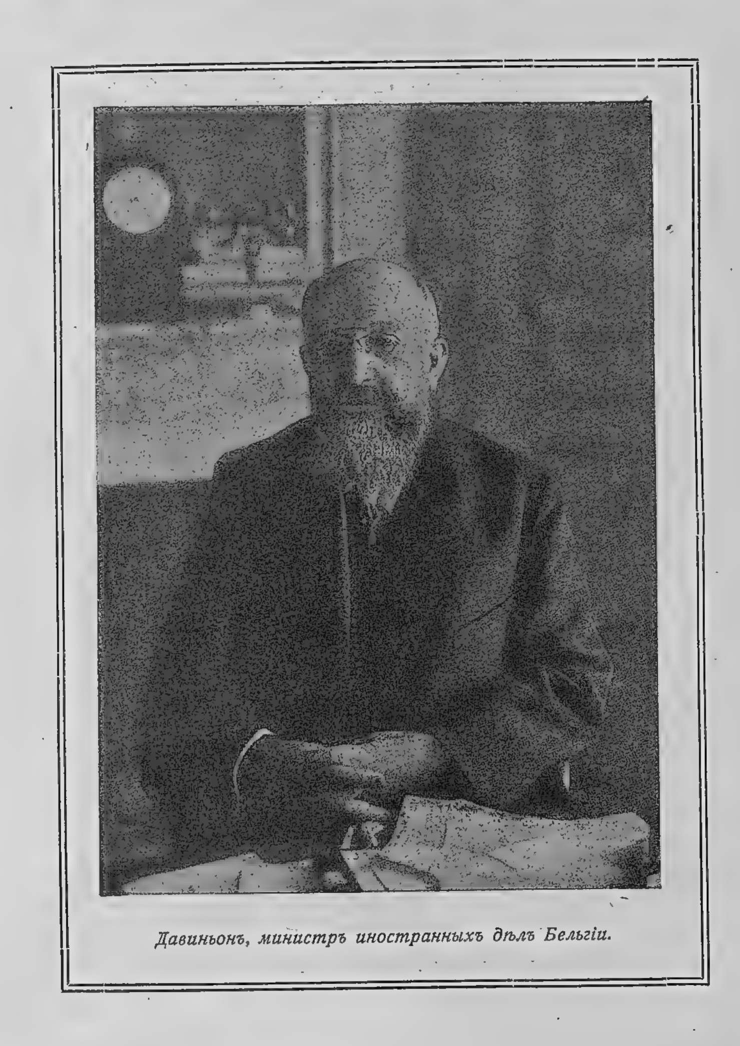

Эмиль Вандервельдъ.

скаго нейтралитета. Такъ, въ 1900 г., во время возстанія боксеровъ въ Китаѣ, во имя этого принципа Германія протестовала противъ посылки въ Китай отряда бельгійскихъ волонтеровъ, находя это несовмѣстимымъ съ положеніемъ постоянно нейтральнаго государства. Въ 1911 г. имперскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ отказался, правда, офиціально заявить въ рейхстагѣ о намѣреніи германскаго правительства строго соблюдать нейтралитетъ Бельгіи въ случаѣ войны между Франціей и Германіей, но въ то же время категорически заявилъ бельгійскому уполномоченному, что въ намѣренія Германіи отнюдь не входитъ нарушать нейтралитетъ Бельгіи. Наконецъ, 29 апрѣля 1913 г. въ бюджетной комиссіи рейхстага германскій министръ иностранныхъ дѣлъ Яговъ прямо сказалъ: „Нейтралитетъ Бельгіи опредѣленъ международными конвенціями, и Германія рѣшила уважать эти конвенціи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ со времени вступленія на бельгійскій престолъ короля Альберта германское правительство старалось афишировать свои симпатіи по адресу Бельгіи, и неоднократныя встрѣчи между королемъ Альбертомъ

и императоромъ Вильгельмомъ II неизмѣнно сопровождались взаимными увѣреніями въ дружбѣ обоихъ государствъ.

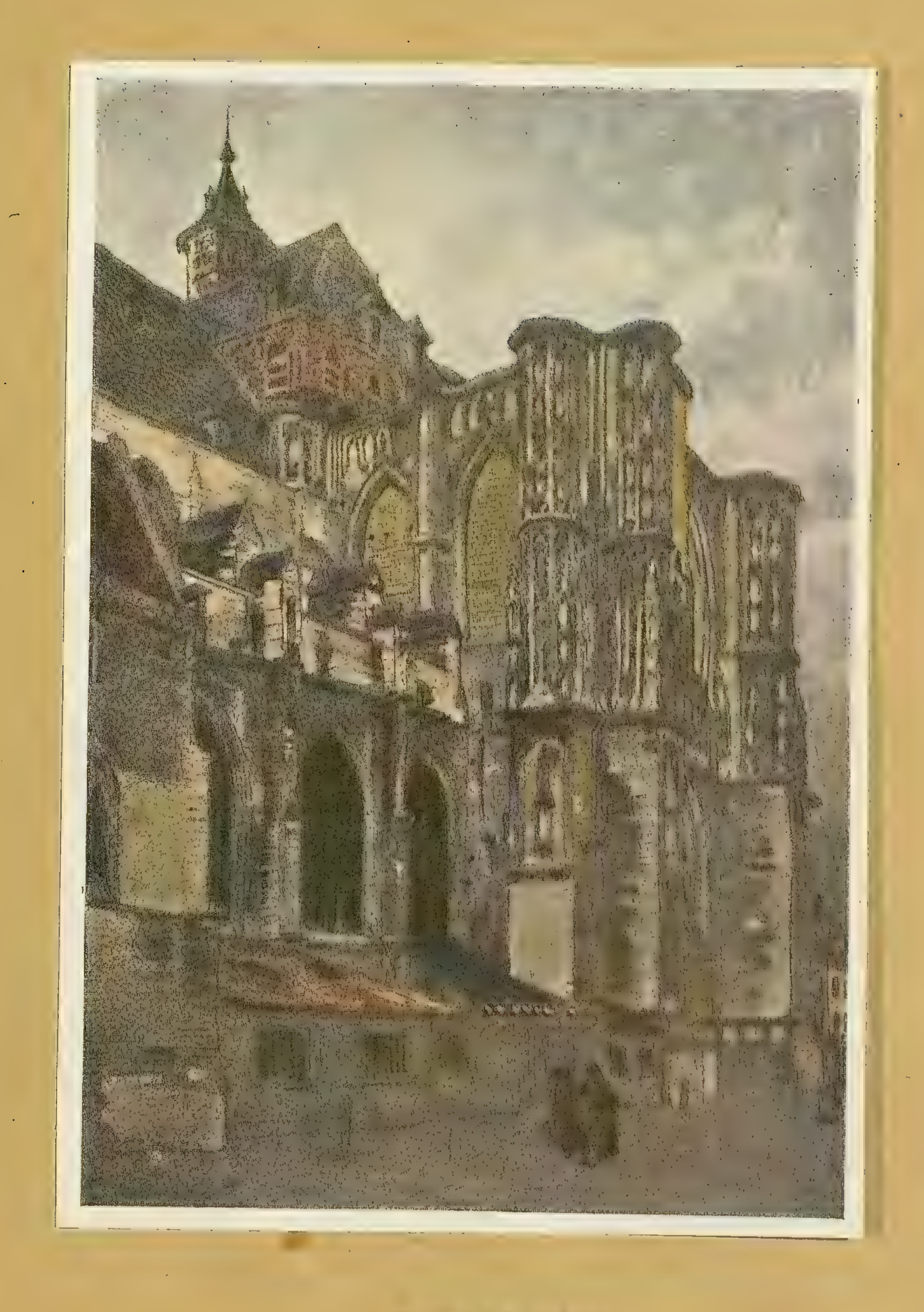
Но на ряду съ этими официальными увѣреніями совсѣмъ иначе высказывались германскіе военные авторитеты. Разрабатывая планы возможной войны на два фронта, они все чаще и чаще (начиная уже съ 1895 г.) обсуждали вопросъ о возможномъ нарушеніи нейтралитета Бельгіи для болѣе быстрой побѣды надъ Франціей. Къ 1911 г. проектъ нападенія на Францію чрезъ Бельгію былъ, повидимому, окончательно принятъ германскимъ штабомъ, и его подтвердилъ Бернгарди въ своей извѣстной книгѣ „Deutschland und der nächste Krieg". Характерно при этомъ, что такъ же, какъ въ свое время дипломаты Наполеона III, Бернгарди доказывалъ, что сама идея постоянно нейтральнаго государства на практикѣ неосуществима.

Давиньонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Бельгіи.

Въ 1912 году Бельгія получила даже по этому поводу дружеское предупрежденіе отъ румынскаго короля Карла, который обращалъ вниманіе бельгійскаго правительства, что въ случаѣ европейской войны „чудо 1870 г. не повторится" и Бельгія подвергнется „серьезной опасности нарушенія ея нейтралитета со стороны одного изъ трехъ своихъ сосѣдей".

Бельгійское правительство не могло оставаться глухо къ подобнаго рода предостереженіямъ и должно было серьезно задуматься надъ необходимыми мѣрами для защиты своей территоріи. Отсюда вытекла та серьезная работа надъ усиленіемъ военныхъ силъ Бельгіи, которую можно было наблюдать въ послѣдніе годы. Усиливались и перестраивались крѣпости, проведена была на основѣ принципа всеобщей воинской повинности военная реформа 1909—1913 гг., значительно увеличивавшая контингентъ постоянной и резервной арміи, бельгійскимъ генеральнымъ штабомъ разрабатывались проекты наиболѣе успѣшнаго сопротивленія возмож-

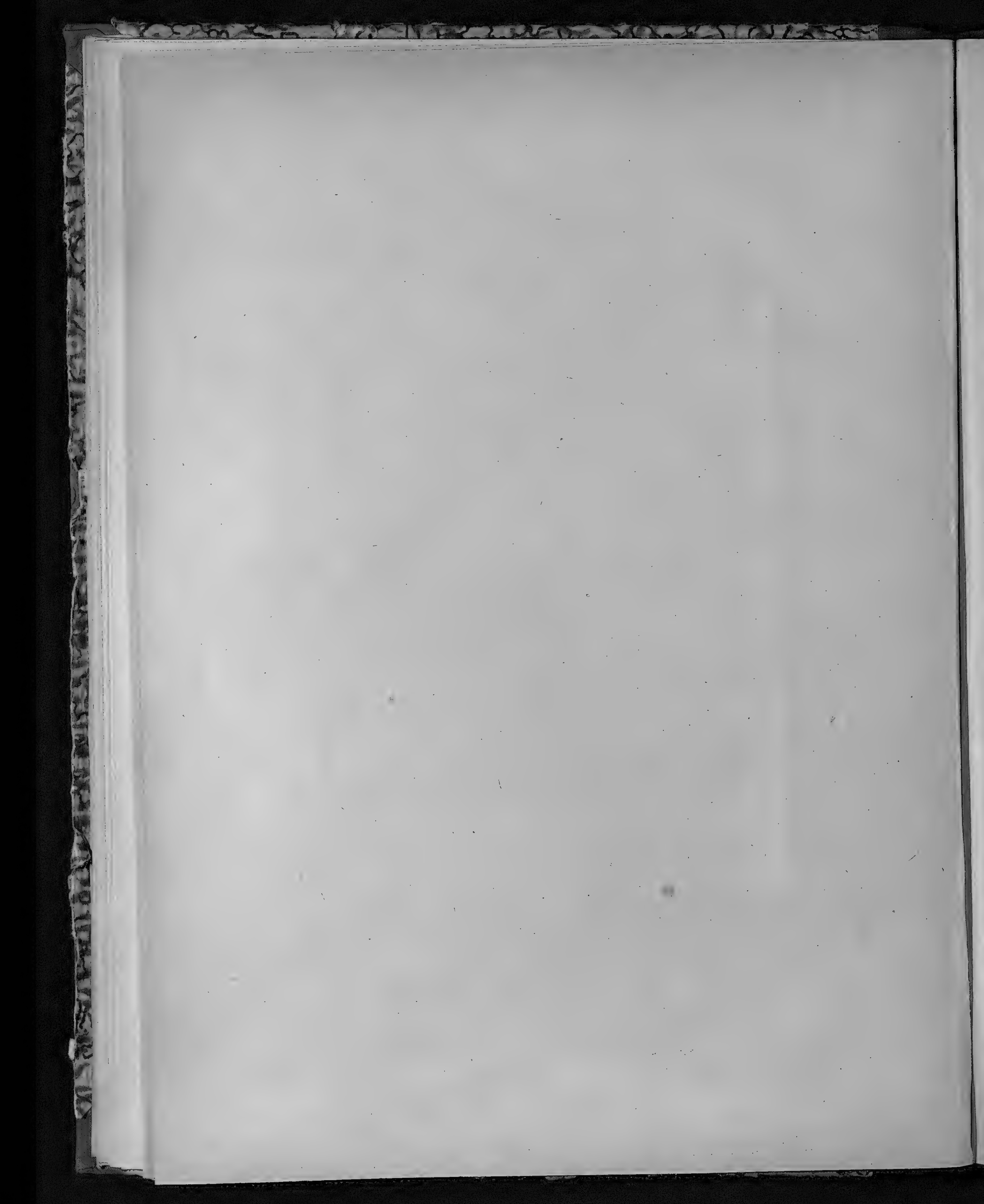

Лувенскій соборъ.

Изъ "King Albert's Book".

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію"

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА. Москва.

ному вторженію со стороны Германіи и т. д. При этомъ въ началѣ XX вѣка такъ же, какъ въ срединѣ XIX вѣка, Бельгія не могла разсчитывать, конечно, отстоять свою независимость однѣми своими силами, и вся задача ея сводилась къ тому, чтобы задержать нападающую сторону до тѣхъ поръ, пока подоспѣетъ помощь со стороны другихъ державъ. Франція, конечно, оказала бы ей помощь, такъ какъ самое нарушеніе бельгійскаго нейтралитета было возможно только въ случаѣ войны между Германіей и Франціей. Но одной французской помощи было мало при очевидномъ превосходствѣ военныхъ силъ Германіи, и необходима была еще дѣятельная поддержка Бельгіи со стороны обычной защитницы бельгійскаго нейтралитета, Англіи.

Не говоря уже объ уваженіи къ принципамъ международнаго права, для чисто практическихъ интересовъ Англіи захватъ Антверпена Германіей въ XX вѣкѣ былъ такъ же недо-

Король Альбертъ по пути въ парламентъ.

пустимъ, какъ захватъ его въ XIX вѣкѣ Франціей. И какъ только для англійскаго правительства выяснилась вѣроятность европейской войны, и между Франціей и Англіей состоялось соглашеніе 1904 г., англійское правительство, съ своей стороны, стало готовиться къ защитѣ Бельгіи въ случаѣ нарушенія ея нейтралитета Германіей. Найденные нѣмцами въ Брюсселѣ послѣ захвата Бельгіи и опубликованные въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ документы проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на эту работу англійскаго правительства. Англійское правительство рѣшило, въ случаѣ покушенія Германіи на нейтралитетъ Бельгіи, высадить въ Бельгіи или сѣверной Франціи достаточно сильную армію, и въ Англіи заранѣе были заготовлены подробныя карты Бельгіи и спеціальныя руководства для англійскихъ офицеровъ. Уже въ 1906 г. англійскій военный attaché обсуждалъ съ начальникомъ бельгійскаго генеральнаго штаба техническіе вопросы, касающіеся высадки англійскаго дессанта въ Бельгіи. Въ 1912 г. велись новые переговоры того же характера, причемъ англійскій военный агентъ говорилъ даже о высадкѣ англійскаго дессанта раньше германскаго вторженія для того, чтобы предохранить самую возможность вторженія нѣмцевъ въ Бельгію. Но бельгійское правительство усмотрѣло въ подобной предупредительной мѣрѣ нарушеніе нейтралитета Бельгіи со стороны Англіи, и сэръ Эдуардъ Грей своимъ письмомъ отъ 7-го апрѣля 1913 г. окончательно устано-

вилъ, что англійское вмѣшательство можетъ произойти только послѣ состоявшагося уже нарушенія бельгійскаго нейтралитета Германіей. Весьма правдоподобнымъ представляется также предположеніе, что одновременно Англія принимала мѣры къ соотвѣтственному соглашенію съ Франціей, какъ въ XIX вѣкѣ она вступала въ аналогичныхъ случаяхъ въ соглашенія съ Пруссіей. Такимъ образомъ наканунѣ міроваго пожара 1914 г. и Бельгіей, и Англіей принимались всѣ возможныя мѣры для охраны бельгійскаго нейтралитета. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ этихъ мѣръ оказалось недостаточно, и торжественный международный договоръ 19-го апрѣля 1839 г. обратился въ простой „клочокъ бумаги".

Такимъ образомъ съ момента провозглашенія въ 1839 г. до войны 1914 г. фактически нейтралитетъ Бельгіи не нарушался ни разу, но на самомъ дѣлѣ, несмотря на торжественную гарантію пяти державъ, Бельгіи, какъ мы видѣли, часто приходилось жить подъ угрозой покушенія на ея независимость и свободу сначала со стороны Франціи, потомъ со стороны Германіи. И всегда въ качествѣ главной опоры бельгійскаго нейтралитета выступала Англія, бывшая ея защитницей par excellence, такъ какъ жизненные интересы самой Англіи требовали охраны Бельгіи отъ всякихъ посягательствъ. Въ 1831 г. и 1832 г. она вмѣстѣ съ Франціей помогла ей отстоять свою независимость отъ Голландіи, въ 60-хъ гг. она ее отстаивала отъ покушеній Наполеона III, въ 1870 г. она готова была для ея защиты вмѣшаться въ войну между Франціей и Германіей. Поэтому и въ 1914 г. она не поколебалась бросить свой мечъ на вѣсы войны, какъ только нарушеніе нейтралитета сдѣлалось реальнымъ фактомъ.

В. Бутенко.

РОССІЯ и ХРИСТІАНСКІЙ ВОСТОКЪ.

Статья проф. Б. А. ТУРАЕВА.

РОССІЯ — великая часть Христіанскаго Востока, связанная съ нимъ не только территоріально, но и духовно, общностью культурныхъ источниковъ, историческихъ судебъ, церковныхъ идеаловъ, религіознаго быта и міросозерцанія. Несмотря на вѣроисповѣдныя отличія и оттѣнки этотъ міръ чувствуетъ себя единымъ — и несторіане, и монофисты усвоили себѣ терминъ „православіе" и, вмѣстѣ съ полноправными его носителями, противополагаютъ себя и „франкскому" Западу, и мусульманскому Востоку. Отъ тропическаго Аксума и индійскаго Малабара до Ледовитаго Океана мы вездѣ, хотя бы и подъ посторонними наслоеніями, распознаемъ эллинистическую и византійскую почвы; къ эллинизму и Византіи приведетъ насъ разсмотрѣніе культурныхъ судебъ всего Христіанскаго Востока въ то время, какъ всѣ пути его будущаго ведутъ насъ только въ его „Третій Римъ"— Московскій Кремль.

Въ X в. „языческая Россія (по словамъ Ѳ. И. Успенскаго) порывалась къ Византіи всѣми необузданными влеченіями своей безпокойной природы. Столица имперіи не разъ дрожала передъ русскими полками... Но Русь врывалась въ Византію не только своими завоевательными стремленіями, она давала о себѣ знать и нѣкоторыми человѣчными сторонами: желала во чтобы то ни стало установить правильныя торговыя сношенія, выхлопотать привилегіи для обмѣна своихъ произведеній на греческія... интересовалась устройствомъ быта и въ особенности вѣрой. Что же думала тысячелѣтняя имперія и ея мудрые патріархи, цари и вельможи объ юномъ народѣ? Византія хорошо сознавала высокія преимущества своей культуры и образованности, и уступая внѣшней силѣ, не выпускала изъ рукъ орудій нравственнаго вліянія". Когда въ концѣ X в. принятіе христіанства пріобщило русскій народъ не только къ свѣту Истины, но и къ культурно-политической жизни—взаимныя стремленія Руси и Византіи получили возможность осуществиться въ полной мѣрѣ.

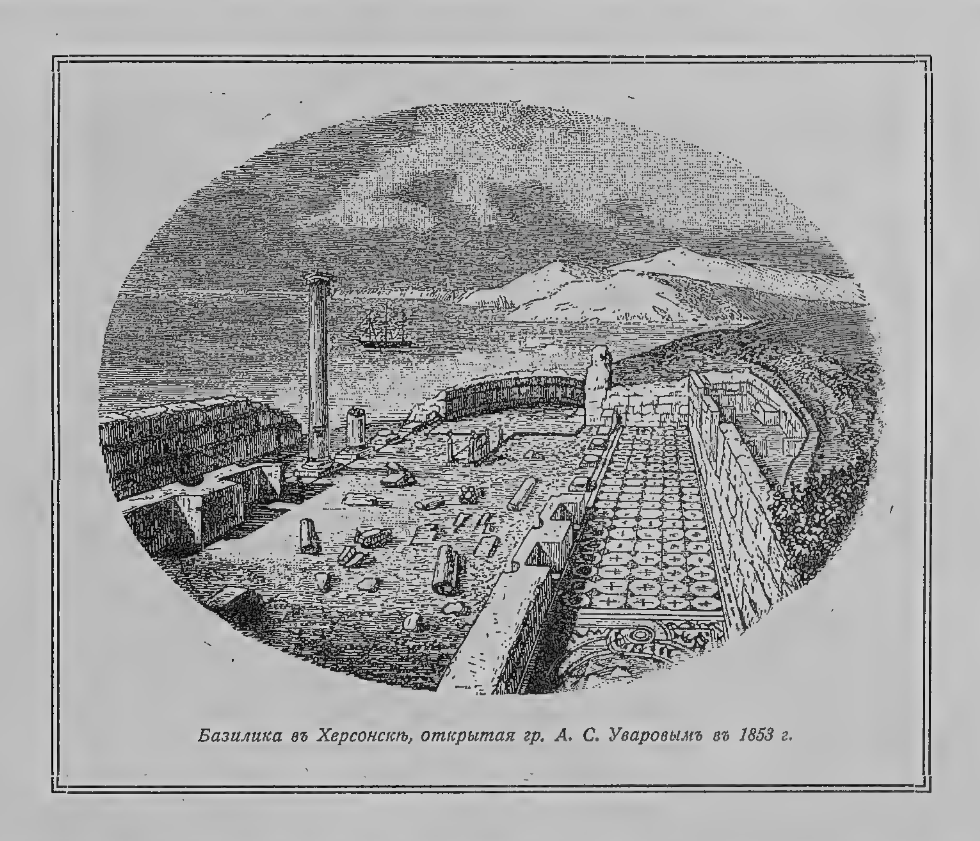
Тысячелѣтняя имперія дѣйствительно щедро дѣлилась дарами своей высокой образованности, своего искусства, своего права, внушала политическое и церковное миросозерцаніе и взяла на себя водительство новообращеннаго государства въ Законѣ Христовомъ. Русь не

менѣе щедро платила Имперіи, поступившись своими завоевательными стремленіями на юго-западѣ; Византія не только была теперь спокойна относительно нашествій съ сѣвера, но получила существенную поддержку для борьбы на восточной границѣ въ лицѣ русскихъ вспомогательныхъ корпусовъ X—XI—XII вв.; наконецъ, вѣковая борьба Руси со степью являлась теперь не только государственной обороной, но получила и общемiровое идейное значеніе. Взаимныя отношенія Россіи и Византіи сложились слѣдующимъ образомъ. Русская церковь подобно другимъ церквамъ Востока зависѣла отъ Константинопольскаго патріарха канонически, и Византія стремилась удержать высшую іерархію въ своихъ рукахъ для лучшаго освѣдомленія и властвованія, но русская церковь, отдавая дань почтенія и зависимости, стремилась къ полной внутренней свободѣ. Торгово-промышленные интересы объединяли Царьградъ, Кіевъ, Багдадъ, побережья Чернаго и Каспійскаго морей, великій водный путь и путь чрезъ Венгрію и Галичъ,—все это говоритъ намъ о богатѣйшихъ рынкахъ и проторенныхъ торговыхъ дорогахъ того времени.—Греческіе писатели и ученые высокое значеніе придавали культурнымъ побѣдамъ Византіи, съ гордостью говоря въ XII—XIII вв., что самихъ поработителей имперіи плѣняютъ силы греческой музы и греческой мудрости—и они были правы. Культурное вліяніе Византіи сказалось черезъ церковную службу на самомъ языкѣ русскомъ, на богатой древне-русской литературѣ, на искусствѣ, на памятникахъ законодательства. Кіевская Русь нѣсколько заслонялась Византіей отъ другихъ странъ Востока, и сама подъ вліяніемъ грековъ восприняла тотъ политико-историческій взглядъ, какой выработала византійская ученая мысль. „Царство Ромеевъ и святѣйшая церковь Божія есть источникъ всякаго благополучія и училище законодательства". Русскіе князья повторяли Византійскимъ императорамъ то же, что говорилъ правитель Арменіи еще въ VII в.: „всѣмъ хорошо извѣстно, что на васъ почиваетъ благодать... ваше государство превосходитъ всѣ прочія"... и считали почетомъ именоваться „стольниками святѣйшаго величества". Но вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе князья, подобно и другимъ православнымъ государямъ (Кавказа и др.), имѣли въ Византіи положеніе неизмѣримо высшее, чѣмъ западные властители, какъ то видимъ и по пріемамъ, и по перепискѣ.

У насъ, можетъ быть, не достаточно еще изслѣдовано и оцѣнено то, что далъ Кіевскій періодъ въ выработкѣ сознанія о религіозно-церковномъ и культурномъ единствѣ между православными странами востока, въ усвоеніи, такъ сказать, какъ вселенской идеи церкви, такъ и единой вселенской имперіи. Мы замѣчаемъ только вскользь, что на первыхъ страницахъ русскаго лѣтописанія говорится о единствѣ славянскаго міра, проводится мысль о восхожденіи русскаго христіанства ко временамъ апостольскимъ; событія, касающіяся востока и особенно Византіи, находили живой откликъ, вызывали не равнодушный только интересъ; русскій человѣкъ чувствовалъ себя, какъ дома и у святынь Царьграда и у св. Гроба и на горѣ Аѳонской; на Аѳонъ шли за укладомъ монастырской жизни, въ Царьградѣ искали мастеровъ для расписыванія церквей; недовольное княземъ населеніе Кіева грозило „зажегши градъ" „ступить на землю Греческую", а князья не задумывались отправлять въ Царьградъ на заточеніе безпокойныхъ родичей. Несмотря на тренія и шероховатости въ церковныхъ отношеніяхъ и ссоры на экономической почвѣ, несмотря на то, что Русь зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы ограничивать всякую реальную попытку къ греческому вмѣшательству въ ея жизнь, несмотря, наконецъ, на рано выработавшееся воззрѣніе о льстивости грековъ, русскій человѣкъ былъ связанъ съ православнымъ востокомъ интересами всей своей политико-экономической жизни, укладомъ своей церковной жизни, интересами высшей духовной культуры, и въ свою очередь интересовалъ собой православный греческій міръ.

Но на протяженіи тысячелѣтней исторіи Россіи красной нитью проходитъ не одно стремленіе на югъ и юго-западъ, а не въ меньшей степени и на востокъ. Археологическая наука все настойчивѣе говоритъ о культурныхъ связяхъ нашего юга съ Малой Азіей и Кавказомъ еще во II тысячелѣтіи до Р. Х., когда хеттскій міръ оказывалъ могущественное вліяніе на

отдаленную Скиѳію. Русскіе славяне черезъ Хазарское царство проникали до Кавказскаго хребта и Каспійскаго моря; основаніе Тмутораканскаго княжества придвинуло политическія наши границы къ христіанскимъ царствамъ и народамъ Кавказа. Если русскіе были подъ стѣнами Царьграда, то точно также ихъ великіе походы за море въ Персію надолго запечатлѣлись въ памяти народовъ Востока. И восточный писатель XI в. заставляетъ сражаться съ Русью самого Александра Великаго, любимѣйшаго героя Азіи. Такимъ образомъ постепенно русское государство вошло въ сферу интересовъ того міра, который примыкалъ къ великимъ культурамъ древности, былъ свидѣтелемъ великихъ этнографическихъ, политическихъ и религіозныхъ переворотовъ и хранилъ въ себѣ остатки отъ самыхъ отдаленныхъ эпохъ. Что же касается до христіанской эпохи, то Іерусалимъ далъ первыхъ епископовъ Херсонесу, а связь малоазіатскихъ и кавказскихъ церквей съ черниговскими храмами считается почти установленной. Грузинская лѣтопись указываетъ на русскаго князя Юрія, сына Андрея Боголюбскаго, что онъ принадлежалъ къ единовѣрному народу и потому могъ получить руку грузинской

Базилика въ Херсонескѣ, открытая гр. А. С. Уваровымъ въ 1853 г.

царицы Тамары. Въ росписи армянской церкви Тиграна Хоненца, изображающей царя Тирдата ѣдущаго на встрѣчу св. Григорію Просвѣтителю — армянскаго царя сопровождаютъ еще двое: грузинскій и, по арабской версіи житія,—русскій. На послѣднемъ корона, приближающаяся по типу къ такъ называемой шапкѣ Мономаха. Почитаніе первыхъ русскихъ святыхъ Бориса и Глѣба проникло и въ Арменію. Однако русскіе писатели XI—XII вв. относились къ Арменіи не столь сочувственно, какъ армянскіе къ Руси, и это объясняется вліяніемъ полемической литературы Византіи; въ отношеніи къ армянамъ Печерскаго Патерика повторяется отношеніе къ нимъ грековъ. Включеніе Оки и Волги въ сферу ближайшихъ интересовъ русскихъ князей XII—XIII вв. способствовало закрѣпленію связи съ востокомъ къ тому времени, когда Черноморское побережье и отдаленная Тмуторакань стали ускользать отъ Руси.

Такимъ образомъ за Кіевскій періодъ русская историческая жизнь намѣтила широкія задачи политическія и усвоила не менѣе широкую политическую идеологію, сдѣлавшись однимъ изъ важныхъ звеньевъ въ развитіи восточно-европейскаго культурнаго типа.

Наступило между тѣмъ время, когда въ силу цѣлаго ряда обстоятельствъ церковнаго, политическаго и экономическаго характера взаимныя отношенія Руси и Византіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ православныхъ странъ Востока измѣнились. Ослабленная ударами крестоносцевъ, смущенная Флорентійской уніей, изнемогшая въ ожесточенной борьбѣ съ натискомъ мусульманскаго міра—Византія пала. Зависѣвшія отъ нея культурно, церковно и отчасти политически государства Балканскаго полуострова, Кавказа, страны Мало-Азійскія и Палестинскія испытывали тотъ же кризисъ.

Единственно Москва, которую къ XV в. времена Татарщины и суровыя условія жизни на сѣверо-востокѣ сковали въ государство Іоанна III, оставалась свободной, сознающей притокъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свято хранившей завѣты греко-восточнаго міра. Теперь не ея государи будутъ писать про себя, что они „священнаго величества стольники“ или увѣрять что ихъ дѣйствія не вызываются „ни кичденіемъ, ни дерзостью“, а къ нимъ будутъ уже обра-

Армянскій царь Тирдатъ съ абхазскимъ, грузинскимъ и аланскимъ царями. (Арм. Роспись церкви Св. Григорія Тиграна Хоненца въ Ани).

щаться восточные патріархи съ такими рѣчами: „нынѣ ты государь и царь учинился православнымъ христіанамъ и убѣжище“ (слова Константинопольскаго патр.); „восточная церковь и четыре патріархата православные не имѣютъ другаго покровителя, кромѣ твоей царственности“, (слова александр. патр.) „ваше богохранимое царство не только есть глава всѣхъ христіанъ, но и единственная христіанская глава“ (слова іерусалимск. патр.). Если бы собрать всѣ обращенія епископовъ греческихъ, славянскихъ, обращенія многочисленныхъ обителей, обращенія св. Аѳонской горы, то передъ нами воочію исполнились бы слова инока Филоѳея Московскому государю: „вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое единое царство, единъ ты во всей вселенной христіанскій царь“. Такимъ образомъ мы можемъ наблюдать въ теченіе XV—XVI—XVII вв. два встрѣчныхъ теченія, приведшихъ Русское государство къ положенію главы православнаго востока.

Востокъ въ лицѣ представителей Церквей, духовенства, угнетаемаго населенія продолжалъ вѣрить въ вѣчность православной церкви и въ единство христіанскаго царства, въ существованіе единой главы—покровителя православія. Посланныя испытанія, торжество ислама

разсматривалось, какъ временное наказаніе Божіе, будущее торжество христіанства и избавленіе отъ ига невѣрныхъ считалось неизбѣжнымъ, всѣ чаянія возлагались на русскаго государя и русскій народъ. Обращаясь къ московскому государю, какъ „къ ктитору и милователю", считая, что „иного земного правителя надъ всѣми православными не имѣютъ только тебя благочестиваго царя (московскаго)", Востокъ вѣрилъ, что Московскому государю „Господь Богъ подастъ наслѣдіе царя Константина" и покоритъ всѣ государства „къ подножію его" (слова Александрійскаго патр.). На Востокѣ сложился на эту тему цѣлый рядъ сказаній о Царьградѣ, тамъ слѣдили за историческими событіями въ Россіи, стараясь подмѣтить признаки приближающагося освобожденія отъ ига невѣрныхъ. Турки считали, что ихъ „срокъ отходитъ", что „то время доходитъ, когда сядетъ въ Царьградѣ отъ сѣверныя страны, отъ народа русскаго". Какъ чутки и воспріимчивы были греки, турки, русскіе, какъ они во всемъ готовы были видѣть грядущее исполненіе пророчества о возстановленіи креста на св. Софіи, говорятъ многіе эпизоды: напр., слышанный благовѣстъ въ мечети св. Софіи знаменовалъ по словамъ турка, „что нашему государству быти во благочестіи".

Независимо отъ такого сложившагося на Востокѣ взгляда на значеніе русскаго государства, сама Русь выяснила себѣ свое новое положеніе. Стоя на почвѣ ученія объ единой вселенской имперіи, о второмъ Римѣ—Византіи, смѣнившемъ древній Римъ, о богоизбранности народовъ, о томъ, что церковь и царство нераздѣльны, что можетъ быть только одинъ царь во вселенной, московскіе публицисты и московское правительство должны были разрѣшить поставленный самою жизнью вопросъ: гдѣ же центръ православія, когда палъ второй Римъ—Византія и даже помутилась чистота его правовѣрія? Отвѣтъ давался самою жизнью, исторической обстановкой, но нельзя не отдать должнаго русскимъ мыслителямъ и публицистамъ—они великолѣпно справились со своей задачей формулировать и обосновать поправку къ политической теоріи Востока. Получилась классическая формула инока Филоѳея: „два Рима падоша, третій стоитъ, а четвертому не быть"; Москва—третій Римъ объединила всѣ христіанскіе народы; ея государь — хранитель и покровитель православія; русскій народъ—новый Израиль. Литература XV—XVI вв. даетъ обширный и интересный матеріалъ по постепенному развитію, формулировкѣ, обоснованію и реальнымъ доказательствамъ этого положенія. Изъ этого политическаго ученія вытекали задачи національныя и государственныя, и надо сознаться, что эти задачи отличались широтой своей идеологіи.

Внѣшній видъ монастыря Св. Екатерины на Синаѣ.

Однако одной литературной формулировкой ученія о Москвѣ—третьемъ Римѣ не ограничивалась жизнь Россіи и Востока.

Мы видимъ рядъ фактовъ и цѣлую политическую систему, въ которой реализировалась и осуществлялась указанная наша идея. Безконечная переписка, частыя посылки на востокъ и пріѣзды оттуда въ Москву, дѣятельность восточныхъ патріарховъ на пользу русскаго государства, взаимный интересъ къ политическимъ событіямъ—даютъ внушительную картину. Въ общей сложности количество милостыни т. е. дачи на нужды эпархій и личныхъ дачъ пріѣзжавшему духовенству и частнымъ лицамъ составляетъ громадныя суммы, напр., за одинъ годъ (1593) съ Трифономъ Коробейникомъ было послано въ Царьградъ, Александрію, Антіохію, Іерусалимъ, на Синайскую гору—5564 золотыхъ венгерскихъ и восемь сорокъ соболей. Множество церквей, монастырей поддерживалось, строилось вновь и украшалось по всѣмъ

угламъ Греціи, Палестины, Аѳона, Балканскаго полуострова, Кавказа. Всѣ они снабжались утварью, одеждой, иконами, книгами; духовенство получало помощь. Отъ Царьградской патріархіи до бѣднаго захолустья Греціи и Кавказа сохраняются слѣды этихъ попеченій русскаго правительства и братской любви русскаго народа. Трудно исчислить первостепенныхъ архіереевъ греческихъ, сербскихъ, молдавскихъ, грузинскихъ, настоятелей различныхъ обителей аѳонскихъ, синайскихъ, морейскихъ, анатолійскихъ, славянскихъ, сирійскихъ, которые пріѣзжали въ Россію—особенно со времени царя Іоанна Васильевича.

Но роль русскаго государства не ограничивалась одной милостыней, да и не надо слишкомъ односторонне смотрѣть на нее, какъ на помощь только матеріальную. Къ щедрой милостынѣ присоединялось заступничество, вмѣшательство дипломатическимъ путемъ, и благодаря такой поддержкѣ духовной и матеріальной, крѣпла взаимная связь. При всякомъ удобномъ случаѣ московское правительство заявляло о своихъ обязанностяхъ и правахъ и стремилось неуклонно слѣдить за жизнью православнаго востока. Одна переписка по дѣламъ св. Гроба лучшее тому доказательство. Имѣя деспота латинской вѣры, сербскіе монахи просили московскаго государя принять монастырь подъ свою защиту, и самъ деспотъ Іоаннъ счелъ естественнымъ передать монастырь подъ ктиторство московскаго царя. Поставленіе съ согласія іерусалимскаго патріарха соборомъ русскихъ архіереевъ митрополита въ Кесарію Филиппову—знаменательно, какъ указаніе на то, что идея вселенскаго церковнаго единенія сознавалась и поддерживалась. Состояніе просвѣщенія озабочивало русскихъ государей, и долго смотрѣли они на грековъ, какъ на источникъ знанія, такъ, напримѣръ, Василій Іоанновичъ просилъ къ себѣ изъ Ватопедскаго монастыря старца Савву, какъ переводчика и книжника; вмѣсто Саввы былъ присланъ въ Москву Максимъ грекъ. Кромѣ этого замѣчательнаго ученаго писателя, многіе выдающіеся умы поработали на пользу Руси. Въ смутное время жилъ и трудился на пользу русской паствы архіепископъ Елассоны Арсеній, скончавшійся епископомъ суздальскимъ. Его любопытные и исполненные пониманія и любви къ русскому народу мемуары—памятникъ общенія и тѣсной связи Москвы и Востока. Не менѣе важно описаніе путешествія патріарха антіохійскаго Макарія.

Но особенно ярко сказалось сознаніе вселенской идеи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. И самъ царь и цѣлый рядъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, окружавшихъ его, являлись убѣжденными грекофилами. Это грекофильство покоилось на стремленіи достичь полнаго церковнаго единства и, несмотря на расколъ и печальныя событія за нимъ послѣдовавшія, увѣренность Тишайшаго царя въ правотѣ своей идеологіи не поколебалась. Однако, было на Москвѣ и другое теченіе. Русскіе книжники не прочь были подобно Арсенію Суханову заводить пренія о вѣрѣ, и эти пренія вызывали большую тревогу среди восточныхъ іерарховъ. Но къ концу XVII в. русскіе люди не только сомнѣвались въ чистотѣ православія у грековъ, но и разочаровались въ состояніи ихъ просвѣщенія. Греки не были въ силахъ оказать Руси поддержку въ стремленіи ея къ свѣту знанія, и тѣмъ помогли усилиться западному вліянію. Этимъ отчасти объясняется затемненіе идеи вселенскаго единства въ Россіи и на Востокѣ въ XVIII и XIX вв., т. е. какъ разъ въ то время, когда Россія начала активную восточную политику.

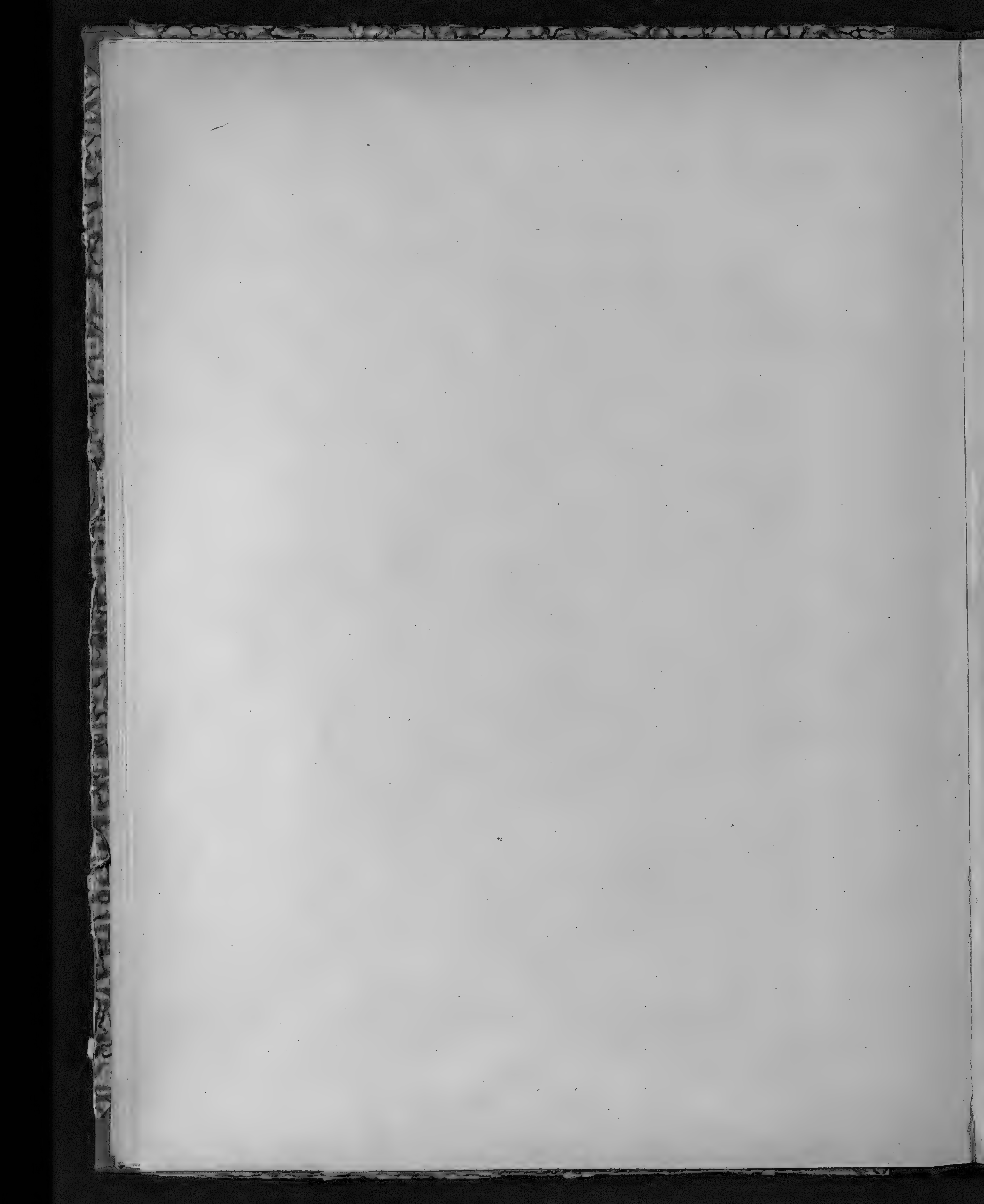
Усиленіе Россіи, измѣнившаяся политическая обстановка выдвигала все болѣе и болѣе на первый планъ вопросъ объ освобожденіи Россіей православныхъ народовъ Востока, объ изгнаніи турокъ изъ Европы. Для ускоренія этого событія восточные іерархи помогали русскому правительству: вплоть до XVIII в. греческіе іерархи являлись агентами московскаго правительства, замѣняя позднѣйшихъ представителей дипломатіи, и держали послѣднее прекрасно освѣдомленнымъ обо всѣхъ восточныхъ дѣлахъ. Они внимательно и съ безпокойствомъ слѣдили за событіями смутнаго времени и они же не мало способствовали присоединенію Малороссіи, дѣйствуя въ соотвѣтствующемъ духѣ на Богдана Хмельницкаго.

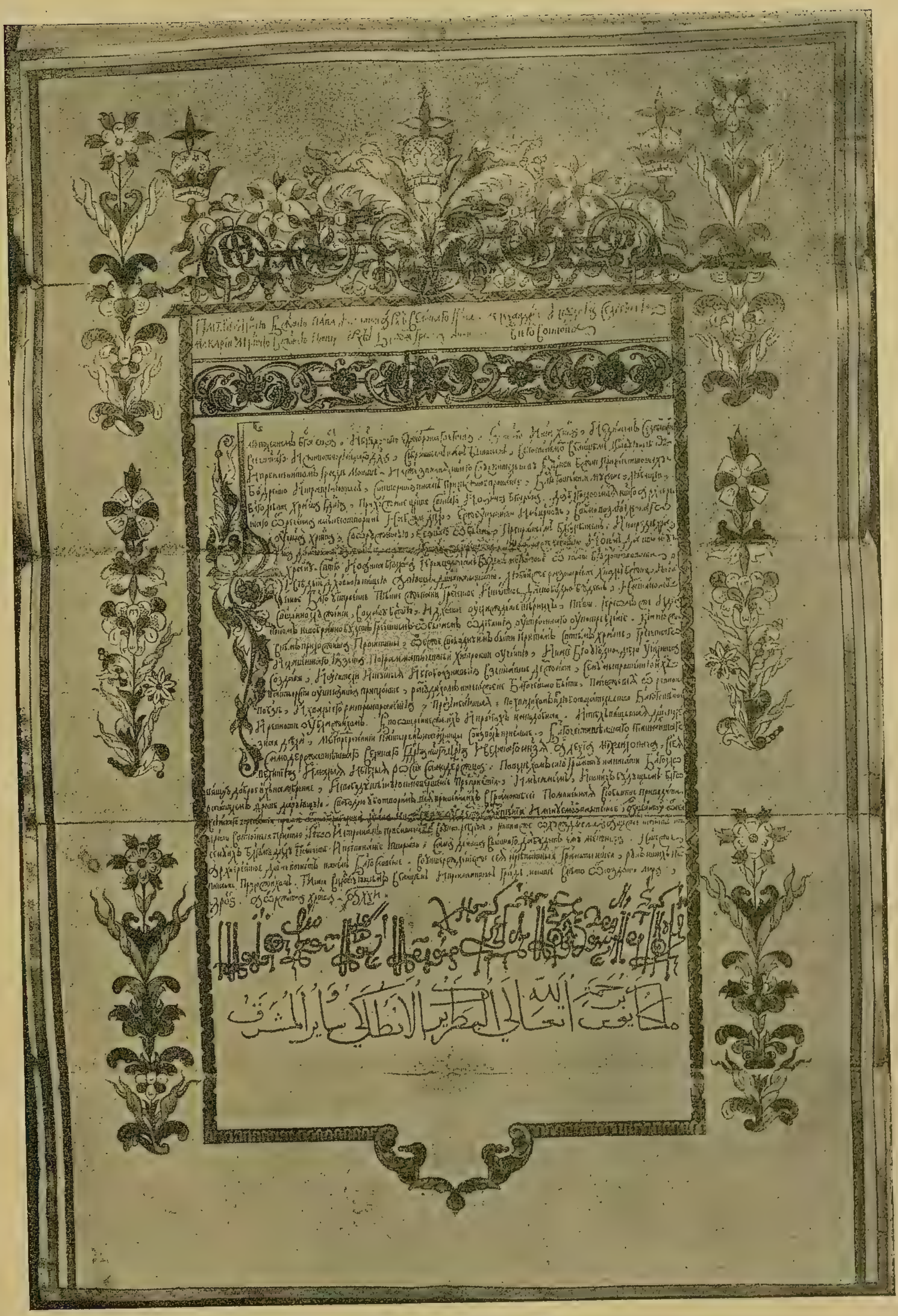

Соборъ Св. Софіи въ Константинополѣ.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію".

[illegible] А. И. МАМОНТОВА. Москва.

Грамота восточныхъ патріарховъ отъ 1668 г., разрѣшающая введеніе партеснаго пѣнія въ русской церкви, съ арабской подписью Макарія, патріарха антіохійскаго.

Объ изгнаніи турокъ пламенно мечталъ царь Алексѣй Михайловичъ, о чемъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ слова его: „Молю Бога, прежде чѣмъ умру видѣть его (патр. антіох. Макарія) въ числѣ четырехъ патріарховъ служащимъ во святой Софіи и нашего патріарха пятымъ вмѣстѣ съ ними", говорилъ онъ и далѣе: „мое сердце сокрушается о порабощеніи бѣдныхъ людей, которые находятся во власти враговъ вѣры... Богъ взыщетъ съ меня въ день суда, ибо, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегаю этимъ". Восточные патріархи не остались въ долгу передъ Алексѣемъ Михайловичемъ и на его рѣчи отвѣчали: „да сподобитъ васъ Господь воспріять превысочайшій престолъ великаго царя Константина", а „великому государю патріарху московскому Никону освящати соборную апостольскую церковь Софѣю". Дѣти Тишайшаго царя стали приводить въ исполненіе мечту отца: они взялись за оружіе. Царевна Софья двинула полки въ Крымъ, а Великій Петръ, чертившій юношескою еще рукою низверженіе полумѣсяца и возстановленіе Креста, пошелъ подъ Азовъ, а позднѣе переступилъ въ предѣлы Прута. Неудача Прутскаго похода не ослабила того громаднаго впечатлѣнія, какое произвелъ на Востокѣ переходъ Россіи отъ идеологіи къ практикѣ въ разрѣшеніи вѣкового вопроса борьбы съ Исламомъ. И, конечно, именно Петру, какъ царю кипучей дѣятельности, суждено было положить начало новой политикѣ Россіи. XVIII и XIX вв. знаютъ съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ войнъ, которыя вызываются угнетеніемъ православія порабощенныхъ народовъ со стороны Турціи и пробужденіемъ національнаго сознанія въ этихъ народахъ.

Но если русское оружіе и было побѣдоноснымъ, если русскій народъ проливалъ свою кровь въ XVIII и XIX вв. вплоть до Царя Освободителя и до нашихъ дней, то русское правительство не всегда было на высотѣ своей задачи и ясность политической идеи, пониманіе интересовъ Россіи на Востокѣ затемнялись и все болѣе и болѣе отрывались отъ традицій національно-церковныхъ. Блестящій греческій проектъ Екатерининскаго времени грандіозенъ, но является утопіей и страдаетъ незнаніемъ реальныхъ и историческихъ отношеній между народами Востока. Нечего и говорить про Александра I, принесшаго въ жертву утопіи Священнаго Союза исконныя русскія области. Само русское общество, отвлеченное другими интересами, забыло о томъ, надъ чѣмъ работала мысль предковъ. Но, въ концѣ концовъ, работа русскихъ мыслителей, историковъ, публицистовъ и, отчасти богослововъ XIX в. напомнила и старалась выяснить русскому обществу его національныя и государственныя задачи, а историческія условія XVIII и XIX вв., поставившія Россію въ число великихъ державъ, возложили на нее соотвѣтствующія ея значенію и ея традиціямъ задачи, о которыхъ неуклонно напоминалъ и самъ Востокъ.

Господство мусульманъ было не единственнымъ бѣдствіемъ христіанскаго Востока. Не меньшей угрозой для его самобытности являлись притязанія западно-европейскаго міра, существеннымъ образомъ затруднявшія и осложнявшія задачи Россіи. Папскій Римъ и великія державы Запада тоже считали Востокъ входящимъ въ сферу ихъ жизненныхъ интересовъ —для перваго даже и не могло существовать вопроса о независимости восточныхъ церквей; подчиненіе православныхъ патріархатовъ, несторіанъ, монофиситовъ требовалось самымъ существомъ римской церковной идеи и должно было быть осуществлено во что бы то ни стало какими угодно средствами, какъ религіозными, такъ и политическими, опираясь на государства, въ данное время особенно могущественныя и заинтересованныя въ восточной политикѣ. Таковымъ государствомъ издавна была возлюбленная дщерь папскаго престола—Франція, и по религіознымъ и по политическимъ мотивамъ. Со временъ Крестовыхъ походовъ прозвучало на Востокѣ слово „Франкъ", какъ общее имя западноевропейца, и Франція начала считать святыя мѣста Востока своимъ исконнымъ достояніемъ. Гоненія на православіе въ пресловутомъ Іерусалимскомъ королевствѣ и въ другихъ владѣніяхъ крестоносцевъ были таковы, что православные сирійскіе, палестинскіе и кипрскіе христіане скоро начали сожалѣть о томъ времени, когда они жили подъ управленіемъ мусульманъ. Но и удаленіе крестоносцевъ и латинянъ

лишь отсрочило возобновленіе назойливой истребительной римской пропаганды. Уже въ началѣ XIV в. появляются въ Іерусалимѣ францисканцы и доминиканцы; первые были назначены папой охранять Св. Мѣста, и на почвѣ пріобрѣтенія послѣднихъ началась ихъ непрекращающаяся до сихъ поръ борьба съ православными. Унія маронитовъ съ Римомъ, превратившая этихъ моноѳелитовъ во „Французовъ Ливана“ дала папству новый опорный пунктъ на Востокѣ, а дипломатическія связи Франціи съ Портой дали латинству и уніи могущественнаго покровителя въ лицѣ французскаго короля, права котораго были скрѣплены договорами, въ то время, какъ русское вліяніе, на которое уповали православные, не опиралось на оффиціальные документы. Въ XVII в. дѣло дошло до того, что латиняне, при содѣйствіи Франціи, отняли, правда на время, у православныхъ Св. Мѣста. Въ слѣдующемъ столѣтіи достигла огромнаго развитія пропаганда въ Сиріи и проникла въ Египетъ... „Намѣренія папы клонились къ обладанію тремя престолами патріаршими—антіохійскимъ, александрійскимъ, іерусалимскимъ, а за ними и константинопольскимъ, чтобы, возобладавъ ими, можно было подчинить всѣ христіанскіе народы

Іерусалимъ съ Элеона.

Оттоманской имперіи французскому и „папійскому“ дворамъ, ибо первый имѣетъ желаніе утвердиться судьей надъ всѣмъ свѣтомъ, а второй хочетъ имѣть полную власть надъ всѣми церквами. Для сего же предпріятія оба тѣ двора щедрою рукой одарили турокъ, чтобы позволили производить на тѣ христіанскіе народы таковыя гоненія, подъ разными хитрыми „подлогами“, будто то касалось къ пользѣ Порты Оттоманской, ибо всѣ тѣ христіанскіе народы, перемѣнивши свой законъ, сдѣлались бы вѣрными оной Портѣ и непріятелями Россійской Имперіи, къ которой Порта чувствуетъ величайшій страхъ“. Такъ писалъ о „Турецкихъ дѣлахъ“ въ 1752 г. „по приказанію коллегіи иностранныхъ дѣлъ“ переводчикъ Н. Буйдій, въ то время, какъ доблестный александрійскій патріархъ Матѳей доводилъ до свѣдѣнія Елисаветы Петровны о посягательствахъ „люциферовой папской гордыни“ на православные патріархаты и пересылаетъ ей письмо абиссинскаго царя Іасу II, который, вѣроятно подъ вліяніемъ окружавшихъ его грековъ, стремился къ единенію съ православной церковью. Патріархъ Матѳей предоставлялъ русской императрицѣ честь совершенія этого богоугоднаго дѣла, полагая, что оно подъ силу только могущественнымъ государямъ. Въ это время Іасу II, благодаря счастли-

вымъ войнамъ, подошелъ къ границамъ Египта; патріархъ видѣлъ въ немъ избавителя христіанъ отъ иновѣрнаго ига; союзъ между нимъ, въ случаѣ его присоединенія къ православію, и Русской имперіей, послужилъ бы „и къ сметенію европскихъ папистовъ и прочихъ еретиковъ, ежебы доставило великую славу имени всего православія“...[1]) Конечно, такіе грандіозные проекты въ то время были неосуществимы, но Россію давно звали аналогичныя обстоятельства въ странахъ, куда ея вліяніе проникло уже много времени тому назадъ. Въ XVII—XVIII вв. положеніе кавказскихъ христіанъ[2]) было особенно тягостно. Персидское правительство, изобрѣтательное въ дѣлѣ совращенія въ исламъ, относилось благосклонно и къ латинской пропагандѣ, которая и сюда явилось по торному пути, проложенному въ Киликію, также во времена Крестовыхъ походовъ. Южные армяне уже давно были оріентированы на Западъ и ждали отъ Франковъ избавленія отъ мусульманъ. Миссіонеры являлись съ рекомендательными письмами отъ своихъ правительствъ, особенно французскаго, и требовали отъ шаха признанія православныхъ, несторіанъ и монофиситовъ отступниками, самое существованіе которыхъ оскорбительно для его друзей—западно-европейскихъ монарховъ. Людовикъ XIV рекомендовалъ шаху іезуитскія учрежденія и школы въ Шемахѣ и Эривани; онъ просилъ оказать „справедливость“ совратившимся въ латинство армянамъ изданіемъ закона, по которому упорствующіе въ „ереси“ лишались бы права наслѣдованія въ своихъ семьяхъ и т. п. Измѣнившіе вѣрѣ отцовъ всегда оказывались въ привилегированномъ положеніи, ибо подобныя настойчивыя письма оказывали дѣйствія на шаховъ, дорожившихъ связями съ Европой. Въ это-то время и писали армянскіе князья-мелики Великому Петру: „У насъ издавна была надежда на основаніи святыхъ писаній и преданій предковъ, что чрезъ тебя должна наступить намъ помощь, освобожденіе нашей страны и всѣхъ христіанъ“. Мы знаемъ, какъ отвѣтилъ на это Петръ. Его слова были: „Намъ нельзя, по христіанству, отказать въ покровительствѣ христіанамъ“ – его дѣла: персидскій походъ, экспедиція Шипова и расширеніе Россіи до мѣста слiянія Куры и Аракса. Начались сношенія съ Эчміадзиномъ (въ 1709 г. грамота католикоса Александра съ благословеніями Петру за его любовь къ армянскому народу).

Соборъ въ Эчміадзинѣ.

Традиціонная поддержка Турціи Франціей продолжалась въ теченіе всего XVIII в., вплоть до египетскаго похода Наполеона. Ни Петру, ни Елисаветѣ не удалось добиться прочнаго улучшенія франко-русскихъ отношеній, и въ нашихъ славныхъ войнахъ съ Турціей и Персіей, принесшихъ столько блага восточному христіанству, мы видѣли Людовика XV на сторонѣ нашихъ исконныхъ враговъ. Но и послѣ смерти этого короля, еще въ 1783 г. графъ де-Верженнъ задумывался надъ вмѣшательствомъ Франціи для поддержанія Турціи противъ Екатерины II и изъятія Крыма изъ подъ русскаго владычества. Но поддержка Франціи уже не могла существеннымъ образомъ повліять на судьбу Турціи, которая, благодаря внутреннимъ настро-

[1]) См. Харламповичъ.—Изъ исторіи церковной взаимности въ XVIII ст. Журн. Мин. Нар. Просв. 1910, 9, 60—92.

[2]) Армяно-грузинскія дѣла по слѣд. трудамъ: Эзовъ.—Сношенія Петра В. съ армянскимъ народомъ. СПБ. 1898. Начало сношеній Эчміадзинскаго престола съ русскимъ правительствомъ. „Кавказ. Вѣстн.“ 1901, 10. Бѣлокуровъ.—Сношенія Россіи съ Кавказомъ. М. 1889. Н. Я. Марръ.—Кавказскій культурный міръ и Арменія. Журн. М. Нар. Просв. 1915.

еніямъ и русскимъ побѣдамъ, пришла въ полный упадокъ. Появленіе чесменскаго флота у береговъ Сиріи, въ связи съ вторженіемъ египетскихъ мамелюковъ, едва не повело къ отторженію этой страны отъ турецкой имперіи. Христіане Кавказа въ это время стали къ Россіи въ еще болѣе тѣсныя отношенія. Ираклій, царь Грузіи, и Соломонъ, царь Имеретіи, были нашими усердными союзниками въ войнѣ съ Турціей, несмотря на внутреннія смуты, раздоры и набѣги лезгинъ. Послѣдніе заставили Ираклія просить принять его подъ верховную власть Русской державы, и 24 іюля того же 1783 года былъ подписанъ объ этомъ трактатъ, а 3-го ноября въ Тифлисъ вступило русское войско. Тогда и угнетенные подданные Шушинскаго хана, армянскіе мелики, отправили депутатовъ въ Россію съ просьбой объ избавленіи отъ мусульманскаго ига. Дѣло объ этомъ было поручено Потемкину, который находился въ дружбѣ съ достойнымъ іерархомъ армянъ, обитавшихъ въ Россіи, епископомъ Іосифомъ, изъ князей Аргутинскихъ-Долгоруковыхъ, и относился съ любовью къ армянамъ. Еп. Іосифъ, въ отвѣтъ на запросы Потемкина о прошломъ и настоящемъ Арменіи, представилъ ему обстоятельную докладную записку, и въ 1796 г. былъ предпринятъ персидскій походъ, который онъ сопровождалъ, при чемъ оказалъ Россіи существенныя услуги. Къ сожалѣнію, удачно начатый походъ пришлось прервать вслѣдствіе начала войны съ Турціей. Ираклій и мелики, оставленные безъ русскихъ войскъ, были въ страшной опасности; 12-го сентября 1796 г. Ага-Мухаммедъ-ханъ взялъ и разгромилъ беззащитный Тифлисъ. Чрезъ полгода состоялся новый персидскій походъ графа Зубова, лелѣявшаго новые грандіозные и несбыточные планы разгрома Турціи. Епископъ Іосифъ сопровождалъ и этотъ походъ, также не доведенный до конца; смерть Екатерины повела за собой немедленное отозваніе русскихъ войскъ императоромъ Павломъ I.

Оффиціальная Россія долго держалась въ сторонѣ, когда пробилъ часъ для новаго пробужденія эллинскаго народа. Великая героическая борьба, возгорѣвшаяся въ 1821 г., была неравной, велась греками при колоссальномъ напряженіи силъ, стоила имъ множества дорогихъ жизней и сопровождалась страшными опустошеніями и разрушеніями. До самаго 1826 г. наше сочувствіе къ единовѣрному народу выразилось только въ торжественномъ погребеніи въ Одессѣ мученически скончавшагося патріарха Григорія V и въ ультиматумѣ турецкому правительству, неполученіе отвѣта на который повлекло къ разрыву 27-го іюля 1821 г. дипломатическихъ сношеній. Интриги Австріи заставили Александра I отказаться отъ активнаго выступленія, которое состоялось только по его смерти, на этотъ разъ въ союзѣ съ Франціей и Англіей. Такъ впервые у великаго дѣла освобожденія потомковъ создателей двухъ великихъ эпохъ человѣческой цивилизаціи объединились народы, въ наши дни отстаивающіе европейскую цивилизацію. Война Россіи съ Турціей, закончившаяся въ день Воздвиженія, 14-го сентября 1829 г. Адріанопольскимъ миромъ, была настоящей побѣдой Креста надъ полумѣсяцемъ. Эллада стала свободной, Россія признана покровительницей христіанъ на Востокѣ, султанъ Махмудъ изъ гонителя христіанъ, наученый горькимъ опытомъ и побуждаемый чувствомъ личной признательности къ императору Николаю за его отношеніе во время исполненія различныхъ условій договора, сдѣлался ихъ покровителемъ: онъ сталъ на путь реформъ, имѣвшихъ конечной цѣлью даже уравненіе его христіанскихъ подданныхъ въ правахъ съ мусульманами. Хотя смерть (1839 г.) и помѣшала ему довести до конца свои начинанія, но старая фанатическая Турція все же должна была съ этого времени пойти на значительныя уступки, правда, не всегда приводившія къ цѣли. На Кавказѣ персидская война 1826—8 гг. и турецкая 1826—9 гг. велась съ нашей стороны опять при самоотверженномъ содѣйствіи со стороны армянъ. Паскевичъ писалъ: „Въ Баязетѣ армяне сражались въ рядахъ нашихъ солдатъ; въ Эрзерумѣ большая часть христіанскаго населенія вышла на срѣтеніе колоннамъ нашимъ со своимъ первосвященникомъ; въ Карсѣ изъ армянъ составленъ былъ батальонъ“. По миру мы получили ханства Эриванское и Нахичеванское, подойдя вплотную къ библейской горѣ Арарату и къ священнымъ мѣстамъ древнихъ культуръ. Ванское царство вошло частью

въ наши предѣлы, которые оказались въ недалекомъ разстояніи отъ древней Ниневіи... Присоединеніе Эчміадзина, возводящаго свои традиціи къ глубокой христіанской древности, расположеннаго среди остатковъ и воспоминаній урартійской, греческой, персидской, римской и византійской старины, обладающаго богатѣйшимъ собраніемъ рукописей, имѣло огромное значеніе для будущаго русской науки. Уже тогда великій А. Гумбольдтъ подалъ Нессельроде записку оріенталиста Сенъ-Мартена, заключавшую въ себѣ программу всесторонняго изученія Армнеіи. Среди армянъ всего міра—до отдаленной Индіи, прошла вѣсть о включеніи ихъ религіознаго центра въ предѣлы христіанской державы, и повсюду началось движеніе въ сторону переселенія цѣлыми семействами и общинами въ Россію.

Такимъ образомъ Россія включила въ себѣ двѣ страны Христіанскаго Востока, различныя по вѣроисповѣданію и языку, но близкія по культурѣ и историческимъ судьбамъ. Одновременно съ этимъ она снова, правда, на короткое время, получила протекторатъ надъ православными румынскими княжествами и была признана покровительницей всѣхъ христіанъ въ предѣлахъ Турціи. Зенитомъ нашего преобладанія на православномъ Востокѣ было заключеніе 26 іюня 1833 г. ункіаръ-искелесскаго договора, бывшее послѣдствіемъ вмѣшательства Россіи въ борьбу султана Махмуда съ египетскимъ Мохаммедомъ-Али.

Соборъ въ Мцхетѣ.

Наши западные соперники, оцѣнившіе ункіаръ-искелесскій договоръ, какъ превращеніе Турціи въ вассала Россіи, не могли остаться спокойными свидѣтелями новаго порядка вещей на Востокѣ, тѣмъ болѣе, что наша дипломатія не воспользовалась исключительно благопріятными условіями, созданными нашими побѣдами, для развитія и упроченія нашего преобладанія, Европа же воспользовалась первымъ случаемъ для его ослабленія. Разрывъ Порты съ египетскимъ пашой въ началѣ 1839 г. подалъ поводъ къ продолжительнымъ переговорамъ между великими державами, поведшимъ къ европейскому соглашенію по дѣламъ Востока. Лондонскія конвенціи 1840—1 гг. были предтечами трактатовъ парижскаго и берлинскаго, окончательно узаконившихъ европейскую опеку надъ Портой и лишившихъ Россію плодовъ ея вѣковой политики и свободы дѣйствій на Востокѣ.

Западная Европа для достиженія политическихъ цѣлей никогда не гнушается прибѣгать къ помощи религіи и науки. Возрожденная Александромъ I Пруссія была первой изъ пяти великихъ державъ, раздѣлившихъ съ Россіей протекторатъ надъ турецкими христіанами, которая послѣ 1840 года повела энергичное наступленіе на ближній Востокъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, нѣкогда вмѣстѣ съ отцомъ кланявшійся спасительницѣ своего государства Москвѣ съ террасы нынѣшняго Румянцевскаго музея, отправляетъ въ Египетъ знаменитую ученую экспедицію Лепсіуса, основываетъ Берлинскій египетскій музей, въ которомъ помѣщаетъ на стѣнѣ отъ своего имени іероглифическую надпись; онъ же, для противодѣйствія вліянію православной Россіи, заботится о насажденіи въ Св. Землѣ [1]) протестантской пропаганды. Воспользовавшись пріобрѣтеннымъ англійскимъ обществомъ для обращенія евреевъ участкомъ земли на вершинѣ Сіона и выстроеннымъ тамъ миссіонерскимъ учрежденіемъ, прусскій король рѣшилъ превратать его въ протестантское епископство, содержимое и покровительствуемое англійскимъ и прусскимъ правительствами, предназначенное превратиться со временемъ во вселенскій

[1]) Палестинскія дѣла по трудамъ: Порфирій, Книга Бытія Моск. Изд. Имп. Акад. Наукъ 1844—1902 г. Матеріалы для біографіи. СПБ. Изд. И. Акад. Н. 1910. Свящ. Титовъ, Преосв. Кириллъ Наумовъ, еп. Мелитопольскій. Кіевъ 1902. В. Н. Хитрово, Православіе въ Св. Землѣ. Правосл. Палест. Сборникъ, т. I. СПБ. 1881 Южаковъ, Четыре мѣсяца въ Бейрутѣ. Современникъ, 88, 335—74.

епископатъ протестантскаго міра и имѣющее одной изъ задачъ совращеніе православныхъ. Подъ давленіемъ обоихъ правительствъ, Турція, сначала было отнесшаяся къ этой затѣѣ отрицательно, была принуждена не только признать новаго „епископа“, паства котораго въ то время ограничивалась въ Іерусалимѣ только тремя семействами крещеныхъ евреевъ, но и дать, пока фактически не существовавшей протестантской общинѣ всѣ права самостоятельной духовной организаціи и м. пр. право безпрепятственно обращать въ протестантизмъ „райю“, т. е. христіанъ другихъ исповѣданій. Послѣднее пока, однако, не имѣло большого практическаго значенія. Союзъ на религіозной почвѣ пруссаковъ съ англичанами былъ непроченъ. Англикане неохотно и съ большимъ ограниченіемъ признавали лютеранъ единовѣрцами, смотрѣли на нихъ сверху внизъ и, стремясь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, къ единенію съ православной церковью, отрицательно относились къ пропагандѣ среди православныхъ Св. Земли. Англійское общественное мнѣніе рѣшительно осудило второго іерусалимскаго протестантскаго

Площадь Соломонова храма и Элеонская Гора.

„епископа“, ставленника Пруссіи, энергичнаго Самуила Гобата, дѣйствовавшаго раньше съ успѣхомъ въ Абиссиніи, когда онъ началъ пропаганду среди православныхъ. Но если первое выступленіе на Востокѣ воинствующей Пруссіи и не имѣло полнаго успѣха, все же съ этого времени количество нашихъ враговъ увеличилось, и въ жизнь восточнаго христіанства внесена была новая смута. Развращающее вліяніе соперничающихъ пропагандъ не замедлило принести свои пагубные плоды. „Мы торгуемъ вѣрою“ говоритъ преосв. Порфирій „написано на лбахъ“ палестинскихъ арабовъ. „Но кто написалъ тутъ слова эти? Католики и протестанты“. Римъ въ отвѣтъ на появленіе протестантскаго „епископа“ отвѣтилъ возстановленіемъ въ Іерусалимѣ латинскаго патріархата — и это было для Россіи и православія самымъ тяжелымъ послѣдствіемъ затѣи прусскаго короля. Въ 1846 г. прибылъ въ Іерусалимъ новый „патріархъ“ Іосифъ Валерга, способный и необычайно энергичный дѣятель, который, при поддержкѣ Наполеона III, объединилъ подъ своей властью всѣ латинскія учрежденія въ Св. Землѣ и достигъ огромныхъ успѣховъ въ дѣлѣ пропаганды папизма, дѣйствуя на взрослыхъ пышностью богослуженія и процессій, проповѣдью и благотворительностью, пріобрѣтая юныхъ адептовъ чрезъ большое количество прекрасно поставленныхъ школъ и общедоступныхъ книгъ. Борьба была неравная,

тѣмъ болѣе, что въ жизни самого Востока все болѣе обнаруживались язвы, которыя для него столь же опасны, какъ и внѣшніе религіозные и политическіе враги. Помимо матеріальнаго и духовнаго упадка, отсутствія просвѣщенія, иновѣрнаго гнета и т. п., разлагающее дѣйствіе имѣетъ національный антагонизмъ грековъ и туземцевъ и поведеніе греческаго, особенно высшаго духовенства. Со времени турецкаго завоеванія вселенскій престолъ получилъ исключительное преобладаніе, почти подчинивъ себѣ другіе патріархаты. Въ XVI в. (1534 г.) на іерусалимскомъ патріаршемъ престолѣ сидятъ греки, б. ч. ставленники Константинополя, которые до половины XIX в. проживали въ немъ, лишь изрѣдка заглядывая въ Палестину. Въ высшее духовенство и въ члены Святогробскаго братства доступъ туземцамъ былъ также закрытъ, равно какъ и къ образованію. Арабы считались бременемъ для патріархата, который не особенно безпокоило и расхищеніе ихъ иновѣрной пропагандой. Положеніе армянскаго патріархата нѣкоторыми изъ грековъ считалось почти что идеальнымъ—патріархъ безъ паствы, съ большими доходами, съ малыми расходами, безъ хлопотъ съ инородцами и безъ опасности контролирующаго русскаго вмѣшательства и заступничества за обездоленныхъ православныхъ. И эта эгоистическая политика нашла себѣ идейное обоснованіе въ томъ панэллинизмѣ, который все болѣе и болѣе разлагаетъ восточное христіанство. Великій народъ, создавшій двѣ великихъ культуры, просвѣтившій большую часть славянскаго міра, сохранившій православіе подъ многовѣковымъ гнетомъ ислама, конечно, даже въ лицѣ своихъ потомковъ въ Анатоліи, Мореѣ и на островахъ Архипелага, не можетъ не вызывать удивленія и уваженія. Но эти потомки, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, особенно послѣ образованія свободнаго королевства въ Элладѣ, признали себя избраннымъ народомъ; прочія восточныя націи—варвары, недостойные православія или лишь терпимыя, если онѣ, подобно русскимъ могутъ быть использованы, какъ чисто матеріальная сила, и то до тѣхъ поръ, пока она служитъ преуспѣянію эллинства. Софія и Палестина—исконное достояніе эллинизма; духовенство—его проводники; Россіи нѣтъ мѣста у святынь; всякое ея вмѣшательство—посягательство на священныя права грековъ. Конечно басня о варварствѣ русскихъ, повторяемая интеллигенціей вслѣдъ за западно-европейской печатью, не могла встрѣтить особенно благопріятной почвы у народа, который видѣлъ многихъ своихъ архіереевъ, получившихъ образованіе въ Россіи и находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ нами, но для панэллиниста образованная Россія пожалуй еще болѣе опасна, ибо многомилліонный, богатый, могучій и, ко всему этому культурный народъ является для немногочисленныхъ выродившихся эллиновъ соперниковъ во всѣхъ отношеніяхъ неравнымъ. На этой почвѣ у грековъ, особенно у „свободныхъ сыновъ свободный Эллады", развивается острое руссофобство; политическая жизнь возрожденной страны даетъ ей западно-европейскую оріентацію и почти выдѣляетъ ее изъ Христіанскаго Востока. Нѣкоторые изъ элладскихъ политиковъ додумались даже до союза съ Турціей противъ Россіи, а аѳинскіе ученые и богословы сознательно игнорируютъ русскую науку, превосходя въ этомъ отношеніи всѣхъ ученыхъ Западной Европы. Вполнѣ понятное увлеченіе „Великой Идеей" возсозданія Византійской имперіи въ ея наибольшемъ объемѣ является великой трагедіей Христіанскаго Востока, ставя другъ противъ друга „двѣ великія дщери вселенской церкви" (по выраженію одного виднаго греческаго іерарха) – Элладу и Россію... Но и Россія не была безупречна. Вселенское сознаніе, столь живое въ Москвѣ, почти погасло въ синодальный періодъ даже въ церковныхъ сферахъ, доказательствомъ чему служатъ программы нашихъ духовныхъ школъ и академій, гдѣ Христіанскому Востоку отведено мѣсто, совершенно не соотвѣтствующее нашей роли и значенію въ этомъ мірѣ. Навѣрное эти программы вызвали бы удивленіе любого западно-европейскаго богослова, привыкшаго наблюдать у себя иное отношеніе къ этому, болѣе далекому для него міру... Интересъ къ нему, вызываемый прежде всего политическими и экономическими причинами, повелъ давно къ учрежденію и спеціальныхъ каѳедръ языковъ, литературы и исторіи Христіанскаго Востока, къ появленію богатѣйшей литературы, спеціаль-

ныхъ органовъ и изданій, къ снаряженію экспедицій. Наша интеллигенція, расколовшаяся въ то время на западниковъ и славянофиловъ относилась къ Христіанскому Востоку или пренебрежительно или нѣсколько односторонне; объ интересѣ къ нему не могло быть и рѣчи; въ результатѣ получилось невѣжество именно тогда, когда историческія условія повелительно требовали отъ насъ широкаго знакомства и когда Западъ началъ употреблять всѣ усилія, чтобы это знакомство пріобрѣсти. Что касается нашей дипломатіи, то достаточно привести слова знаменитаго преосв. Порфирія Успенскаго, посвятившаго всю свою жизнь Христіанскому Востоку и испытавшаго на себѣ все, что ставила на этомъ пути современная ему русская дѣйствительность: „У грековъ есть замѣчательное преданіе о царѣ ихъ Львѣ Мудромъ. Оно гласитъ, что у него было дивное зеркало, въ которомъ онъ видѣлъ все, что дѣлается во всѣхъ иностранныхъ государствахъ и все, что надобно дѣлать съ ними. Понятно, что это за зеркало. Это умъ свѣтлый, сосредоточившій въ себѣ вѣрныя и многостороннія познанія объ этихъ государствахъ. Есть ли подобное зеркало въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ? Есть, но къ сожалѣнію, не цѣлое и, по мѣстамъ, тусклое. Ему недостаетъ той части, въ которую можно видѣть духовную силу разныхъ народовъ на Востокѣ, именно силу вѣры и ученій, подготовляющихъ тамъ событія за событіями... Этотъ недостатокъ поразителенъ. Спросить нашего дипломата, хоть главнаго, хоть подчиненнаго въ Петербургѣ или Царьградѣ, въ Бейрутѣ или Каирѣ... о вѣрѣ, ученіяхъ и политическомъ вѣсѣ Несторіанъ, Іаковитовъ, Коптовъ, Маронитовъ, Язydовъ, Курдовъ, Ансаріевъ, Друзовъ, и пожалѣешь о напрасной тратѣ своихъ вопросовъ... Въ нашихъ университетахъ и лицеяхъ... болѣе полувѣка преподается та же скелетная исторія церкви, которая читается и въ Духовныхъ Академіяхъ и Семинаріяхъ. А въ этой сказано, напр., что Марониты съ XIII в. исчезаютъ изъ виду человѣческаго рода, о Коптахъ же нѣтъ и помину... ...Наше дѣло на Востокѣ—дѣло вѣровое. Армяне, Іаковиты, Копты, уніаты увлекаются тяготѣніемъ къ нашей церкви, какъ планеты тяготѣютъ къ солнцу... Но мы темны для Востока! Мы нѣмы для Востока! Мы нѣмцы для Востока“!

Сіонскій соборъ въ Тифлисѣ.

Слова эти справедливы и могутъ быть отнесены не къ одной дипломатіи, а ко всему русскому обществу, не исключая церковныхъ сферъ. Хотя со временъ Порфирія, какъ мы увидимъ, многое измѣнилось къ лучшему, но нарисованная имъ картина еще долго была близка къ дѣйствительности, и плоды этого мы видимъ въ настоящее время, когда въ великой борьбѣ лучшихъ представителей трехъ вѣтвей христіанства противъ мнимо-христіанской Германіи, іезуитской Австріи и отброса православнаго міра—Болгаріи, сочувствіе къ намъ Христіанскаго Востока далеко не является рѣшительнымъ и всеобщимъ. Конечно, въ этомъ повинны и отдѣльныя тяжкія ошибки, каковы наша болгарская и критская политика, но особенно отношеніе къ Грузинской церкви, о которомъ приводимъ слова Акад. Н. Я. Марра: „Національный строй консервативныхъ устоевъ исторической Грузіи, именно церкви и дворянства, или совершенно разрушенъ или дезорганизованъ. Самодѣятельность вновь народившихся общественныхъ организацій грузинскаго народа и его просвѣтительныхъ учрежденій до сихъ поръ встрѣчала помѣху, шедшую на пользу или турокъ или другихъ зарубежныхъ народовъ. Обширныя, вѣками накоплявшіяся владѣнія и права грузинскаго народа на старомъ Аѳонѣ, въ Іерусалимѣ у

[1]) Александрійская Патріархія, 401—5. (Записка о возсоединеніи Коптовъ).

св. Гроба и вообще въ Палестинѣ, равно на Синаѣ ушли не только изъ рукъ грузинскаго народа, домогательство послѣднихъ представителей котораго на этихъ святыхъ мѣстахъ не были нами своевременно поддержаны, но и изъ рукъ русскаго народа... Наложено было veto и на посильныя попытки новыхъ грузинскихъ просвѣтительныхъ учрежденій пріобщить братьевъ по крови грузинъ-мусульманъ на родномъ имъ грузинскомъ языкѣ къ общерусскому просвѣщенію въ противовѣсъ турецкому. Этимъ veto мы безсознательно скрѣпили какъ бы офиціальной печатью отурченіе грузинскаго населенія въ Чорохскомъ бассейнѣ, въ частности и тамъ, въ Олтинскомъ округѣ, гдѣ на нашихъ глазахъ была создана турками база для движенія на Ардаганъ. Тѣмъ самымъ мы совершили нѣчто еще болѣе важное... Экономически Лазистанъ, безъ нашихъ усилій и нашего вѣдома, имѣетъ русскую оріентацію. Мы затормозили его культурную оріентацію на Россію, закрывъ естественный путь чрезъ родственный грузинскій народъ болѣе дѣйствительнаго сближенія въ просвѣщеніи съ нашимъ Кавказомъ, опять таки, безъ умысла въ интересахъ турецкаго просвѣщенія и турецкаго государства. Оно и организовало въ этой именно этнической средѣ сильную миссіонерскую школу муллъ для единокровныхъ грузинъ-мусульманъ въ нашихъ предѣлахъ и на нашихъ глазахъ по всей этой этнической полосѣ открывало себѣ путь для движенія своихъ военныхъ силъ къ намъ. Не поддержанный въ развитіи историческихъ устоевъ родной жизни, грузинскій народъ нашелъ благодарную почву для примѣненія воскресшей въ Россіи молодой національной энергіи въ демократическихъ слояхъ... какъ нераздѣльная часть Россіи (онъ) чувствуетъ себя особенно заинтересованнымъ во внутреннихъ преобразованіяхъ“.

Къ счастью, Россія никогда не оскудѣвала дѣятелями, хранившими вселенское сознаніе и понимавшими важность общенія съ Христіанскимъ Востокомъ, а потому ревностно изучавшими послѣдній. Къ числу такихъ лицъ принадлежали напр., К. Н. Леонтьевъ, филэллинъ, авторъ прекрасныхъ разсказовъ изъ жизни христіанъ въ Турціи, въ которыхъ онъ знакомилъ наше невѣжественное общество съ современными греками Крита и Эпира и высказывалъ иногда пророческія мысли, знаменитый архимандритъ, потомъ епископъ Порфирій Успенскій, начало дѣятельности котораго совпадаетъ со временемъ, когда упадокъ русскаго вліянія на Востокѣ послѣ 1841 г. сталъ замѣтенъ даже для нашихъ полуинородческихъ „сферъ“, а развитіе иновѣрныхъ пропагандъ начинало безпокоить даже нашъ оффиціальный церковный міръ. Изыскивались способы къ усиленію нашего вліянія. И вотъ, по мысли Порфирія, при содѣйствіи Нессельроде, въ 1847 г. учреждается въ Іерусалимѣ русская духовная миссія. Первые оффиціальные шаги русской церкви въ Св. Землѣ были робки, нерѣшительны и едва ли соотвѣтствовали роли и значенію Россіи. Въ то время, какъ другія государства имѣли здѣсь представителей изъ своего духовенства, архимандритъ Порфирій и его сотрудники должны были сохранять инкогнито и считаться простыми поклонниками. На содержаніе миссіи отпускались крайне ничтожныя средства, при широтѣ задачъ, которыя возлагала на миссію данная ей инструкція. Ей вмѣнялось въ обязанность „показать образецъ нашего благолѣпнаго богослуженія, мало-по-малу преобразовать греческое духовенство, возвысивъ его въ собственныхъ глазахъ, привлечь къ православію и утвердить въ ономъ мѣстные элементы, которые постоянно колеблются подъ вліяніемъ агентовъ разныхъ исповѣданій“. Несмотря, однако, на всѣ затрудненія и на недоброжелательство греческаго духовенства, дѣятельность Порфирія была весьма плодотворна. Онъ обратилъ вниманіе на туземцевъ, расположилъ патріархію открыть въ Іерусалимѣ эллиноарабское училище и богословскую школу при Крестномъ монастырѣ, настоялъ на устройствѣ типографіи для печатанія арабскихъ богослужебныхъ и назидательныхъ книгъ, обратилъ вниманіе на неприглядный бытъ русскихъ паломниковъ, возбудилъ вопросъ объ открытіи русской больницы и русскаго консульства въ Іерусалимѣ, энергично противодѣйствовалъ римской пропагандѣ Валерги. Онъ плодотворно занимался наукой и путешествовалъ не только по Палестинѣ и на Синаѣ, но и по Египту, гдѣ м. пр. посѣтилъ нынѣ находящіяся въ рукахъ коп-

товъ обители препод. Антонія Великаго и Павла Ѳивейскаго. Описанія его путешествія—настоящіе ученые труды, до сихъ поръ не потерявшіе значенія. Его дневники „Книга Бытія Моего"—обильный рудникъ драгоцѣнныхъ наблюденій и свѣдѣній, касающихся Христіанскаго Востока, до самой его южной периферіи—далекой Абиссиніи, которой онъ заинтересовался, услыхавъ на Синаѣ о тяжеломъ религіозномъ положеніи проживающихъ тамъ грековъ. Ему рисовалась картина Синая, какъ южнаго центра православія, къ которому должны были тяготѣть Аравія, Египетъ, Нубія и Абиссинія' и онъ въ 1851 г. написалъ въ этомъ смыслѣ письмо синайскому архіепископу Константію: „не даромъ она (Синайская обитель) стоитъ на рубежѣ Африки и Азіи—изъ нея со временемъ можетъ пролиться свѣтъ православія въ царство Абиссинское и Шовское, и въ страну Омиритскую... Нигдѣ, кромѣ сей обители, нѣтъ лучше мѣста для учрежденія училища благовѣстниковъ, долженствующихъ воскресить православіе въ Египтѣ, Нубіи, Абиссиніи и далѣе"... Конечно, это письмо не имѣло никакихъ послѣдствій. Порфирій даже предпринималъ собственные шаги для подготовки въ будущемъ миссіонеровъ въ Абиссинію; онъ писалъ нашему повѣренному въ дѣлахъ при Портѣ Озерову, жалуясь на равнодушіе Синая и высказывая замѣчательныя мысли о вселенскомъ центрѣ православія: „въ восточной церкви всякій мечтаетъ о благополучіи собственномъ въ тѣсныхъ предѣлахъ своего околотка, потому что нѣтъ въ ней средоточія братолюбивой дѣятельности міровой, потому что знаменитѣйшіе монастыри... помрачены невѣжествомъ, заражены собирательнымъ сребролюбіемъ... Такъ называемая великая церковь въ Цареградѣ должна быть великою не по званію только, но и на самомъ дѣлѣ"... Въ другомъ мѣстѣ онъ надѣется, что „Константинополь рано или поздно будетъ свободнымъ градомъ Божіимъ и мѣстомъ новаго постояннаго собора вселенскаго".

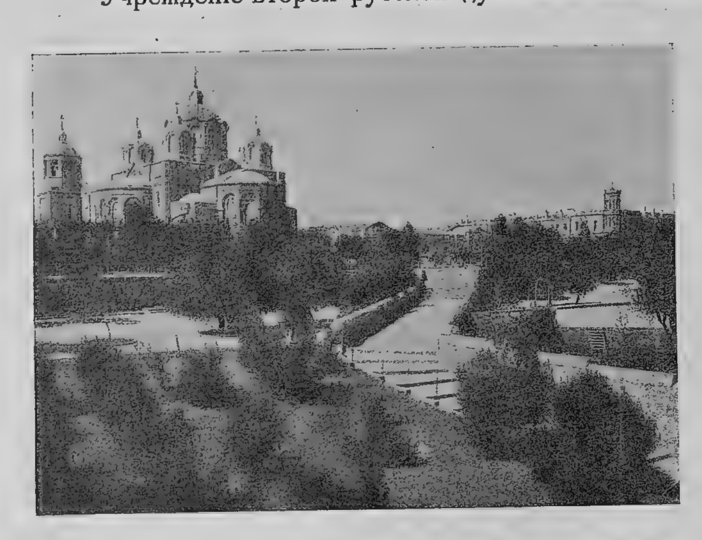
Преосвященный Порфирій Успенскій.

Таково было единственное истинно-православное рѣшеніе церковнаго вопроса. Къ сожалѣнію, по многимъ понятнымъ причинамъ, оно могло быть только теоретическимъ; объ осуществленіи его нельзя мечтать и въ наше время. Но Порфирію не удалось видѣть выполненія и многихъ болѣе скромныхъ плановъ своей широкой программы. Учредивъ миссію, наше правительство проявляло затѣмъ къ ней непонятное равнодушіе. Оно не нашло нужнымъ даже устроить для нея помѣщеніе на участкѣ, отведенномъ патріархіей и не обратило вниманія на предложеніе Порфирія учредить въ Іерусалимѣ русскую больницу. Когда началась Крымская война, прервавшая плодотворную дѣятельность Порфирія, о немъ совершенно забыли и миссія принуждена была существовать на счетъ патріархіи, пока австрійскій консулъ не сжалился надъ ней и не переправилъ ее въ Европу на австрійскомъ пароходѣ.

Крымская война была послѣдней попыткой правительства императора Николая I возстановить преобладаніе Россіи на ближнемъ Востокѣ. Въ ней мы имѣли противъ себя нашихъ нынѣшнихъ союзниковъ, близорукость тогдашней политики которыхъ сдѣлалась очевидна для нихъ самихъ только въ наши дни. Извѣстны всѣмъ поводъ къ этой героической нашей борьбы съ поддержаннымъ Англіей союзомъ ислама съ латинствомъ, извѣстны и ея результаты, заставившіе насъ отказаться отъ всякихъ преимуществъ въ покровительствѣ христіанскимъ подданнымъ султана и принудившіе насъ дѣйствовать сообща со всѣми другими европейскими державами не только въ Турціи, но и въ тѣсно связанной съ нами территоріально, религіозно и исторически Румыніи. Здѣсь русскій протекторатъ смѣнился тиранніей Кузы, объявившей войну исконной религіи народа и связямъ съ Востокомъ. Румынія была наканунѣ введенія уніи

и отпаденія отъ Христіанскаго Востока, и только благодаря самоотверженной дѣятельности епископовъ, братьевъ Скрибановъ. Филарета (воспитанника Кіевской духовной академіи, принявшаго имя въ честь митрополита московскаго) и Неофита, румынская церковь была сохранена.

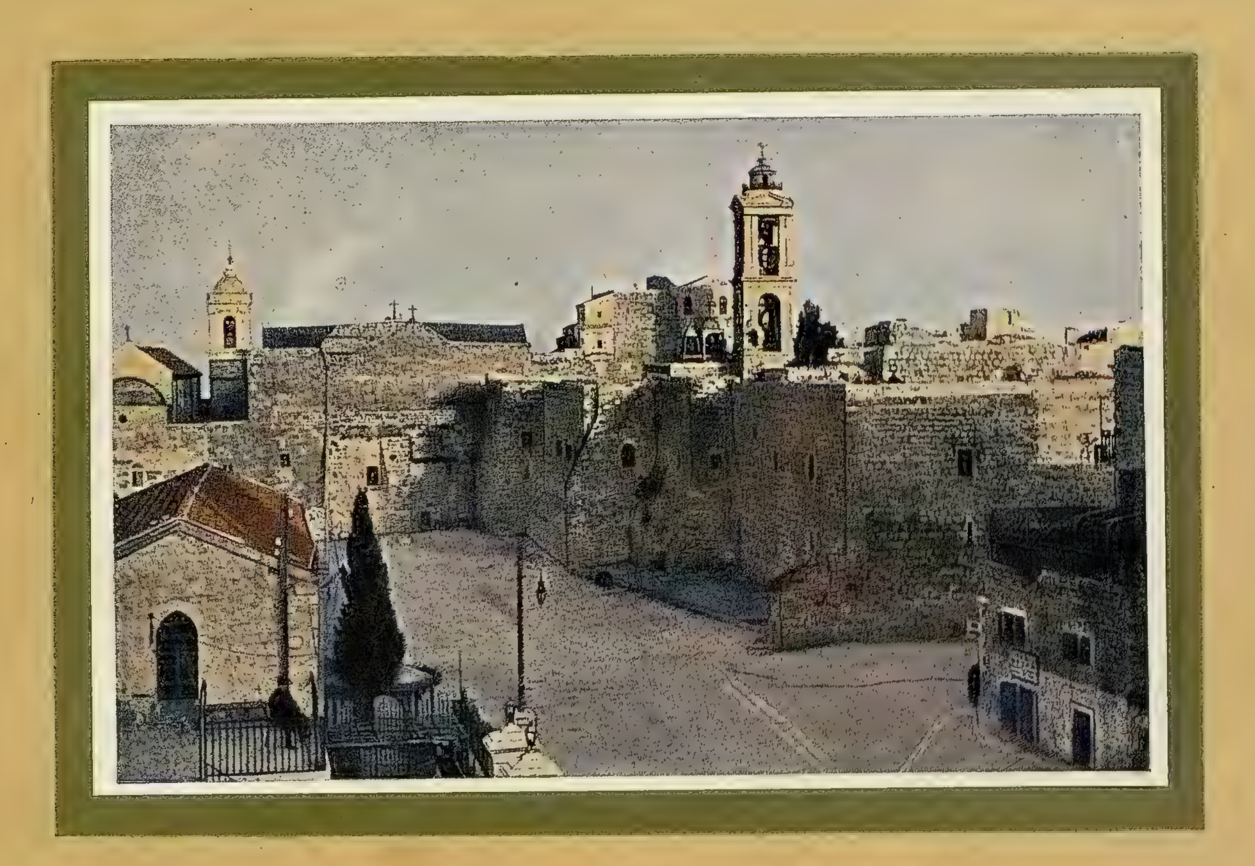
Учрежденіе второй русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, на этотъ разъ оффиціальной, было однимъ изъ средствъ улучшить создавшееся неблагопріятное положеніе. Но для подъема престижа было сочтено необходимымъ не ассигнованіе для миссіи достаточныхъ средствъ и не согласованность дѣйствій ея съ дипломатическими представителями Россіи, а едва ли оправдываемое съ канонической точки зрѣнія назначеніе ея начальникомъ не архимандрита, а епископа, съ широкой и громкой, но совершенно невыполнимой инструкціей. Начальникомъ миссіи былъ назначенъ не архим. Порфирій, а молодой инспекторъ Петроградской духовной Академіи, докторъ богословія Кириллъ Наумовъ, съ посвященіемъ въ епископы Мелитопольскіе. Несмотря на щекотливость своего положенія, незнакомство съ Востокомъ, на слабость здоровья и крайне неблагопріятныя политическія и матеріальныя условія, еп. Кириллъ, пріобрѣтя довѣріе и даже расположеніе греческаго духовенства, успѣлъ за шесть лѣтъ (1858—1864) сдѣлать много: содѣйствовалъ возсоединенію сирійскихъ уніатовъ, началъ дѣло присоединенія несторіанъ, привлекъ къ русской церкви симпатіи іерусалимскихъ абиссиновъ. Конецъ его плодотворной дѣятельности положили несогласія съ возникшимъ въ то время русскимъ же палестинскимъ комитетомъ для улучшенія быта русскихъ паломниковъ и интриги консула Карцева. Въ высшихъ сферахъ также находили возможнымъ, что отъ представителя русской церкви въ Св. Землѣ достаточно требовать „строгаго благочестія, умѣнія обращаться съ простымъ народомъ и опытности въ дѣлахъ монастырскаго хозяйства“, но отнюдь не „выспренней учености и умѣнія вынести условія общительности съ иностранцами, ни даже познанія греческаго и арабскаго языковъ“. Къ великому соблазну для иностранцевъ, на глазахъ у всѣхъ происходила неравная борьба представителей Россіи. „Со дня водворенія здѣсь русскаго епископа“, писалъ клерикальный французскій органъ, „происходитъ открытая, постоянная борьба между нимъ и разными консулами его народа . . и преосвященный Кириллъ изнемогаетъ. Бѣдный епископъ забылъ, что онъ не болѣе, какъ должностное лицо, подверженное смѣщенію“... Такъ смотрѣли дѣйствительно на дѣло и наши церковныя и правительственныя сферы, а апелляція оклеветаннаго іерарха къ канонамъ съ требованіемъ каноническаго суда, конечно только ухудшила его положеніе... Консулъ Карцевъ очень скоро выжилъ и его преемника, архимандрита Леонида, а при слѣдующемъ начальникѣ миссіи, знаменитомъ архимандритѣ Антонинѣ, упорная борьба вокругъ вопроса о томъ, является ли начальникъ духовной миссіи только настоятелемъ консульской церкви или, наоборотъ, консулъ—секретаремъ при духовной миссіи, едва не повела въ 1880 г. къ закрытію самой миссіи. Но Антонинъ выдержалъ эту борьбу одинъ, безъ поддержки и средствъ; онъ до самой своей смерти (1894 г.) съ честью поддерживалъ русское имя въ Св. Землѣ; онъ пріобрѣлъ цѣлый рядъ участковъ и мѣстностей, драгоцѣнныхъ по священнымъ воспоминаніямъ и по археологическому значенію, воздвигъ много русскихъ церквей и монастырей (напр. на вершинѣ Элеонской горы), развилъ широкую литературную и ученую дѣятельность, напоминая во многомъ своего старшаго современника, знаменитаго Порфирія Успенскаго.

Троицкій соборъ, Елизаветенское и Сергіевское подворья въ Іерусалимѣ.

Виѳлеемъ.

Монастырь Рождества Христова въ Виѳлеемѣ.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

Порфирій Успенскій между тѣмъ продолжалъ свою ученую дѣятельность, относясь м. пр. съ особеннымъ интересомъ къ африканскимъ христіанамъ—Александрійскому патріархату, коптамъ и абиссинамъ. О догматикѣ и литургикѣ коптовъ имъ была написана книга, въ которой давались впервые на русскомъ языкѣ болѣе или менѣе обстоятельныя и правильныя свѣдѣнія о нихъ, хотя авторъ нѣсколько погрѣшаетъ, смотря слишкомъ оптимистически на ихъ близость къ православію. Вопросу о связяхъ Россіи съ Абиссиніей имъ посвящена обширная, замѣчательная по широтѣ и захвату записка; исторія Абиссиніи и ея литургика впервые въ немъ увидали популяризатора въ Россіи. Въ 1858 году Св. Сѵнодъ далъ ему почетное и отвѣтственное порученіе „возобновить сношенія съ коптскимъ духовенствомъ". Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать: коптскій патріархъ Кириллъ былъ съ Порфиріемъ въ дружественныхъ отношеніяхъ; православный александрійскій патріархъ Калинникъ также относился, къ нимъ обоимъ хорошо и даже говорилъ Порфирію, что въ случаѣ присоединенія коптовъ, однако при условіи принятія обряда, онъ готовъ уступить Кириллу свою каѳедру! Но этому не суждено было осуществиться. 26-го декабря 1860 г. состоялось первое свиданіе патріарха Кирилла и египетскихъ армянъ съ Порфиріемъ, имѣвшее весьма сердечный характеръ; на другой день его торжественно встрѣтили въ коптской патріархіи, а 18-го января патріарха не стало—онъ неожиданно скончался, едва ли естественной смертью, къ великой скорби всѣхъ жаждавшихъ церковнаго единенія...

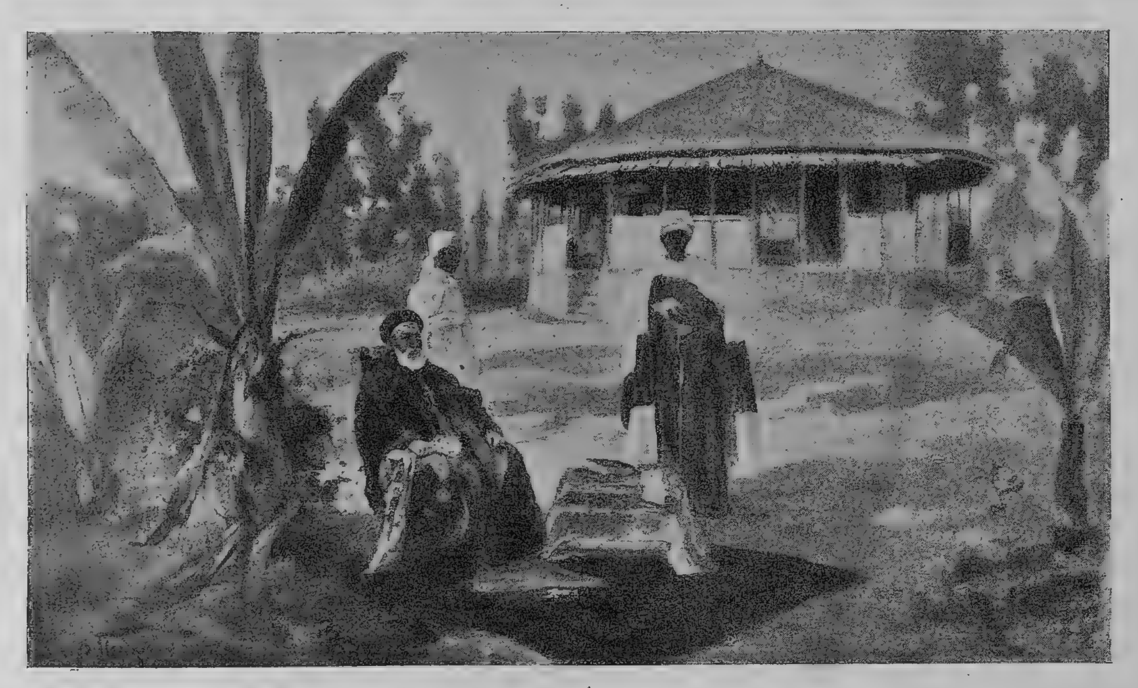
Въ этомъ же году Сѵнодъ рѣшилъ вступить въ сношенія и съ другими инославными христіанами. Слава русскихъ побѣдъ на Кавказѣ дошла до сиро-халдейскихъ несторіанъ „айсоровъ" Урміи, Арменіи и Курдистана, и они съ конца XVIII вѣка стали искать покровительства Россіи, а послѣ Персидской войны въ 1829 г. часть ихъ переселилась въ Россію и приняла православіе, остальные также изъявили желаніе присоединиться. Въ 1859 г. объ этомъ они просили начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ, еп. Кирилла, чрезъ своего священника Михаила. Преосв. Кириллъ, послѣ сношенія съ іерусалимскимъ патріархомъ, направилъ дѣло въ Св. Сѵнодъ, такъ какъ патріархъ призналъ, что въ случаѣ присоединенія, сиро-халдеи должны подлежать юрисдикціи Сѵнода, а не антіохійскаго патріарха. Въ 1861 г. Сѵнодъ послалъ для полученія точныхъ свѣдѣній на мѣстѣ архимандрита Софонію (впослѣдствіи архіепископа Туркестанскаго) давъ ему сложную инструкцію, въ которой лицу, неподготовленному къ дѣлу и уже на пути въ Эривань принявшемуся за изученіе сирійскаго языка, была поставлена задача не только ознакомиться съ догматической, литургической и исторической стороной дѣла, но и удостовѣриться въ томъ, что несчастный, ежегодно вырѣзываемый курдами и лишенный просвѣщенія народъ не соединяетъ съ присоединеніемъ къ православію какихъ либо политическихъ видовъ и матеріальныхъ чаяній; въ числѣ послѣднихъ упоминалось пособіе на устройство церквей и школъ (!). Однако архимандритъ Софонія съумѣлъ удачно исполнить данное ему порученіе, благодаря содѣйствію какъ нашего консула въ Тавризѣ, такъ и переселившихся въ Россію православныхъ айсорскихъ князей „меликовъ", которые даже ходили въ Урмію, чтобы узнать настроеніе въ центрѣ несторіанства. Выяснилось, что на присоединеніе согласно все духовенство и большая часть народа; дѣлу сочувствовалъ и самъ патріархъ. Софонія собралъ свѣдѣнія и объ инославныхъ пропагандахъ, которыя и здѣсь энергично дѣйствовали уже давно,

Видъ Карса.

имѣя въ виду прежде всего политическую цѣль—предупредить выступленіе Россіи. Софонія совѣтовалъ поторопиться съ окончаніемъ дѣла и присоединить несторіанъ не чрезъ муропомазаніе, а по одному акту. Но митрополитъ Филаретъ московскій сомнѣвался какъ въ искренности несторіанъ, такъ и въ возможности упрощеннаго ихъ присоединенія, и дѣло пока было отложено, а затѣмъ затормозилось вслѣдствіе войны на Кавказѣ и русско-турецкой войны 1877—8 годовъ.

Это была послѣдняя наша война съ Турціей за права восточнаго христіанства на существованіе. Всѣмъ памятенъ высокій подъемъ всего русскаго общества, благородно и безкорыстно несшаго дорогія жертвы на дѣло освобожденія единовѣрныхъ народовъ. Западная Европа и наша дипломатія и на этотъ разъ лишили ихъ значительной доли нашихъ побѣдъ, не допустивъ наши войска въ Царьградъ, отдавъ многострадальную Боснію и Герцеговину подъ еще болѣе тяжкое іезуитско-нѣмецкое иго, заставивъ насъ возвратить туркамъ часть завоеванной Арменіи и, вмѣсто § 16 Санъ-Стефанскаго договора, обезпечивавшаго реформы, даровавъ

Абиссинскій митрополитъ Матвей II. Съ картины худ. Полякова.

армянамъ пресловутый § 61 Берлинскаго трактата, представлявшій пустой звукъ и давшій Портѣ сигналъ къ систематической рѣзнѣ и истребленію этого народа, который и въ войнѣ 1877/8 года ревностно поддерживалъ наши войска.

На западѣ у насъ на пути къ Царьграду появились государства-буферы съ государями-нѣмцами и враждебной намъ и православію интеллигенціей, на Востокѣ наши пріобрѣтенія были ограничены областями Карсской и Батумской; вмѣстѣ съ первой изъ нихъ вошли въ наши предѣлы развалины древней армянской столицы Ани, изслѣдованіе которой русскими учеными уже привело къ богатымъ результатамъ для исторіи и археологіи христіанскаго Востока вообще. Вмѣстѣ съ новой частью армянскаго народа мы освободили и нѣкоторое количество грековъ,—эти области иногда входили въ составъ Византійской имперіи. Наши предѣлы еще ближе теперь подошли къ мѣстностямъ съ несторіанскимъ населеніемъ, которое снова начало слезныя просьбы о принятіи его на лоно православной церкви. Долго шли переговоры, переписка, командировки на мѣста, пока наконецъ въ день Благовѣщенія 1898 года въ Троицкомъ Соборѣ Александро-Невской Лавры не состоялось торжественное присоединеніе Іоны, епископа Супорганскаго и не началась дѣятельность въ Урміи новой русской миссіи, поддерживаемой русскимъ обществомъ въ лицѣ возникшаго тогда урмійскаго братства. Извѣстіе о

благопріятномъ разрѣшеніи урмійскаго вопроса дошло и до далекой Индіи, гдѣ архіепископъ „христіанъ Св. Ѳомы“ въ 1899 г. говорилъ одному русскому путешественнику въ Бомбеѣ, что съ православіемъ они знакомы по разсказамъ священниковъ Добровольнаго флота и что ими уже начато дѣло о присоединеніи. „А что“, спрашиваетъ авторъ, „если тамъ... посмотрятъ на желаніе Индусовъ такъ же холодно и недовѣрчиво, какъ холодна скованная льдомъ Нева, ими зададутся вопросомъ: „а что скажетъ Англія?“... Въ настоящую войну сама Урмія занята нашими войсками, равно какъ и мѣстности Турціи съ несторіанскимъ населеніемъ. Айсоры подобно армянамъ, доблестно сражались на нашей сторонѣ и подвергались, какъ и армяне, неслыханнымъ гоненіямъ со стороны турокъ. Ихъ верховный глава, „Маръ-Шимонъ“ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ нашими военными властями.

Проф. В. В. Болотовъ.

Конецъ истекшаго столѣтія видѣлъ также оживленіе нашихъ симпатій къ африканской странѣ христіанскаго міра—Абиссиніи. Эта единственная послѣ Россіи древняя восточная христіанская держава, опередившая насъ принятіемъ крещенія на пять вѣковъ и во многихъ отношеніяхъ имѣвшая судьбу, подобную нашей, представляя самый южный постъ христіанства, обуреваемый исламомъ и иновѣрнымъ эксплоатирующимъ Западомъ, подобно армянамъ и грекамъ пріурочиваетъ къ великому сѣверному христіанскому народу свои древнія пророчества и чаянія, нѣсколько напоминающія нашу формулу „третьяго Рима“ и заключающіяся частью въ ихъ высокопочитаемой книгѣ „Слава Царей“. Судя по тому, что передаютъ со словъ абиссиновъ русскіе путешественники, мѣсто Рима, ветхаго или новаго, какъ единственнаго равноправнаго Эѳіопіи царства, по этой книгѣ, теперь начала занимать Россія. Еще Пор-

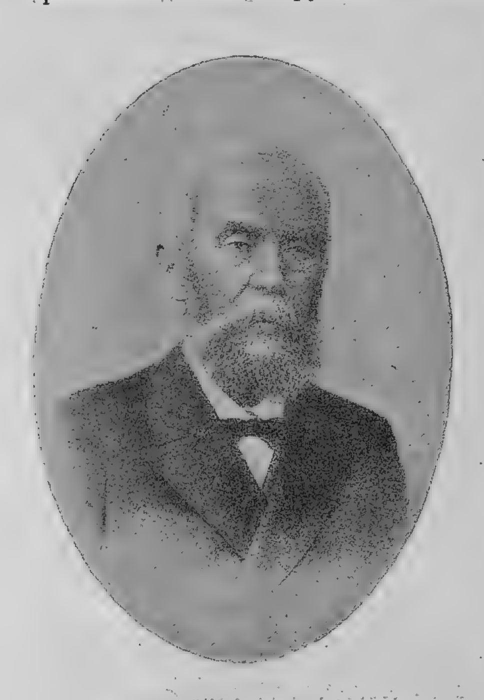
Ѻнъ же, воставъ, речетъ:

Вѣру православно-каѳолическую, юже нынѣ добровольнѣ исповѣдую, цѣлу и ненарушиму даже до конечнагѡ моегѡ издыханія, Бгу помогающу, твердѡ содержати, и запѡвѣди еѧ радѣтельнѡ и радостнѡ исполнѧти потщусѧ, соблюдаѧ въ непорочности, елико мощно, сердце мое. Во увѣреніе сегѡ моегѡ ѡбѣщанія цѣлую словеса и крестъ Спасителѧ моегѡ. Аминь.

Изъ чина присоединенія Несторіанъ съ экземпляра В. В. Болотова съ собственноручными его помѣтками на сирійскомъ языкѣ.

фирій слышалъ отъ іерусалимскихъ абиссинскихъ монаховъ, что „придетъ время, когда сынъ царя Россіи женится на дочери царя Абиссиніи, и тогда Россія вмѣстѣ съ Эѳіопіей овладѣетъ всѣмъ міромъ“. Булатовичъ, (нынѣ іеромонахъ Анатолій) передаетъ, что еще царю За-Денгелю было предсказано, что „царь съ сѣвера будетъ съ царемъ Эѳіопіи одна душа и одно сердце“ и что царю Сахла-Селасе ангелъ Уріилъ предрекъ встрѣчу въ Египтѣ царей сѣвернаго и эѳіопскаго

и раздѣлъ между ними всей земли. Все это—отголоски знаменитой книги, которые вспомнились, когда въ тяжелыя для Абиссиніи времена войны съ нашими нынѣшними союзниками—итальянцами съ далекаго сѣвера пришли русскіе „хакимы“—врачи отряда Краснаго Креста, когда Менеликъ и его народъ узнали о симпатіяхъ русскаго царя и народа и увидали, что прибывшіе къ нимъ русскіе интересуются не ихъ естественными богатствами, а исключительно своимъ святымъ дѣломъ и установленіемъ добрыхъ отношеній. „Вы христіане, и мы христіане... братья, ангелы“ твердилъ престарѣлый архимандритъ „ичеггэ“, первый послѣ митрополита представитель эѳіопской церкви. Мы не будемъ останавливаться на перечисленіи взаимныхъ посольствъ и сношеній между русскимъ и абиссинскимъ правительствами, между русской и эѳіопской церквами—все это было такъ недавно и у всѣхъ въ памяти, равно какъ и имена тѣхъ русскихъ людей, которыхъ судьба или идея забросила въ эти тропическія области, гдѣ имъ нерѣдко выпадала на долю крупная роль. Политическихъ послѣдствій, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, конечно нельзя ожидать отъ этихъ сношеній—единственная попытка обосноваться на Чермномъ морѣ, ашиновская „Новая Москва“, бывшая послѣднимъ эпизодомъ казачьей удали, приведшей насъ нѣкогда къ предгорьямъ Кавказа и Тихому Океану, встрѣтила энергичный отпоръ со стороны нашихъ же союзниковъ. Церковныя послѣдствія возможны, но мало вѣроятны, несомнѣнны и уже осязательны благотворныя послѣдствія ожи-вившихся сношеній съ Абиссиніей и другими странами Христіанскаго Востока для нашей науки.

Академикъ В. Г. Васильевскій.

Настоящимъ отцомъ русской **н а у к и** о Христіанскомъ Востокѣ слѣдуетъ считать преосв. Порфирія Успенскаго не только потому, что имъ написанъ рядъ замѣчательныхъ трудовъ, посвященныхъ большей части странъ и церквей этого міра, имъ же посѣщенныхъ, но и потому, что имъ собрано значительное количество греческихъ и восточныхъ рукописей, до сихъ поръ питающихъ нашихъ ученыхъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ и въ Музеѣ Кіевской Духовной Академіи. Какую бы отрасль этой науки, за исключеніемъ развѣ кавказовѣдѣнія, мы ни взяли, вездѣ до сихъ поръ приходится восходить къ его трудамъ, которые пользуются заслуженной извѣстностью и въ Западной Европѣ. Такимъ же разностороннимъ ученымъ былъ настоящій научный колоссъ—пок. († 1900) проф. Петроградской Духовной Академіи В. В. Болотовъ, превосходившій Порфирія знаніемъ языковъ восточно-христіанскихъ культуръ и строгостью научнаго метода. Его занятія и интересы охватывали и семитское, и хамитское, и индо-европейское христіанство, съ одинаковымъ успѣхомъ онъ работалъ и въ области исторіи Эѳіопской, и въ области Коптской, и Сиро-Персидской церкви, не ограничиваясь ролью изслѣдователя,—по требованію обстоятельствъ, выступая какъ активный дѣятель, знанія котораго были необходимы для рѣшенія очередныхъ церковныхъ вопросовъ. Такъ, въ 1888 году онъ въ своей актовой рѣчи установилъ исторически и догматически обоснованную точку зрѣнія на общеніе православной церкви съ эѳіопской; въ 1897—8 г. его научное участіе было весьма широко въ дѣлѣ присоединенія урмійскихъ несторіанъ. Его ученый авторитетъ признанъ всѣмъ ученымъ міромъ и даже, незадолго до войны, былъ предпринятъ переводъ его трудовъ на нѣмецкій языкъ. Весьма плодотворна дѣятельность по изученію Христіанскаго Востока Петроградскаго Университета и Имп. Русскаго Археологическаго Общества. Благодаря незабвенному проф. В. Г. Васильевскому у насъ имѣется школа византиновѣдовъ, изъ среды которыхъ

вышли дѣятели русскаго археологическаго Института въ Константинополѣ, имѣются спеціальныя періодическія изданія, посвященныя Византіи. Дѣятельность проф. и акад. Н. Я. Марра и его школы, имѣя предметомъ изслѣдованія Кавказъ, уже привела къ интереснымъ построеніямъ, обѣщающимъ первостепенные по важности научные выводы общеисторическаго значенія. Археологическіе результаты производимыхъ имъ изъ года въ годъ изслѣдованій Ани и его района открыли значительную часть древней столицы съ ея храмами, драгоцѣнными росписями, надписями, произведеніями искусства и художественной промышленности и обогатило науку рядомъ научныхъ изслѣдованій. Н Я. Марръ сталъ во главѣ предпріятія, посвященнаго всему Христіанскому Востоку—періодическаго изданія „Христіанскій Востокъ", издаваемаго при Академіи Наукъ; по его почину устроено при факультетѣ восточныхъ языковъ особое отдѣленіе Христіанскаго Востока. Побѣды нашихъ доблестныхъ войскъ на кавказскомъ фронтѣ въ переживаемую нами войну открыли новыя области для русской науки, особенно византиновѣдѣнія и кавказовѣдѣнія. Районы Вана и Трапезунта уже изслѣдуются дѣятелями нашего археологическаго Института въ Константинополѣ и Н. Я. Марромъ.—Экспедиціи въ Египетъ В. С. Голенищева и пок. В. Ю. Бока доставили въ русскіе музеи многочисленные и разнообразные памятники коптской письменности и христіанскаго искусства изъ Египта, наши сношенія съ Абиссиніей обогатили петроградскія библіотеки эѳіопскими рукописями; посѣтившій Россію въ 1913 г. антіохійскій патріархъ Григорій принесъ въ даръ Государю Императору значительное количество арабскихъ христіанскихъ рукописей. Весь этотъ богатый матеріалъ даетъ обильную научную пищу нашимъ спеціалистамъ и уже вызвалъ появленіе ряда ученыхъ работъ. Присоединеніе Туркестана дало нашей наукѣ область, нѣкогда также входившую въ составъ Христіанскаго міра — здѣсь было распространено несторіанство, доходившее до Китая, гдѣ въ Сингâнфу близъ Пекина найдена христіанская надпись VIII в. Съ 1885 г. въ Семирѣченской области близъ Пишпека и Токмака находятъ несторіанскія кладбища и на нихъ камни съ надписями и крестами XIII—XIV в.; погребенные были христіане тюркскаго племени; среди нихъ много духовныхъ лицъ; надписи на языкахъ арабскомъ, сирійскомъ, турецкомъ. Камни поступили б. ч. въ Азіатскій Музей Академіи Наукъ. Изданіемъ и изслѣдованіемъ ихъ занимались Д. А. Хвольсонъ, С. С. Слуцкій, акад. П. К. Коковцовъ, вообще много потрудившійся въ области сирологіи. Живой остатокъ могучей нѣкогда несторіанской церкви, сохранившійся вблизи нашихъ кавказскихъ предѣловъ и принятый отчасти нашей церковью, далъ матеріалъ для почтеннаго труда упомянутаго нами Архим. потомъ еп. Софоніи о современномъ бытѣ и литургіи Іаковитовъ и Несторіанъ. Извѣстный проф. церковной исторіи И. Е. Троицкій былъ авторомъ классическаго труда о вѣроученіи армянской церкви, и проф. Кіевской Дух. Акад. В. В. Розовъ—о христіанствѣ въ Нубіи. Проф. той же Академіи, А. А. Дмитріевскій является крупнымъ изслѣдователемъ исторіи православнаго богослуженія, посѣтившимъ многія области православнаго Востока для изученія греческихъ литургическихъ рукописей, но попутно сдѣлавшимъ въ науку о Христіанскомъ Востокѣ и другіе важные вклады, напр. записки Арсенія Элассонскаго и книгу о Патмосѣ. Трудами ученыхъ и питомцевъ Кіевской Духовной Академіи

Католикосъ Маттеосъ II у статуи царя Гагика I въ Анійскомъ музеѣ.

составился знаменитый Музей, хранящій въ себѣ первостепенныя рукописныя, художественныя и археологическія сокровища, собранныя въ странахъ Христіанскаго Востока.

21-го мая 1882 года состоялось открытіе Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, о необходимости котораго уже думали и Муравьевъ, и Норовъ, и Порфирій. Имѣя своей главной задачей заботы о русскихъ паломникахъ, оно помѣстило въ свою программу также пріобрѣтеніе участковъ земли, научное изслѣдованіе Палестины и изданіе ученыхъ сочиненій, для чего при Обществѣ существуетъ ученый отдѣлъ. Такимъ образомъ Россія обогатилась Обществомъ, спеціально заинтересованнымъ наукой о Палестинѣ и издавшимъ до сихъ поръ болѣе 60 томовъ „Православнаго Палестинскаго Сборника", источниковъ и изслѣдованій, кромѣ того, печатающее періодическій органъ „Сообщенія" болѣе популярнаго характера. Научная и издательская дѣятельность Общества, соотвѣтствовавшая и личнымъ склонностямъ одного изъ его основателей и перваго секретаря, извѣстнаго палестиновѣда В. Н. Хитрово, была иногда направляема и на субсидированіе экспедицій (напр. акад. Н. П. Кондакова) и раскопокъ (напр. архимандр. Антонина у порога Судныхъ Вратъ), но значительное количество пріобрѣтенныхъ имъ и миссіей земельныхъ участковъ и предметовъ древности (музей при миссіи) могло бы побудить его къ болѣе широкой археологической дѣятельности тѣмъ болѣе, что примѣръ иновѣрныхъ палестинскихъ обществъ и духовныхъ учрежденій давно уже требуетъ, чтобы и мы не отставали въ области изслѣдованія памятниковъ Св. Земли отъ другихъ народовъ*). Палестинское Общество содѣйствовало разрѣшенію наболѣвшаго вопроса о разграниченіи сферъ дѣятельности консула и духовной миссіи въ Іерусалимѣ, а его заботы о паломникахъ и русскихъ путешественникахъ привели къ тому, что пріѣзжавшій въ Палестину русскій чувствовалъ себя, какъ на родинѣ.

Патріархъ антіохійскій Григорій, посѣтившій Россію въ 1913 г.

Русская наука т. обр. отнеслась весьма чутко къ Христіанскому Востоку и его значенію для Россіи. Она достигла въ этомъ отношеніи значительныхъ успѣховъ; съ ней считается западно-европейскій ученый міръ, гдѣ изслѣдователи Христіанскаго Востока уже сознали для себя необходимымъ знаніе русскаго языка. Не такъ отнеслось къ ближнему Востоку русское общество—мимо него прошли и успѣхи науки, и политическіе интересы, и попытки литературнаго ознакомленія (К. Н. Леонтьевъ и многочисленныя путешествія). Его отношеніе все еще было или пренебрежительно или сантиментально, въ то время, какъ за рубежомъ давно уже поняли, что первымъ условіемъ для вліянія на Востокѣ является его знаніе.

Въ наши кровавые дни рѣшается судьба восточно-христіанскаго міра—быть ли ему возглавляемымъ православной Россіей, или войти въ составъ протестантско-іезуитско-мусульманской имперіи отъ Нордкапа до Багдада съ центромъ въ Берлинѣ. Идея этого чудовища родилась не вчера. Еще знаменитый Рошеръ говорилъ, что Малая Азія непремѣнно будетъ достояніемъ Германіи. Берлинскій конгрессъ и необычайное развитіе нѣмецкой науки о Востокѣ было прямымъ продолженіемъ политики Фридриха-Вильгельма IV; Австрія никогда не переставала считать Балканскій полуостровъ своимъ наслѣдіемъ; германскіе профессора, даже самые миро-

*) М. И. Ростовцевъ—Русская археологія въ Палестинѣ („Христіанскій Востокъ", т. I).

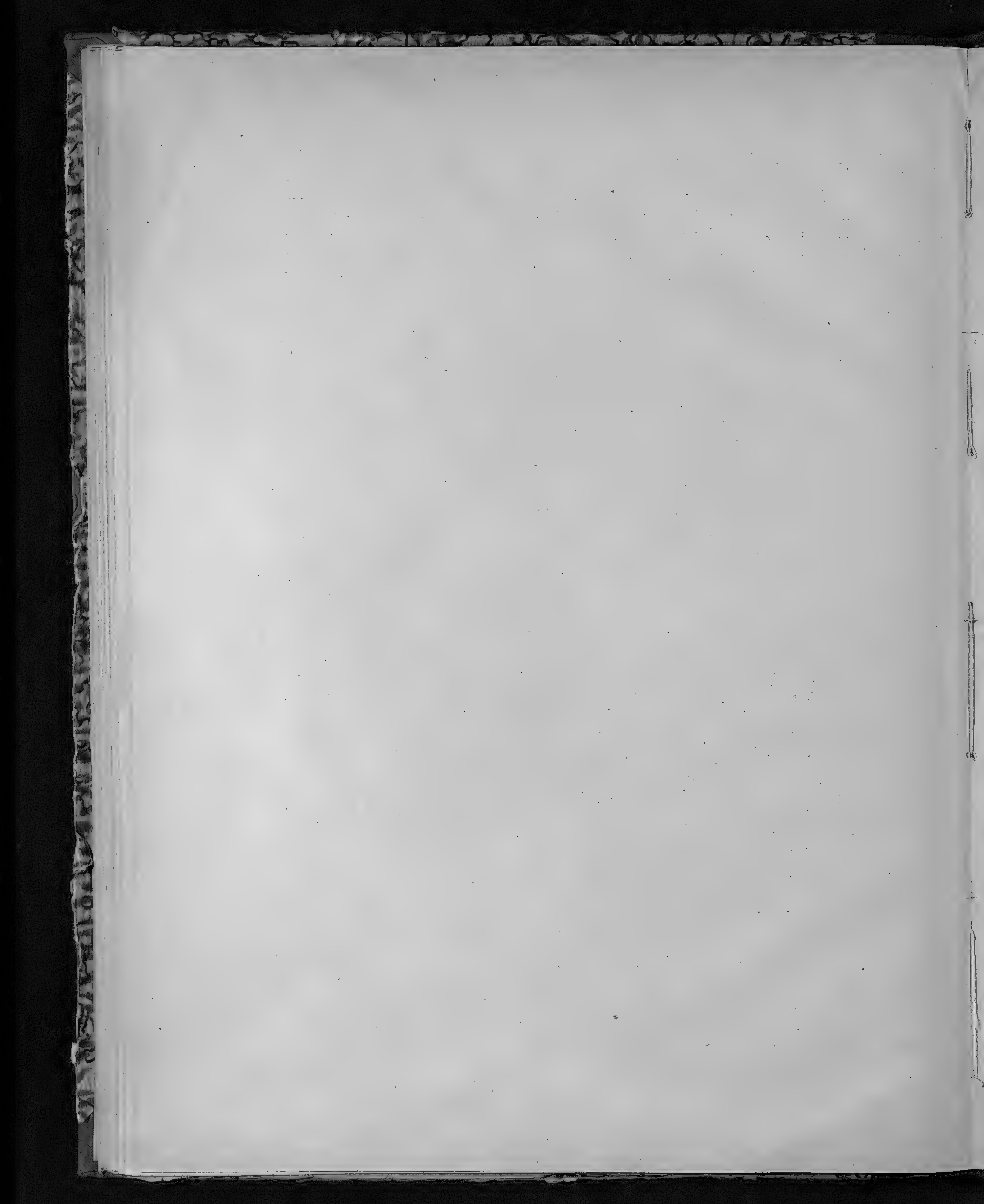
любивые, считали истребленіе сербовъ лишь вопросомъ времени, ибо этотъ народъ стоитъ на пути движенія германизма. Навстрѣчу шли нѣмцы—короли и правительства освобожденныхъ нами балканскихъ государствъ, старательно создавая у себя оріентированную на Западъ и враждебную Россіи интеллигенцію и забывая при этомъ, что самое существованіе этихъ государствъ, съ точки зрѣнія Берлина, можетъ быть только временнымъ. Эта систематическая работа принесла свои пагубные плоды—мы дожили не только до политическаго предательства и племенного отступничества, но и до пасхальныхъ минъ 1916 года. Со времени Гефсиман-

Надгробный камень съ христіанско-сирійской надписью изъ Семирѣчья.

ской ночи міръ не видалъ большей гнусности. Мы вѣримъ, что она не останется безнаказанной, а благородное выступленіе Румыніи даетъ намъ основаніе не считать Балканскій полуостровъ окончательно потеряннымъ для Христіанскаго Востока. Энергичныя мѣры союзниковъ спасли въ самое недавнее время и крайній югъ этого міра — Абиссинію, втеченіе цѣлаго тысячелѣтія героически боровшуюся съ исламомъ и едва не сдѣлавшуюся его жертвой по проискамъ нѣмцевъ и турокъ. Переворотъ 15 сентября 1916 года, вѣроятно, положитъ предѣлъ и абиссинской политикѣ Германіи, которая упорно и планомѣрно стремилась занять мѣсто Россіи, отошедшей въ представленіи абиссиновъ на задній планъ послѣ японской войны. И здѣсь отправленіе ученыхъ экспедицій шло рука объ руку съ наводненіемъ страны комиссіонерами, купцами и сѣятелями протестантизма и мусульманства.

Б. Тураевъ

Списокъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ I томѣ.

Рисунки въ краскахъ, на отдѣльныхъ листахъ и наклейками.

Рисунки въ текстѣ.

Стр.

Стр.

Содержаніе I тома.

Цѣна выпуска въ отдѣльной продажѣ **3** р.

